Седьмой выпуск
ноябрь 2008

Литературный MIX

тексты с подтекстом

Главный редактор
Елена Владимировна
Мошко (Горнакова)

География выпуска
Афанасово
Биробиджан
Днепропетровск
Калининград
Красноярск
Москва
Николаев
Санкт-Петербург
Тольятти

СОДЕРЖАНИЕ

Все повторится
Вячеслав Качурин. С любовью все возможно 2
Рустам Карапетьян. Александр Мадисон.
Валерий Сергеев. Стихи 3

Я играла в комара
Александр Мадисон. Стихи для самых маленьких 4

Оторваться от земли
Людмила Бубнова. Гага и Жанна 5
Евгений Гинзбург. Прыжок 8
Надежда Воронова. По разным берегам 8
Рустам Карапетьян. Случается, так накроет... 9
Владимир Дерябкин. Тишина. Третья жердь 9

Мысли невслух
Евгений Гинзбург. Юрий Крюков 10

От составителя антологии современной поэзии
Леонид Костюков.
Все главное под одной обложкой 11
Андрей Гришаев. В доме вспыхивает свет 11
Вадим Керамов. День и ночь кричит дитя 12
Алексей Кубрик. К этой музыке в шуме клавиш 13
Борис Херсонский. Пес-поводырь, который
водил слепца 14

Книжный салон
Выставка-ярмарка «IV Санкт-Петербургский
Международный Книжный Салон - 2009» 14

Действующие лица
Владимир Колотенко. Охота 15
Рустам Карапетьян.
Шаг – и ты на сцену яркую 54

Осенние аккорды
Елена Лео. Глубокая осень 55
Марина Дубровицкая. Осень 55
Рустам Карапетьян. В рассыпающейся тиши 55

Осенние аккорды
Евгений Гинзбург. Листком по ветру.
Сделай шаг 55
Эсфирь Козлова. Бабье лето.
Листья падают, падают, падают 55

Поэтические ступеньки
Виктор Плиев. Памяти детям Беслана 56
Виктор Плиев. Михайло Ломоносов
(Отрывок из романа в стихах) 57

Легенда
Мостовая гигантов 61

Ирония судьбы
Валентин Лядащев. Калошин. Про хитрую рыбку.
Воробьишко Припрыжка 62
Андрей Минеев. Ваня 64
Макс Шульман. Любовь - это логическая ошибка
(Пер.с англ. *Л.В. Киревичевой*) 65

Визит
Сергей Князев: Ковроткачество 68
Нордмедиздат: От рукописи до тиржа 69
Ксения Лаврова: Графика в интерьере 69
Елена Телегина: Приглашаю в ателье 69

Драматическая фантазия
Петр Артемьев. Месть Серафимы 70
Рустам Карапетьян. Пусть земля тебе пухом 77
Вилиор Иванов. В конуре 77

Другая скорость
Александр Мадисон. По корявым российским
колдобинам 78
Рустам Карапетьян. Посиделки под водку
на кухне. Тают звёзды в ночной пропасти 78
Анатолий Домашев. Когда у вас была эпоха.
Это что там пролетело? 78
Валерий Стар. Баллада о безысходности.
Обрубок. Люди-лошади 78

Информация для читателей 80

Поощрительные гонорары авторам после публикации

Вячеслав Качурин

С любовью все возможно

Любовь шагает по планете.
В ее живительных лучах
Цветут сады, смеются дети
И жизни теплится очаг.
Любви подвластны все широты,
И рядом с нею сквозь года
Летят по небу самолеты,
Бегут по рельсам поезда.

Любовь сильна вселенской властью,
И, сея в душах непокой,
Она идет и дарит счастье
Своею царственной рукой.
Ей служат феи и атланты.
Она – маяк в кромешной мгле.
В ней воплотились все таланты
И все шедевры на Земле.

Ее владения просторны:
Она не ведает преград.
“Любви все возрасты покорны”, -
О ней в народе говорят.
Сквозь все невзгоды и тревоги,
Через века ведет нас вновь
По главной жизненной дороге
Ее Величество Любовь!

Все начинается с любви:
Весна в душе, пожар в крови
И в жизни, что ни назови,
С любовью связано надежно,
О ней трезвонят соловьи,
И мир ликует: «Се ля ви!»
Все начинается с любви,
С любовью все возможно!

Рустам Карапетьян

* * *

Тело словно на весу
К небу тянется ответно.
– Ты еще растешь? – Расту
Под дождем грибным и летним...
– Ты еще поёшь? – Пою,
Не забыв твои уроки...
Тёплый дождь целует в щёки,
Продолжая песнь твою.

* * *

А проснувшись поздней ночью
У постели малыша,
Сна не стряхивая клочья,
И почти что не дыша –
Слышишь, как за занавеской,
Словно «баюшки-баю»,
Тихий сап в кроватке детской?
Это ангелы поют.

www.astafiev.ru

Рустам Карапетьян

С 2006 года – участник литературного объединения «Диалог». Участник конкурсов «Король поэтов-2006», «Тебе – Красноярск 2006», «Новый Енисейский литератор» (дипломант 2007 года в номинации «Поэзия»). Несколько публикаций в журнале «День и ночь», а также в различных коллективных сборниках.

Александр Мадисон

* * *

Тихо, тихо, не шумите,
На стене, часы, замрите.
Ветер, в трубах не свисти,
Не качай травинки,
Не гуди, огонь, в печи,
Не звените, крынки.
Половицы на полу
Заглушат ботинки.
Не стучите по стеклу,
Мокрые снежинки.
Даже кошка не мурчит.
Тихо... тихо... мама... спит...

Александр Мадисон

Последние несколько лет работает в школе учителем физики. В 2007 году как автор романа-сказки «Сердце спящего духа» стал финалистом литературной премии «Заветная мечта» в двух номинациях: «Фэнтези» и «Дебют».

Живет мирно, никого, кроме своих учеников, не трогает.

E-mail: almad@yandex.ru

Валерий Сергеев

Карапуз

Летний день. Спускаюсь к морю.
Стайка галок на заборе,
Как аккорд на нотном стане,
Знай, горланит непрестанно.
Теплый ветер еле-еле
Разгоняет волн качели,
На лазурной глади моря -
Чайки как ромашки в поле.
Карапуз в смешной панаме
Насыпает в туфель маме
Мироздания кирпичики
И печет, печет куличики...
У него нахмурен лобик,
Он Творцу сейчас подобен:
Без корысти, злобы, страха -
Созидает жизнь из праха.
Что за мудрый карапуз!
Словно с плеч свалился груз:
Улеглась тоска-печаль моя.
Значит, встреча не случайная?!
Я так рад за малыша -
У него чиста душа,
Да и труд был не напрасен:
Я увидел - мир прекрасен!

Добрый день!

«Добрым будет новый день!» -
Говори дождливым утром.
Хоть, порой, поверить трудно –
Добрым будет новый день!
«Добрым будет новый день!» -
Как молитву ты шепчи.
Пусть для грусти сто причин –
Добрым будет новый день!
«Добрым будет новый день!» -
Повторяй, ко сну готовясь,
Всех прости, облегчи совесть –
Добрым будет новый день!
«Добрым будет новый день!» -
Ты тверди среди ночи.
Не беда, что хлеб горчит, –
Добрым будет новый день!
Жизнь не мед и не елей!
Пусть слеза щеку щекочет,
Лишь для тех, кто сам захочет,
Будет много добрых дней!

Валерий Сергеев

Преподает, занимается спортом, художественной самодеятельностью, любит хорошую литературу, музыку и театр. Работает в Калининграде заместителем глав.врача МУЗ «Городская станция скорой медицинской помощи».

Александр Мадисон

***

Я играла в комара:
Ныла, ныла я с утра.
Ы-ы-ы! Ы-ы-ы!
К ночи наигралась –
Мама разрыдалась.

***

Кира прыгает, как мячик,
На кровати скачет, скачет...
Осторожней прыгай, Мяч!
Ушибёшься – будет плач!

Спор

Хорошо на маме спать.
Мама мягче, чем кровать.
И теплее, и нежнее,
Мама лучше, чем кровать.
Мы поспорили с Валеркой
Из соседнего двора.
Он сказал, что папа сильный,
Он на нём заснул вчера.
Я поверила Валерке,
И теперь всё ясно мне:
Дома буду спать на маме,
А на папе – во дворе!

* * *

Мы заходим в магазин, –
Мне купите апельсин!
И конфеты, и ватрушку,
И вот эту вот игрушку!
Куклу, мячик, конфетти...
Помогите унести...

***

Я могу летать взаправду, –
Поднимаюсь в облака.
У меня большие крылья,
Папа держит лишь слегка.

Ели кашу

Ели кашу,
Ели ложкой.
А ещё
Щекой немножко.
Носом, лбом
И волосами...
А потом
Полезли к маме.
Потянулись к ней
Руками,
Волосами, носом,
Лбом.
Маму мы не узнаём!

***

Спать пора

Время сна, но мне не спится.
Много дел: на пóл спуститься
И проверить, у кота
Не рассыпана еда?
Уложить игрушки спать,
Мячик принести в кровать.
Попроситься на горшок,
Папин дёрнуть ремешок.
Выпить чай,
Размазать кашу,
Сдёрнуть скатерть со стола...
Покапризничать слегка...
Мама чем-то недовольна...
Может, спать уже пора?

***

Мастер

Подарили мне рубанок,
И в столярной мастерской:
Вжжжик! Вжжжик!
Я колдую над доской.
Это будет самолёт.
Он отправится в полёт.
Вжжжик!
Не выходит самолёт -
Пусть кораблик поплывёт.
Вжжжик!
Нет, кораблик маловат.
Ладно, будет самокат.
Вжжжик!
Ох, колёса узковаты
И немного кривоваты.
Вжжжик!
Получается пока
Просто ровная доска.
Вжжжик!
Посмотрите: эти стружки –
Очень славные игрушки!
Вот!!!

Старый кот

Утром Солнышко встаёт,
Спит на кресле старый кот.
У него большое дело:
Не проснётся до обеда.
Крик и гам со всех сторон.
Мы играем. Папа – слон!
Спит на кресле старый кот.
Даже ухом не ведёт!
Собираемся гулять,
Залезаю под кровать,
Обтираю паутинку,
За шнурок тащу ботинки,
И, рассыпав все игрушки,
Ухожу гулять с подружкой.
Старый кот лишь потянулся
И во сне перевернулся,
От обеда до заката
Снова в доме шумновато.
Старый кот на кресле спит,
И во сне чуть-чуть храпит.
Вот на улице темно,
Затворяю я окно,
А затем, зевая сладко,
Я иду к своей кроватке.
Старый кот, зажмурив глазки,
Мне намуркивает сказки.

Уроки чтения

Моему братишке – пять!
Я учу его читать.
Знаю я, что до пяти
Легче научиться.
Буквы нужно все пройти:
В жизни пригодится.
Я ему про «А» и «У»,
«Мама... папа... ложка...»
Он в ответ: «Агу, агу», -
И болтает... ножкой.
Я учу его читать
До изнеможения.
Моему братишке – пять
Месяцев с рождения.

За сестрой!

Мы – в специальном магазине.
Продавцы в халатах синих
Скоро маму приведут.
Продают сестрёнок тут.
Я надулся в уголке,
Не нужна сестричка мне.
Маму с папой провели!
Вон, братишку понесли.
Вон ещё, и снова братик.
Обещали, будет праздник.
Чуть не плачу: вновь удар.
Покажите весь товар!

Людмила Бубнова

ГАГА И ЖАННА

ГАГА СЛУШАЕТ РАССКАЗ ВИТИНА СВЕЧНОЙ ПЕРЕУЛКЕ Беме - 58 г. 95

Сколько людей на этой чудесной загадочной картинке - двое? Ничего подобного. В данный момент, в тот момент полувековой давности и навсегда - трое. Гага, Голявкин и Беме - блистательный Миша Беломлинский, замечательный график, он рисует друзей на странице, а сам, естественно, сидит за краем полосы. Он нарисует что хочешь: что есть, что было, что будет, чего никогда не будет и даже не подозревается.

Вот почему, когда понадобилось издавать книгу Голявкина в издательстве, а назначенный иллюстратор неожиданно для всех и для самого себя сошел с круга, оформление задерживалось до неизвестных времён, книга могла выпасть из тематического плана и больше никогда туда не попасть, и там, за пределом, неизвестно чего можно ждать, я попросила Беломлинского взяться быстро оформить книгу. Только ему под силу, думалось мне, оперативно работать, как требуется в данный момент. Он наш талантливый шестидесятник, и, значит, может всё, он мужествен, у него не дрогнет рука сработать в быстрейшем темпе и без потерь.

Но Миша сказал:

- Я сейчас занят. Позвони Гаге, он свободен.

Гага - Георгий Васильевич Ковенчук, тот, что изображён Беме на рисунке.

Гага, конечно, взялся за дело. Но он думал: на книгу такого объёма по норме даётся срок месяца три.

Он ошибался. Я звонила ему каждые три дня и подгоняла: «Быстрей! Давай! Ещё быстрей!»

Жанна наконец мне строго сказала: «Не бывает так быстро! Нельзя!»

А мне было - нужно! И никаких «нельзя!». Как в последний раз! Обстановка в издательстве тревожно сгущалась, надвигалось нечто необъяснимое - в самом деле вскорости грянула «перестройка», а с ней действительно всё заскользило, покатилось...

Я знаю, неуместно говорить художнику: «Давай-давай! Быстрей! Быстрей!» Я, конечно, чувствовала себя крайне неловко. Но фамильярный способ в данном случае был вполне осознан и, как представлялось, совершенно необходим. К тому времени сам Голявкин не делал рисунков пером: у него осталась подвижной левая рука и он мог заниматься только масляной живописью. Но если книга не поспеет с оформлением, её как таковой никогда не будет.

Чтобы что-то БЫЛО - надо любой ценой постараться.

Вот и стараемся. Гаге труднее: ему работать - обложку, форзацы и несколько шмуцтитулов, по количеству частей в тексте.

Жгуче интересно, что же из этого выйдет именно у Гаги.

В основном художники тогда отражали «реальную действительность» в формах самой действительности, созерцательно, неповоротливо соображали в одном русле, правда, в меру своего темперамента - в этом была разность изображения. В силу своего темперамента «боролись» с окружающей действительностью, были вполне довольны собой, других забот своему темпераменту не задавали, не напрягались, береглись, видно, для чего-то другого.

Гага и Беме, окончившие академию в 1960-м, владели юмористическим рисованием в отличие от других. Значит, они и на пресловутую «окружающую действительность» - «природу-матушку» - смотрели не просто в лоб, а несколько высокомерно что ли, скажем, с высоты птичьего полета. Привычные глазу вещи и предметы сугубой назойливой конкретности они некоторым образом деформировали на свой (юмористический) лад. Вещи и люди начинали прямо с листа смеяться. Смеялись и другие, глядя на них. Сходило с рук: старались не замечать остроты, считали, мол, всё равно остальные лучше, нас больше, чем тех... этих... которые издеваются над реальной действительностью. Посмотрим, мол, насколько их, не в меру смелых, хватит. Сама действительность покажет... Были и до них смельчаки в 20-30-е. Где они теперь, в каких запасниках пылятся без глазу. Был такой авангардист Николай Кульбин, Гагин дед, мало кто его знает, так теперь и Гага туда же. Дофантазируется...

Таков приблизительно был фон, на котором они начинали самостоятельно работать в графике.

Но тем не менее они уже рисовали сатирические плакаты в «Боевом карандаше» на темы бытовой и общественной жизни города. Пример оказался заразительным, или что-то в воздухе оживело, прорвало. Не без их влияния, между прочим.

У Гаги гениально получаются станковые плакаты, по фантазии я не знаю им равных, во всяком случае, других таких авангардных у нас в то время я не видывала. Да и станковая графика у него с особым художественным вкусом и стойким формалистическим ароматом.

Но тут речь идет не о станковых вещах - о книжной графике - совсем другой жанр. Потому интересно: что выйдет из моего «давай-давай, быстрей-быстрей!»?

Жанна сказала: «Так быстро нельзя!» Она мешает мне. Она - Гагина жена. Навстречу моему дикому напору встаёт Жанна. Жанну не сдвинешь, не упрекнёшь.

Ну, раз Жанна встала в позу, мне уже не прорваться.

Жанна - молодая высокая красивая учёная семейственная надёжная «шестидесятническая» единственная жена - первая и последняя. Она знает, что хорошо, что ново. Она настаивает на его гениальности (и без возражений!), отражает наскоки, сплетни, нападки, подвохи со стороны, не взирает на интриги. Когда Жанна сама взялась за кисть, то на выставке ЕЁ картин Голявкин написал от всей души в Книге отзывов: «Молодец, Жанночка! Хороший художник из тебя получился!» А при встрече говорил Гаге: «Заметил, вообШе, я написал со смыслом: не «получится», а «получился» художник. Понял!» Он подчеркивал значимость слова. Видимо, чтобы Гага позавидовал собственной жене. Но вызвать в их семье трения никому не удастся: можно позавидовать, как у них все идет в ладу.

А однажды Гага рассказал:

- Если бы не Голявкин, мы с Жанной не поженились бы. Наша женитьба началась в белые ночи шестидесятого года. Когда Голявкин утопил мои ботинки...

...Мы защитили диплом, у нас была вечеринка. А после выпивки в два часа ночи идем мимо университета: я, Голявкин, Беломлинский, Смирнов... Я сначала бежал по парапету - выпивши у меня наступало бесстрашие. А потом думаю: я их сейчас напугаю, полезу купаться в Неву. Там пологий спуск, булыжником выложенный. Я раздеваюсь на бегу: снял рубашку, брюки, до трусов разделся. Они меня не пускают. Взяли мои вещи, а Витька взял ботинки. Я их только-только купил, финские ботинки - 350 рублей - дорогие, черные, шикарные - первые нормальные ботинки у человека. Носки тоже новые я аккуратно сложил и засунул в ботинки. Витька за шнурки их держит. А они: «Гага, не надо!» Я разбежался и раз - затормозил. «Ну ладно, не буду, уговорили...» Я стал одеваться: рубашку, брюки надел, осталось обуться. Тут Витька стал от меня бегать: «Догони! Догони!» Я босиком его догоняю, а он не дает мне ботинки: «Хочешь, я сейчас твои ботинки утоплю?» Мне в голову не пришло, что такие ботинки можно утопить. Мы запыхавшиеся стоим у парапета, возле спуска. А он держит один ботинок над водой. «Хочешь, сейчас утоплю?» - «Попробуй!» Он разжал пальцы, и ботинок полетел в Неву. Я не верил своим глазам.

«Топи, говорю, и другой ботинок». Он второй бросил. «Да я, - говорит, - свои, хочешь, сейчас утоплю». А у него дешевые клеенчатые сандалии. Мои - 350, а его, может, - 5 рублей. Он их снял и выбросил. Все стали его ругать: «Что ты наделал!» А уже солнце взошло, день начался. Моя мама волновалась, когда меня дома не было...

Поднялся я на шестой этаж босыми ногами по ступенькам грязным, противно - сейчас надо ноги мыть... по нашему коридору. А дверь заперта. Мама закрыла в наказание за то, что опаздываю. Я стучу, стучу. Мне неудобно громко стучать. Там 46 жильцов в коммуналке. Я говорю: «Мама, открой. Я босиком. Мои ботинки Голявкин утопил». Она не могла удержаться от смеха: какая фантазия у сына! Надо же: Голявкин ботинки утопил! Открыла: «Почему ты босиком?» - «Я ж

говорю, ботинки утопил Голявкин». В общем, ноги помыл, лег спать...

На другой день приходим к Витьке в мастерскую. Витька спит. Проснулся. «Что надо?» - «Покупай новые ботинки!»

Он говорит:

- ВообШе-то, глупо! Уже не интересно! Интересно, что я утопил ботинки. А что на следующий день пошёл покупать - это же не интересно! Придёт момент, мы лучше выпьем, я приглашу в ресторан.

И вот буквально на этой неделе я знакомлюсь с Жанной. Хожу я уже не босиком, в старых ботинках, начинаю за ней ухаживать. Назначаю свидания, встречаемся каждый день. Я рассказал ей про Голявкина, что он утопил мои ботинки. Смотрю: с другой стороны площади идет Витька, который утопил мои ботинки.

Я познакомил его с Жанной. «Насчет ресторана, помнишь, говорил? Веди нас прямо сейчас». Мы решили идти в «Восточный», а он говорит:

- Зачем в ресторан? Там все дорого. Давай лучше на эти деньги в гастрономе купим всего, выпивки, закуски и пойдем к тебе.

И вот накупили много всего, поднимаемся ко мне домой. Я думал, никого дома нет, а к нам гости пришли. После того как посидели, мама говорит: «Какая хорошая девочка Жанна. Женись на Жанне!» И папа тоже подтвердил. Она вела со всеми беседу. Красивая была. И тогда говорю Жанне: «Может, с тобой поженимся?» Она сразу: «Давай...» Она училась на третьем курсе ЛГУ.

15 октября мы с Жанной поженились. В моей судьбе Виктор сыграл большую роль. Вот!

Предыдущая история жизни, таким образом, не позволяет мне обойти и добиться быстрого выполнения графической работы.

Ни на что надеяться не приходилось: творческое дело не выносит давления ни с какой стороны - давно известно. Не будет готово к сроку оформление - книга не выйдет.

Хотя смиренность не свойственна моему характеру, но я начала приучать себя к мысли, что книга срывается. Дело, не доведённое до завершения, превратится в пыль безысходности - в строительный материал для чего-нибудь другого...

Жанна стоит на пороге: она говорит «нельзя!»

Но... через неделю оформление книги было представлено художественному редактору издательства. То ли подействовал прессинг «быстрей-быстрей», то ли сработал непреодолимый Гагин профессионализм.

Книга оформлена в два скупые цвета. Рисунки - черным проволочным бесчувственным контуром, без подробностей, без теней, без гуманитарной дрожи в руке.

Но он умело сделал БЕЛЫЙ цвет на БЕЛОЙ странице.

Предметы небрежного приблизительного абриса не стоят, не лежат ни на земле, ни на странице - они болтыхаются в космосе и усмехаются над нами и над своей примитивной условностью. Ироническое небрежение к буквализму давно-давно переписанных-перерисованных предметов лучится от их назойливого банального добродетельного существования и от вынужденного сочетания в композиции полосы.

Вот он стряхнул на форзац дождевые капли - будто заострил внимание на бесспорной индивидуальности дождевой капли - мол, именно так ее надо рисовать.

В узком контуре вещам и предметам неловко за свой примитив, и видом они иронически насмехаются над нами не зря.

В то время скудность и примитивизм окружающего нас вещного мира были адекватны реальной действительности. В стране не хватало под рукой самого необходимого: что и было, то быстро исчезало с продажи.

А в это время остальной мир полнился избыточным разнообразием вещей, предметов человеческого обихода всевозможных немыслимых форм - «идеологически» нам недоступных. Потому художник и усмехается над нами, упирающими неуверенный взгляд в тревожную шаткую условность вещей.

Гага, как никто другой, превращает любой предмет, контур, абрис в СИМВОЛ. Люди и предметы под его рукой - символы. Они будят воображение мысленно дорисовать подробности: что, где, как и когда.

СИМВОЛИЗМ его графики оригинален, отличает его от всех современных ему художников. Он с самого начала впитал авангардистские течения в искусстве 20-30-х и продолжал усилия художников тех лет по выработке новых форм. Его формализм - призыв к поиску НОВЫХ путей в искусстве, вопреки одномерному «реализму» и устойчивому единомыслию - черта новатора-шестидесятника.

В 1960-е он был чуть ли не один такой, потому, возможно, представлялся не слишком убедительным в своём плане. В его символике видимо недоставало агрессивности, не хватало также последователей, подражателей и поклонников - они к тому времени ещё не выросли. Да, и возможно, ирония не до всех доходила.

А шумные авангардисты 70-80-х думали, что самостоятельно далеко пошли в свободомыслии и никому не обязаны признательностью; они высокомерно смотрели на своих предшественников из 60-х. Потому его имя в искусстве не добилось громкой известности. Но я не зря говорю и пишу: в 60-е начинало создаваться НОВОЕ искусство у нас в России. Один из творцов - Гага, Георгий Васильевич Ковенчук.

Книга вовремя вышла в свет - последняя, доперестроечная - 100-тысячным тиражом, за ней стояли очереди и моментально раскупили читатели. Такое тогда было время: книги любили, ждали, покупали, читали - на них надеялись.

Я намеренно не упоминаю названия книги - все равно ее теперь не достать.

31 июля 2008 СПб

Людмила Бубнова

Писатель, литературный редактор, исследователь творчества писателя и художника Виктора Голявкина, автор трилогии о нем, первые две книги которой (“Стрела Голявкина” и “Голявкин, гениально, старик!”) публиковались в литературных журналах. Третий роман “В чувствительном женском кругу” вышел в аудиоварианте.

Евгений Гинзбург

ПРЫЖОК

Удивительно, но весь мир похож на реку. Обманчивую мутную реку, разделяющую два абсолютно разных берега. Один берег представляет собой тёплый обласканный солнцем пляж, на котором нежатся те, кому повезло родиться по эту сторону реки и те, кто каким-то образом сумел перебраться сюда с противоположного берега. Первые ничего не знают о жизни на другом берегу и лишь издалека с изумлением наблюдают за ним. Но из-за ширины реки трудно что-то разглядеть, и всё, что они видят – это вечно серое небо и бурые облака, скрывающие горизонт. Для вторых жизнь другого берега – незабываемый кошмар, возврат к которому был бы для них самым страшным поворотом судьбы. Они боятся даже в мыслях вспоминать о прошлой жизни и всеми способами пытаются скрыть своё прошлое, выдавая себя за коренных обитателей пляжа.

Другой же берег, если приподнять завесу облаков, поражает не столько высотой и неприступностью холодных скал, сколько мрачностью прибрежного молчания.

Это молчание уже само по себе подавляет любую надежду на существование добра и справедливости по эту сторону реки, а высота и серость утесов лишь подтверждают правильность этого предположения. Течение реки у этого берега настолько сильно, что выбило в скалах вдоль всей прибрежной линии глубокие гроты. Поэтому всем, кто отваживается перебраться на другую сторону реки, приходится прыгать в воду с высоких утёсов, уповая только на свои силы и снисходительность провидения, так как возможности передумать и вернуться у них нет. Но так же и нет возможности оторвать взгляд от того света, который виден на противоположном берегу. Скольких людей свёл с ума этот манящий свет. Сколько сил, да что сил, жизней растрачено во имя достижения этого далёкого светлого берега.

Прыгают в воду все. Кто-то реально, кто-то лишь мысленно. Кто-то из-за амбиций, кто-то от безысходности, но прыгают все.

Когда прыгнул он и что толкнуло его на прыжок, человека сейчас уже не интересовало. Но, преодолев самую трудную и опасную часть реки, когда, казалось, всё уже было сделано, он перестал грести и поплыл по течению. Почему он поступил таким необъяснимым образом, выходящим за рамки разумного? А разве все поступки сделанные людьми разумны и объяснимы? Просто, остановившись на секунду, чтобы передохнуть, он понял, что именно сейчас, когда его ничто не связывало ни с одним из берегов, он был если не счастлив, то хотя бы свободен. Ему не нужно было прилагать особых усилий, чтобы продолжать движение. Течение само продвигало его вперёд и единственное - что от него требовалось, - это потихоньку двигать руками, чтобы не утонуть. Зато он мог спокойно наблюдать за тем, что происходило на пляже, казавшимся раньше верхом вселенского творения. Как забавно выглядели торопливые движения людей, пытающихся идти быстро и уверенно, как им казалось – в ногу со временем, но на самом деле семенящих из-за пут, которые обязаны были носить все, кто был или становился жителем пляжа. Проделывая это, они даже не задумывались над абсурдностью того, что они хотели сделать. Вся их жизнь ограничивалась рамками, почему-то необходимыми для существования на **пляже**.

Человек же, гонимый течением, продвигался быстрей других, при этом почти не двигаясь. Да, время его шло быстрей. И закончится оно, конечно, тоже быстрей, но он при этом успевал жить своей, пусть непонятной и быстротечной, но именно своей жизнью.

Надежда Воронова

По разным берегам
Речной долины,
По зарослям
Неведомой судьбы,
Рисуя
Увядания картины,
Мы пробирались
В поисках тропы.

И вдруг река
Открылась перед нами.
Река любви!
О том не знали мы.
И на нее
Печальными глазами
Глядели,
Стоя на пороге тьмы.

А по утру
Нежаркими лучами
Окрашивало солнце
Закутки.
И позабыли мы
Свои печали
На разных берегах
Одной реки.

Вошли мы в воду,
Думая: преграда
Очередная.
И теперь - плыви!
На берегу другом
Сверкает радость...
И увлекла с собой
Река Любви.

Любви последней
Тихое течение
Невысказанной
Нежности полно,
И наших чувств
Глубины откровений
Нас не страшат
Падением на дно.

Рустам Карапетьян

Случается - так накроет,
Весь мир - кувырком, вверх дном.
И - к стенам цветущей Трои.
И - за золотым руном.
Ведь, как ни уютна заводь,
А всё-таки жизнь - поток.
С востока летишь на запад,
И с запада на восток.
Захлёбываясь в погоне,
В попытке сорвать звезду.
А жизнь по твоей ладони
Протачивает борозду.

ТИШИНА

Я в Москве. Час ночи. За окном дома, в котором я остановился у своего друга по манежу Виктора Криволапова, такой грохот стоит, что уснуть невозможно. Одеваюсь, выхожу на улицу: идет ремонт дороги. Компрессоры зло шипят, отбойные молотки откалывают льдины старого асфальта. Синий «ЗИЛ» медленно пятится назад, подставив свой искалеченный кузов. В него летят куски от прошлой дороги. Москву готовят к празднику - ей восемьсот пятьдесят лет.

Перехожу на другую сторону улицы. В окнах дома то там, то здесь гневно, поодиночке вспыхивает свет. Но ненадолго. Отбойные молотки будто знают, что их боится не только дорога, но и напротив стоящий многоэтажный дом.

- Неужели вот так будет всю ночь грохотать? — спрашиваю я у начальника. Нельзя же так.

- Можно, - обрывает он меня.

- А если кто-то не выдержит и что-нибудь пульнет?

- Честно сказать, я и сам удивляюсь, как они терпят. Вчера мы под утро закончили, и ничего.

Смотреть на это чудовищное унижение я больше не мог. Мне стыдно было за людей, за их трусливое молчание. В малознакомой кухне моего друга я нашел бутылку из-под шампанского, положил ее в целлофановый пакет, с которого на меня смотрел грустными глазами Игорь Тальков, и снова спустился вниз. Открыл дверь подъезда, прохожих не было. Швыряю бутылку. Бутылка с треском разлетелась о толстый живот компрессора. Я быстро направляюсь к лифту. Нет, не поеду, пойду пешком, чтобы самого себя не упрекнуть в трусости. Медленно поднимаюсь по лестничной клетке.

Двери, двери, двери. Все они закрыты.

-Почему, почему они молчат? Почему не летят такие бутылки из каждого окна? Кто и когда убил у них иммунитет защиты, иммунитет самообороны?

Моя дверь полуоткрыта, она будто ждала меня, волнуется. Она знает, что я пошел один. Вхожу в комнату, опускаюсь на постель, прислушиваюсь. Один молоток стих, второй еще работает, но как-то уже неуверенно, но вскоре и он замолкает. Компрессоры медленно испускают дух. Возвращается мною заработанная тишина.

Спокойной ночи, Москва!

У тебя впереди скоро большой праздник. Большой праздник победы над собой.

С.-Петербург, 1997 г.

Владимир Дерябкин

ТРЕТЬЯ ЖЕРДЬ

Много дней и ночей провел я, да и сейчас провожу, в творческих головоломках. Все время хочется выдумать что-то необычное, неповторное. К таким обычно тянутся люди, обделенные выдумкой, но одаренные двойной любовью к физическому труду.

Однажды работал я в цирковой программе с номером турниста Николаева, а у него партнером был Витя Голышев. Пришел он в цирк из спорта. Настырный такой, зайдет, бывало, в фургон сделать мне массаж и просит:

- Игнатьич, ну придумай что-нибудь. Не могу я больше работать в этом номере: все там затвердело. Хочется чего-то новенького, своего.

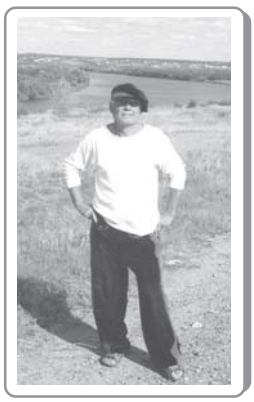
Разное металось в моей голове, но подходящей талантливой мысли не рождалось. Так и разъехались мы, не смог я ему помочь. Он - в другой город, а я - на гастроли в Венгрию.

Помню, переехали мы границу. Включаю телевизор, посмотреть, что тут у них показывают, и вдруг, сквозь помехи, на экране вижу цирк. Вот это да! И номер-то необычный - комические брусья. Молодцы ребята! Спортивные брусья в цирковой жанр перевели. Вот,- обрадовался я,- стопроцентный вариант для Виктора. Вернулся на Родину, рассказал увиденное ему. Загорелся он, а сами думаем, где делать номер, в каком цирке? Нужны партнеры, гостиница, зарплата. Да и кто возьмется пробивать? Я не мог, сам только с божьей помощью в Московский цирк попал.

Однажды прибегает ко мне Виктор, радостный такой, и говорит:

- Игнатьич, есть хорошая новость. Если ты не будешь против, то Плинер берется за этот номер.

- Да что ты, Витя. Разве можно быть против такой возможности: сделать номер у такого режиссера, да еще и в цирке на Цветном!



Владимир Дерябкин

Создатель музея фонографов и граммофонов, бывший цирковой артист, клоун и дрессировщик и Заслуженный артист России. “Если бы собрать все граммофоны, которые выпускались в мире, это была бы красивейшая коллекция”. Эта фраза, однажды прочитанная им в книге, стала смыслом его жизни. Он создал не просто музей, а настоящий культурный центр.

Выпустились комические акробаты на брусьях под руководством Виктора Голышева с блеском, а вскоре на вильнюсской земле сводит нас цирк под брезентовым капюшоном, в одной программе.

Мы часто видимся, разговариваем, спорим, да вот только чувствую я, что это не тот Виктор. Тот был, по-моему, добрее, уважительнее к чужим мыслям, наперед не забегал. А может оно так и должно быть, - думал я. Все же сделал номер, вылез из середины, пришел успех. Чего уж тут особо скромничать. А сам все зорче и зорче поглядываю в его сторону, да только ссора его с родным братом окончательно убедила меня, что другим стал Витя. По окончанию гастролей в Вильнюсе из главка пришла телеграмма на отправку наших (моего и Виктора) номеров в Московский цирк -шапито. Я ехать категорически отказывался, так как работать своим полным аттракционом все второе отделение Медвежьего театра я не мог из-за отсутствия боковых проходов. Но после звонка чиновника из Союзгосцирка, который сказал, что я неправильно понимаю политику партии, я сразу ее понял, хоть и не был партийным. И поехать согласился.

Конечно кому-то из артистов было в диковину отказываться ехать в Москву. Именно московские цирки зачастую и решали многое в нашей судьбе, но моя уже была решена. И не под брезентом, а под куполом большого Московского цирка на Ленинских горах. И ехать снова с тем же номером было неинтересно. И потому в программе сквозняк разносил чей-то завистливый слушок: “ Подумаешь, ему опять что-то не так, видите ли боковые проходы сделайте для него. Дать бы ему разнарядку: вместо Москвы - Сибирь, - вот бы запрыгал.” Я подхватил эту мысль и попросил своего ассистента зайти в гардеробную именно Голышевых и грустно, растерянно сказать: не хотел Дерябкин ехать в Москву, так пришла разнарядка нам ехать в Иркутск.

- Ой, ой, - услышав это, вскрикнул Витя, - довыламывался!

На следующий день я пришел на его репетицию, брусья уже стояли на манеже, партнеры разминались.

- Ребята, отвлекитесь, пожалуйста, на несколько минут, сядьте на барьер, я вам прочту небольшую выдержку из одного очень интересного письма, написанного мне вашим руководителем. Вы же, наверняка, не знаете, откуда взялась идея повторить этот номер у нас в русском цирке. Так вот слушайте: ”... Проходят репетиции хорошо. Ты знаешь, я никак не мог представить себе, что это так прекрасно смотрится. Особенно эффектно смотрятся групповые упражнения с использованием третьей жерди. Одним словом, я даже, по правде говоря, ахнул, насколько неожиданны они и красивы. Спасибо, Володя, тебе за подсказку, хотя я по-настоящему и начал творить только после встречи с тобой. Твоя энергия вдохнула в меня большой прилив сил и упорства. Это хорошо, почаще бы таких встреч...” Партнеры притихли. Я свернул письмо.

- Вот так было, Витя. А ты говоришь, довыламывался!

***

С тех пор прошло более двадцати лет, и за все эти годы Виктор ни разу не отозвался ни письмом, ни звонком, ни просто переданным через какого-то нашего артиста приветом. И не стал бы я в жизни сидеть, мучаясь, за своим красивым “николаевским” столом красного дерева на двух “лирах”, вспоминая и описывая эту, такую не интересную для этого стола, историю, если бы однажды не забурчал в моем музейном кабинете факс; и будто бы кто-то, стесняясь, стал медленно выталкивать из него письмо, автором которого был, да, да, снова Виктор Голышев.

“Уважаемый Владимир Игнатьевич! Вынужден к вам обратиться со следующей просьбой...”

Я не буду описывать, о чем же просил меня Виктор. В ответ на его просьбу, я написал ему так:

“Дорогой Виктор!

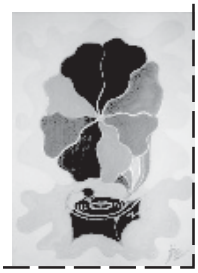
Я когда-то уже помог тебе в жизни, помогу и сейчас. Но перед тем, как это сделать, хочу попросить тебя выполнить одну небольшую просьбу. Пришли мне, пожалуйста, любое интервью с тобой в газете о твоем номере, где с благодарностью упоминалась бы тобой моя фамилия.

Жду. Владимир Дерябкин.”

Первый частный музей фонографов и граммофонов *в России открылся 14 апреля 1998 года в Санкт-Петербурге, на Петроградской стороне, на Большой Пушкарской, 47.*

Благодаря усилиям коллекционера В.И.Дерябкина в нем можно увидеть более 300 экспонатов. Все аппараты в музее находятся в рабочем состоянии, и на музыкально-литературных вечерах на них прослушиваются пластинки XIX– XX веков.

В.И. Дерябкин был награжден медалью ордена за заслуги перед Отечеством II степени.



Телефон музея: 346-09-51

Мысли невслух

Евгений Гинзбург

• Не так легко убрать палец с курка,
если знаешь, что сам находишься под прицелом.

• Надо остерегаться не конкретных врагов,
а неконкретных друзей.

• Стоит ли начинать разговор на разных языках,
если в словаре нет транскрипции?

• Судьба - это изделие из камня, и, если хочешь в ней что-то изменить, готовься к трудностям.

• Самая большая трагедия - это неумение вовремя избавляться от иллюзий.

Юрий Крюков

• Наставь гвоздь, про молоток вспомнишь.

• Если не хватает лестницы, подтяни ее повыше.

• Удобнее бить по гвоздю, положив на шляпку палец.

• Не ходи за вторым бревном, не бросив первое.

• Гвозди и вверх бьют, но сверху проще.

От составителя антологии современной поэзии

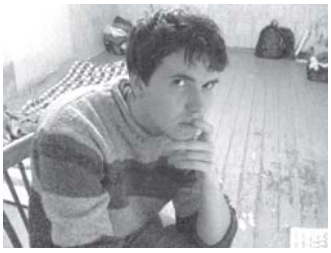
Андрей Гришаев

* * *

В доме вспыхивает свет,
Музыка слышна.
Так слышна,
Как будто нас
Знает наизусть.
Руки вот мои, глаза.
Кресло, тишина.
В тишине как зайчик я,
Как черники куст.

Музыка срывает нас,
Комкает, и вот
Мы плывем, как пенопласт,
В рот набрав воды.
Уши вот мои, глаза,
Ноги и живот.
В норы тишины спешат,
Слепы, как кроты.

Музыка, убей меня,
Приведи к себе,
Приведи в себя мои
Сонные черты.
Меч вложи свой ты в меня,
Защити от бед.
Но ни слова про меня
Не промолви ты.



Леонид Костюков

1. Структура

Настоящая антология содержит более 500 стихотворений более 100 авторов. 21 поэтическая подборка выделена в специальный ознакомительный раздел, где, помимо прочего, есть возможность работы в режиме комментария. Есть раздел иллюстрированных фотографиями поэтических подборок. Есть раздел в аудиоформате, где поэты читают свои стихи. Есть статьи о стихах, в основном, не критиков, а самих поэтов. Есть видеоклипы. Также видеоинтервью и видеостихи, но эти разделы экспериментальны, и открыть их можно не на любом компьютере. Это, так сказать, бонусные разделы. Антология снабжена системой навигации, перекрестными смысловыми ссылками. Также учтена возможность альтернативной рубрикации; массив текстов разбит на девять тематических антологий: «Жизнь и смерть», «Человек и Бог», «Городской пейзаж» и т.п.

Но, конечно, содержание антологии важнее ее структуры. Целью составителя было качество каждого конкретного стихотворения. Давайте немного поговорим о современной русской поэзии.

ВСЁ ГЛАВНОЕ
под одной обложкой

Заказ диска:
lkost1@yandex.ru

Заказ диска:
medizdat@mail.wplus.net

2. Что такое современность

Для начала сообщу вам приблизительные временные рамки: антология охватывает преимущественно 90-е годы и начало нового века, с вылазками в 80-е. Присутствие 80-х в русской части антологии обусловлено тем, что некоторые авторы (Жданов, Еременко, Искренко и др.) и отдельные стихотворения этого периода не просто актуальны в следующем десятилетии, а образуют его стилевой фундамент.

Впрочем, не только специалистам, но и внимательным читателям понятно, что сама проблема датировки стихотворения не так проста. Есть дата написания, есть дата первой публикации; наверное, имеет смысл различать публикацию в районной газете и, например, чтение стихотворения по ТВ перед многомиллионной аудиторией. Затруднение наше носит не академический характер (давайте договоримся так или иначе), а сугубо практический. Понятно, что *современность* тесно связана с литературным процессом, с картой взаимных влияний, с насущностью, со свойствами культурной среды. Поэтому стихотворение должно быть не только написано, но и вброшено в некоторое информационное пространство. И вторая дата иногда для нас важнее первой. Я уж не говорю о такой крайней ситуации, когда значительный поэт двадцать лет назад по тем или иным соображениям был недоступен для читателя, сегодня (посмертно) возвращен и важен, а мы отказываем ему в праве на современность, просто тыкая в даты под стихотворениями. Давайте представим себе **антологии современной поэзии**, изданные в разные десятилетия, как вагоны единого состава. Тогда простой здравый смысл подскажет нам,

что каждый значительный поэт должен попасть в некий вагон. В какой-то момент он настигает нас, как фронт звуковой волны. Великий русский поэт Георгий Иванов умер на чужбине в 1958 году и еще в 80-х был почти неизвестен в России. Так что ж – он становится едва ли не самым актуальным русским поэтом 90-х годов. Вы спросите, отчего я тогда не включу в этот том Георгия Иванова. Отвечу: меня освобождает от этого все-таки скандального хода лишь то обстоятельство, что пик влияния Иванова пришелся на конец столетия и он попал во все итоговые антологии XX века. Культурный долг отдан.

Но в специальной части (в целях ликвидации культурного разрыва) некоторые стихотворения Георгия Иванова все-таки приведены.

Если добавить, что многие стихотворения попадали ко мне вообще без даты написания, станет понятно, что мне понадобилось некоторое интуитивное понимание современного стихотворения. Внутренний критерий отбора, относящийся именно к литературе, а не к истории литературы.

Я не возьмусь сформулировать его с окончательной внятностью, но постараюсь очертить. Мне очевидно, что безнадежно устарели некоторые способы устройства стиха. Перечисления, кольцевые композиции, повторяющийся зачин. Та форма, где стихотворение подчинено последней «стреляющей» строке, даже если она стреляет точно. Можно сказать, что устарели приемы, а можно – что устарел сам *прием* как способ организации целого. Утомляют уже много раз задействованные, сами по себе агрессивные размеры, когда-то звучавшие свежо.

Современность сказывается в мгновенности метафоры, когда та становится скорее свойством зрения, нежели последовательного мышления, уподобления. В темпе стихотворения. В уничтожении инерции – многими способами. В более отчетливой индивидуализации ритма стихотворения, нежели раньше. В прорастании внутри поэзии не просто прозы, а хорошей прозы. (Раньше в поэзии работали те прозаические ходы, которые не работали в прозе, – просто деталь, просто сюжет. Завораживал сам способ предложения.) Во влиянии кинематографа – через ракурс и монтаж.

Говоря о контексте – в конце XX века русская поэзия пережила настоящий культурный шок, когда созданное за последние 100 лет собралось из фрагментов в единое целое и предстало как бы одновременно, вертикально. Еще в 80-е годы, пожалуй, центральной для всего XX-го века была фигура Мандельштама, предельно сгустившего смысл поэтического высказывания, подчинившего стихотворный строй основной задаче – сказать возможно больше возможно короче. Этим свойствам, которые сам Мандельштам неоднократно формулировал как *тяжесть* и *скорость*, Георгий Иванов противопоставил легкость, прозрачность и своеобразную неподвижность, нахождение вне времени. Условно говоря, если Мандельштам с невероятной скоростью добирается от пункта А до пункта Б, да еще доставляет туда драгоценный груз, то Иванов знает некий секрет одновременного нахождения в пунктах А и Б, поэтому ему некуда спешить. Окуджава, гениальность которого становится все очевиднее с каждым годом, вернул русской поэзии ту прямоту и наивность, которые казались архаичными и примитивными еще в пушкинскую эпоху. Если обобщить картину, современный поэт обладает невероятной свободой – ему показано широчайшее пространство возможностей. Упомянем еще набирающий подлинную силу верлибр, проникающий в русскую поэзию из западной через нашу эмиграцию.

Такова, вкратце, *современность*, те или иные приметы которой я находил в представленных ниже стихах. Само собой, ее портрет субъективен, но мы находимся в той сфере, где объективное крайне маломощно. В частности, я не знаю, что такое объективный портрет.

3. Вкусовой принцип отбора

Составитель опирается на свой вкус – при всех известных издержках этой стратегии. Большинство составителей признаются в этом как бы с долей стеснения; я же доведу это признание до логического конца. С начала и до конца работы я доверял своему вкусу и больше ничьему и вообще ничему – не потому, что болезненно высоко ценю пресловутый собственный вкус, а потому, что слишком хорошо вижу тупиковый характер иных подходов. Действительно, сам тезис *«пусть поэт N Вам не нра-*

Вадим Керамов

* * *

День и ночь кричит дитя
На своем наречии.
Знает, годы пролетят,
Как чижи над речкой.

Не пускает соску в рот,
Брошены игрушки
Знает, время отберет
Жизнь, как безделушку.

Извелась, рыдает мать:
Не смолкает чадо.
Доктор, что нам принимать?
Ничего не надо.

Заказ диска:
lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

вится, но он должен быть представлен» восходит к понятию репутации; как бы считается известным, что поэт *N* объективно хорош. Но, распутывая и восстанавливая истории этих репутаций, мы находим лишь гигантскую инерцию, своеобразную эстафету доверия, а в глубине – в лучшем случае – ростки чужого вкуса, а в худшем – побочные соображения. Иными словами, если стихи поэта меня не убеждают, никакие косвенные доводы его значимости меня и подавно не убедят. Живо то, что живо, а не то, что считается живым, и, представляя читателю стихотворение, я сообщаю ему: *это стихотворение для начала задело меня и понравилось мне*. Иначе я почувствую себя обманщиком.

Тем более авторитарный принцип не годится именно для антологии *современной* поэзии, потому что настоящие твердые репутации создаются медленно и основаны как правило на давних – пусть и действительно хороших – стихах. Сегодняшнее же бытование заслуженного (без тени иронии) поэта – итог его собственного выбора. Либо он движется в световом конусе своей славы, воспроизводя то, что ему хорошо удается, – и тогда постепенно сходит на нет, либо отказывается от гандикапа и каждый раз начинает с чистого листа. В таком случае его не покоробит, а порадует то, что его стихи отбирают на тех же условиях, что стихи молодого неизвестного поэта. Преимущественные права в культуре почетны лишь на первый взгляд; здоровый не нуждается в инвалидной льготе.

То есть встретив в этой антологии сверхгромкое, знакомое с детства имя, читатель может быть уверен – эти стихи взяты не для веса (балласта), они представляются составителю живыми и актуальными в современной поэтической ситуации. Ровно то же относится к тем авторам, чьи фамилии вы видите впервые.

Еще одна тема – что делать, если (на вкус составителя – и далее это уточнение не приводится из соображений краткости) лучшие стихи того или иного автора явно для него не типичны? Основным корпусом своего творчества поэт как бы сигнализирует нам о своих пристрастиях и главных заботах; основываясь на исключениях, мы резко искажаем привычную картину. Возникает *искушение репрезентативности,* выбора лучшего из типичного. Я старался не поддаваться ему.

По-моему, нечаянные озарения поэта важнее его сознательных установок и программ. Достаточно взглянуть на наследие Блока, чтобы в этом убедиться. Более того, исключения выпадают из привычного образа лишь при взгляде с близкой дистанции. Время перестраивает портрет художника, не сообразуясь с его рекомендациями. Большие объемы отсыхают, исключения же складываются в *иную типичность.* Вряд ли Экзюпери думал, что останется в истории как автор «Маленького принца» – да история его не спросила.

Кроме того, следует разделять *намерение* автора и нечаянный спонтанный *итог.* Намерения регулярнее, их легче вписать в ту или иную культурную доктрину. Но интересен только итог.

Сказанное только что не означает, что я берусь производить опережающий суд времени: это невозможно. Я лишь говорю, что бессмысленное с одной точки зрения может быть оправдано с другой.

4. Поэтическая эпоха

Мы живем в пору упадка империи – вряд ли имеет смысл спорить с этим положением. В частности, распались многие культурные связи. Перечень проблем, стоящих перед современным поэтом, довольно длинен – нет смысла его приводить целиком. Упомянем хотя бы очевидную незаинтересованность социума плодами поэтического творчества. Из центральной фигуры поэт становится маргиналом. Таково время. Никто не заставляет нас любоваться или восхищаться им или хотя бы жить по его законам. (Вот и сам факт издания данной антологии скорее противоречит тенденции, призван заполнить пустоту, которая сама собой не заполняется.) Но давайте посмотрим на происходящее немного под другим углом.

Сама периодизация русской поэзии (золотой век, серебряный век, оттепель) как бы намекает нам на периоды расцвета и кризиса поэзии. Но стоит внимательно вглядеться в самую, казалось бы, мертвую эпоху с надлежащей дистанции, как мы отыщем в ней десятки и сотни поэтических шедевров. А набивший оскомину серебряный век чуть не весь облетает мишурой – и вот уже лет шестьдесят, как нелегко понять, что

Алексей Кубрик

* * *

К этой музыке в шуме клавиш
подбирается времени дрожь.
Всем известно, что ты умираешь.
Никому — что ты не умрешь.

Как настроил, так и настроил.
Камертоном домашней тщеты —
только струны с железным навоем,
не звучащие без пустоты.

Только детства растущие тени
да гордыней отринутый храм,
чтоб составить из жизни растений
завещанье осенним мирам.

Только шепот заросшего сада,
нарисованный вместо воды,
чтобы музыка снегопада
укрывала тебя от беды.

Чтобы самое легкое эхо
охраняло уснувший мотив,
сочиненный веселым калекой
до падения Трои и Фив.

Чтоб когда-нибудь
все же остаться
не в столице, а в звездной глуши...
Чтоб блаженней жилось
домочадцам
на помин отзвучавшей души.

Борис Херсонский

* * *

Пес-поводырь, который водил слепца,
в конце времен приведет его пред лице Творца,
но и тогда слепец не узрит Лица

Предвечного. Тихо рукой проведет.
Слепцами на ощупь распознается Тот,
Кто дал им дыханье, осязанье и слух,
и глаза, в которых свет навсегда потух.

И Тот, Кто есть Свет, и нет в нем тьмы никакой,
позволяет слепцу коснуться Себя рукой.
Но вторая рука чувствует, как поводок
натянулся и тянет куда-то вбок.

Там тихий звук, который зрячий видит как синеву.
Слепец приседает, потом садится в траву,
и долго гладит лохматую душу пса,
душу пса, приведшую слепого на небеса.

находили современники в том же Брюсове или Бальмонте.

Наверное, стоит говорить о приливах и отливах интереса социума к поэзии, а не самой поэзии. И уместно говорить об эстрадном и катакомбном периоде, о времени студий и кухонь, но не о хорошем или плохом времени. И стоит задуматься, не является ли предельная отставленность, неангажированность поэта своеобразным благом. Впрочем, об этом – у Георгия Адамовича, в его программной статье «Одиночество и свобода».

Внутрипоэтическая ситуация на сегодня самими поэтами, литературными критиками и издателями квалифицируется как очень счастливая. Поэты и стихотворения на виду; эфирное пространство благодаря Интернету и развитию фестивальной культуры вполне прозрачно. Нет консервативных структур; новый, не похожий на других поэт (например, последовательно – Анашевич, Гронас, Родионов, Херсонский, Сваровский) принимается с благодарностью и восторгом. Играет свою роль и отчетливо некоммерческий характер поэтического творчества. Вне иллюзии самоокупаемости возникают издательства, издательские серии, те же фестивали, журналы. Для сравнения – настоящая проза с б**о**льшим трудом находит издателя и даже подходящий стеллаж в магазине, потому что ее на невнимательный взгляд путают с предметом книжного бизнеса.

Заказ диска:

lkost1@yandex.ru

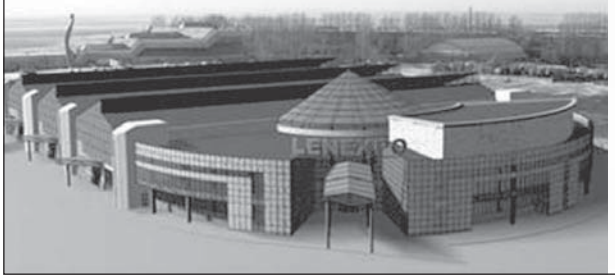
medizdat@mail.wplus.net

Время читать! *www.bookunion.spb.ru*

23-26 апреля 2009 г.

Выставка-ярмарка «IV Санкт-Петербургский Международный Книжный Салон - 2009»

Санкт-Петербург, «Ленэкспо»



- Более 400 компаний – участников из России, стран СНГ, Европы, Азии и Ближнего Востока;
- Более 70 000 посетителей - специалисты отрасли из России и зарубежных стран, а также любителей чтения из Санкт-Петербурга и со всего Северо-Западного региона России;
- Более 300 мероприятий - семинары, круглые столы, конференции, презентации и встречи;
- Самый современный выставочный павильон Санкт-Петербурга площадью более 8000 кв.м., в котором проходит, в том числе, Международный экономический форум;
- На Книжном Салоне Вас ждут сотни потенциальных партнеров, тысячи представителей компаний, работающих в сфере книгоиздания, десятки тысяч покупателей.
- Во второй раз пройдет Международный Писательский Форум, на который будут приглашены видные отечественные и зарубежные писатели, литературные агенты.

Владимир Колотенко

Повесть

Не сотвори себе кумира...

ФУФТА

...И, конечно же, рокот грома среди зимы. Снег, морозище лютый, ночь - и вдруг гром, гроза... Быть беде? Сама по себе гроза не страшна, страшен ее предупреждающий знак, ее крик среди сонной зимы. Мы не слышим этого грозного знака неба, куда там - мы счастливы. От счастья мы просто слепнем, глухие ко всему...

- Я еще хочу, еще... - терзает меня моя Настенька, ластясь и прижимаясь ко мне всем своим цепким тельцем, своей ласковой кожей, - ну же, Андрей... Господи, как я ее люблю!

- Слышишь - гроза, - произношу я. - Зимний гром - это предвестник...

- Да ну ее, Андрей... Андрей...

Она просто истязает меня своим нетерпением. Но я ведь... я же не отказываюсь, я ведь сколько угодно... Я так люблю свою Настеньку, я готов.

- Настенька, - шепчу я, тут же забыв о грозе, - ах, Настенька... Ты у меня такая, ты... знаешь...

Мои губы, едва касаясь ее маленького ушка, шепчут какие-то теплые слова, а кончики пальцев, пальцев слепого, уже читают трепет ее кожи, ее бедер, пупырышки желания...

Мне следовало бы ей сказать, что только работа, работа до изнеможения, может длить вечно наше счастье, только работа... Мне бы сказать ей, что этот гром...

Не сейчас же!

Потом мы спим досветла, до тех пор, пока не зазвонят в дверь. Скоро полдень, и нас приглашают на лыжную прогулку. В лес, где корабельные сосны и ели в снегу... А мы еще не успели позавтракать. Я наспех готовлю яичницу, варю кофе, который несу Настеньке в постель, и, когда она с удовольствием опустошает и тарелочку с золотой каемочкой, и керамическую чашечку (Настенька без ума от кофе), мы решаем: а ну ее, эту лыжную прогулку!

- Мы остаемся! - ору я, когда в дверь снова звонят, и мы остаемся в постели. К черту лыжные прогулки! Я так люблю свою Настеньку, милую Настеньку, я просто не представляю себе жизни без нее. Я бы просто умер без нее...

- Ты никого никогда так не любил?

- Никогда... никого...

Мне ведь никто не нужен. И вообще: все, что я делаю - я делаю для тебя, живу для тебя, работаю... Все мои рассказы, и повесть, и пьеска, и стихи... И последний свой роман я посвящу тебе. Я до сих пор не знаю, о ком буду писать, еще не решил, я ищу героя. Я знаю, что он будет грубым, неотесанным, злым, просто диким. С дикими инстинктами, дикими ухватками, как

Владимир Колотенко

Сколько помню себя, столько и живу. Жизней моих сотни тысяч.

Был я горным цветком, снегами Килиманджаро, подснежником, кораллами в глубинах морей, и стаей лебедей высоко в небе, ландышевой поляной, кучевыми облаками, распустившейся лилией, чаячьим пухом, невидимой стороной Луны, младенческим сном, стволом юной берёзы, призрачным кораблём мечты, молочным мороженым, жемчугом, снежинкой, айсбергом, и снова подснежником+ Словом всем Белым-Белым ... Моя мечта - стать хотя бы ремешком сандалии Совершенства... На Землю был занесен попутным ветром вместе с самой Жизнью, зерно дало всходы, я и до сих пор расту.

Живу я в замке, в своей башенке из слоновой кости, висящем высоко над Землей. Дом мой славен тем, что на окнах решеток нет, дверь - даже зимой нараспашку.

Тут тружусь, созерцая восхитительную руку Творца, везде, где могу разглядеть её лучезарный след. И потом, подражая, пишу свои опусы+ Дело моё - Ускользающая Красота. Я собираю её по росинке, по дуновению, по искорке, спешу запечатлеть её в грациозном естестве растворения из Великого Настоящего. Чтобы в Будущем не пропасть. А затем щедро дарю Её. Раздаю направо и налево, сыплю ею как манной небесной в ладошки смеющимся детям, бродячим актёрам, путешественникам, первооткрывателям, и всем-всем-всем: на улицы, площади, парки, города и страны. Чтобы сиянием своим освещала Она пути тех, кто заплутал в темноте, ища Свет и Любовь+

Да, вот что: просьбы могут меня растрогать, угрозы же - делают равнодушным. И все, что меня не убивает, делает меня сильнее.

И ещё - звезды. Я зажигаю их по вечерам. А кому это еще нужно?

И так изо дня в день, из ночи в ночь.

вышедший из джунглей Тарзан. Таких любит читатель, такие пользуются спросом. Их ждет успех. Это значит, что успех ждет и нас с Настенькой.

- Ты правда никого так не любил? - спрашивает Настенька еще раз, придя в себя, лежа с закрытыми глазами и улыбаясь, - Скажи?

- Вот те крест...

К вечеру, ошалев от любви и уже просто выбившись из сил, я беру себя в руки: нужно работать. Две-три странички хорошего текста, остроумный диалог, сверкнувшая блестка юмора - это такой тяжелый труд. Это не то, что обтесать какое-нибудь полено или положить кирпич в кладку. Хотя работа лесоруба не менее увлекательна и прекрасна...

- Настенька, я поработаю?

Она как раз приподнимается на локте, открывает глаза.

- Ты сам сказал - гром... Знаешь, я заметила: как только ты берешься не за свое дело, Бог подает тебе сигнал. Ты написал рассказ - и случился пожар, ты написал какую-то пьеску - и сломал себе руку. Теперь ты взялся за роман - и вот тебе зимняя гроза. Когда ты его закончишь - ждать землетрясения? Или потопа? Ты мне сам говорил, что упрямство - это признак...

- Тупости, - произношу я, - ты права, Настенька.

Этим меня не оскорбишь, не проймешь, я знаю себе цену.

Она склоняет мне на грудь свою умную головку, ее короткая стрижка щекочет мне губы, а она продолжает:

- Зачем тебе, хорошему врачу, эта писательская затея? Ну, правда, Андрей, зачем? В клинике у тебя любимая работа, ты пользуешься успехом, тебе неплохо платят...

- Настенька...

- У тебя светлый, маленький дом, какой ни есть, а свой, ты можешь позволить себе...

- Настенька...

- Ну что "Настенька", разве я не права? Ты бы лучше...

Это поразительно: все мои друзья лезут с советами, подсовывают мне какие-то нелепые идеи... "Ты бы лучше..." Да откуда им знать, что для меня лучше, что хуже?

- Ты права, - мирно произношу я. - Но ты ведь знаешь меня...

- Ладно, - говорит Настенька, легко принимая мое решение, - иди в свой кабинет, но помни: гром уже грянул...

- Что ты имеешь в виду?

- Не знаю, Андрей...

И я ухожу в маленькую, тихую комнатку, чтобы писать свой великий роман.

Мне нужна слава? Нисколечко. Но я не могу не испытать себя, не попытать счастья и на писательской ниве. Сказать правду - мне до чертиков надоели ноющие, ойкающие больные с их грыжами, сколиозами, вывихами и прострелами. Я уже по горло сыт их крипторхизмами, геморроями и ректальными свищами. Хватит! Пора произнести себе вслух это "хватит"! И себе, и всем.

- Хватит! - произношу я, захлопнув за собой дверь и прислушиваясь. Как это решительно и прекрасно звучит!

А Настенька уходит в гости, где нас уже давно ждут. Через часик-другой, обещаю я, приду и я тоже, а пока мне нужно с чего-то начать.

Я усаживаюсь поудобнее, беру в левую руку исписанный листок, в правую - чашечку кофе, и снова прислушиваюсь: тишина. Прекрасно! Далекие звуки гулко грохающего барабана и ничего больше. Может быть, мне мешает яркий свет? Но это дело поправимое. Нужно слегка повернуть настольную лампу... Очки! Где же мои очки? Очки - на месте. Наконец, я читаю первый лист своего первого романа. Затем ставлю чашечку на блюдце и рву лист пополам. Складываю половинки и снова рву. Не годится. Мне нужно слово, первое слово, первая строчка. Мне нужно что-то жгучее, интригующее. Первый абзац. Первый абзац - это половина дела, начало успеха. A good beginning is half the battle. Нужно что-то такое... Злое, острое, терпкое...

"- Соль подай..." - пишу я.

- Соль подай...

Я произношу это вслух и встаю. Беру чашку и, отпив глоток кофе, снова произношу эту первую фразу. Пробую ее на слух. Неплохо. Звучит прекрасно. И сколько власти! Ослушаться нельзя, неповиновение невозможно. Вот она, первая фраза, вот он, стержень романа. Я комкаю и этот черновой лист и не записываю больше ни строчки. Сегодня мне уже ничего не нужно, и я могу идти к друзьям, к своей Настеньке. Я уже не забуду эту фразу.

Когда мы поздно ночью, шумные, веселые, пьяные и еще не уставшие от счастья, вваливаемся домой, я срываю со своей Настеньки лисью шапку, сдергиваю с ее тельца лисью шубку, беру Настеньку на руки...

- Я так счастлива, Андрей...

Я несу ее в нашу спаленку.

- Слушай, Андрей, давай выпьем.

- Потом...

- Нет-нет, - она соскальзывает с рук, - нет, сейчас. Ах, Настенька...

В кухне мы сидим и пьем горячее вино, потом нам вдруг захотелось мяса, мы едим его с хреном, с горчицей, горькой до слез...

- Соль подай...

Я бросаю эту грубую, властную, диктаторскую фразу между всплесками смеха, тихо, невзначай, ни тоном, ни жестом не нарушая праздника. Мне не нужно ничего слышать, я даже не поднимаю глаза, а всем своим внутренним чутьем ощущаю, как разрушена радость. Защитившись куском мяса от ее взгляда, поднимаю глаза и, все еще дурацки улыбаясь, смотрю на Настеньку. О, Господи! Ее глаза - словно детский крик. Затем слезы... Что, собственно, случилось, что произошло? Я этого не произношу, но всем своим видом спрашиваю: в чем дело? Я предвидел, я ожидал, я знал, что за этим моим "Соль подай..." последует ее растерянность, но чтобы слезы...

- Настенька... - я выражаю искреннее удивление.

Теперь она плачет громко, надрывно, просто взахлеб, давая волю слезам. Я заботливо, с чувственным участием подхожу к ней, беру ее хрупкие, дрожащие плечи, стараясь утешить, а с ней приключается истерика...

Вечер пропал.

Я старательно и как только умею нежно и ласково пытаюсь искупить вину в постели, и это мне удается, но заноза моих соленых слов засела у нее в сердце, я знаю. Нет никакого резона лезть к ней в душу с извинениями, глупо звучат и мои примирительные шуточки... Единственное утешение для меня, единственная светлая радость - я нашел верную фразу. Ведь

Настенька так чувствительна к грубости, лжи, фальши. Ее не проведешь, не обманешь...

Не выдать бы только своей радости.

Одолев наконец тихие слезы, которые хрустальными озерцами нет-нет и появляются в ее глазах, Настенька, все еще всхлипывая, произносит:

- Никогда, слышишь, Андрей, никогда не говори со мной таким тоном.

- Да, родная моя, да, моя нежная, никогда...

Я все еще вынужден утешать ее.

- Обещаешь?

Я обещаю. Я обещаю, даю слово, даже клянусь и, когда она наконец засыпает, выхожу из нашей спаленки. Иду к себе и включаю настольную лампу. Свежий, просторный лист бумаги, карандаш, ластик под рукой...

Итак, первая фраза готова. Я не пишу ее, я помню. Целый час я сижу, думаю, чешу затылок и мучаю ластик, а листок по-прежнему остается чистым. Я до сих пор не могу представить себе своего героя. Грузчик, лесоруб, горновой... Кто он? Я знаю только одно: он должен быть сильным, крутым, соленым, злым... Еще битый час я сижу со своими мыслями в кухне, ем заливную рыбу, пью терпкий чай и иду спать. Иду к Настеньке, так ничего и не придумав. Оказывается, выдумать героя для большого романа не так-то просто. Гораздо проще забраться к Настеньке под теплое одеяло, прижаться к ней всем телом и, замерев, слушать, как она, что-то капризно буркнув во сне, мирно дышит. Что может быть прекраснее, чего еще желать? На кой мне сдался этот роман, этот злополучный герой? С этими мыслями я и засыпаю.

Как и все радости мира, наша рождественская лесная сказка кончается быстро, пора домой. Тяжелый быт большого города, убогие будни врача. Настеньке тоже несладко. Ей уже двадцать три, и все эти пять лет нашего знакомства так и не внесли ясности в наши отношения. Жениться на ней? Но у меня еще нет крепкого дома, где она могла бы быть полновластной хозяйкой, нет и положения в обществе, а моя зарплата... Мне надоело жить на эти взятки, презенты, на эти подачки. Мои друзья приспособились и, кажется, даже счастливы, а я не могу. Жениться на ней, чтобы потом каждый день выслушивать ее упреки, видеть ее грустные глаза, ее слезы? Нет уж! Женщины в этом все одинаковы: они терпеть не могут бедных мужчин. Это правда. А я не беден, я просто нищ. И вот мой роман, мой спасительный роман... На него я делаю ставку. Единственная надежда - мой талант. Я верю, да, верю...

Февраль уже на исходе, веет теплом, и я ощущаю нехватку времени. Вдруг оказывается, что завтра выходной, а то и праздник какой-нибудь. Или обнаруживается, что замшевые перчатки, которые я только вчера купил Настеньке, уже сегодня не модны. Не радует и новое назначение, новая служебная ступень. Я много работаю, работаю до чертиков в глазах, твердо зная, что занимаюсь не своим делом.

Все эти зимние дни и ночи я вынашиваю сюжет в голове, как вынашивают единственного ребенка. Мой плод зреет. Я представляю себе героя этаким здоровенным детиной, мысленно рисую его образ и все время примеряю к своим знакомым. Среди них я ищу для него тело, наделяю его их привычками... Потом я нахожу, что все мои усилия - чепуха. Никто из моих знакомых не годится на роль героя. И я ищу его снова и снова...

А Настенька уже распахнула свою душу весне, ее милый носик покрылся веснушками. Ах, Настенька...

Я тороплюсь, мучаю себя, не даю себе продыху. Тщетно. И вот я уже пью в одиночестве. Облюбовал дальний столик в углу, и официант легко и непринужденно говорит мне “ты”.

- Слушай-ка, плюнь ты...

- Ага, - произношу я и наполняю рюмку.

Я, как всегда, выпиваю свой графинчик, ужинаю и последним ухожу домой. О, горькое вино творческих мук! Настеньке очень не нравятся эти мои попойки. Она не переносит запаха водки.

- Знаешь ли, так можно докатиться...

- Но...

- Никаких “но”! - решительно восклицает Настенька, - мне не нужен в доме выдающийся писатель-алкоголик, я не собираюсь терпеть...

И я снова ищу общества официанта.

Половина восьмого вечера - это странное время суток, когда маешься от безделья. Спать еще рано, а что-либо начинать уже не хочется. Слоняешься из угла в угол, затем берешь в руки какую-то книгу и пытаешься читать. Зачем-то включаешь телевизор и, убрав звук, смотришь, как неуклюже открываются рты у поющих. О чем они поют? Ответа не ищешь, одеваешься и идешь куда-нибудь.

Какой-то чудак уселся-таки за мой отдаленный столик, уселся на мой стул. Я с порога замечаю его, но сейчас не нуждаюсь в собеседниках. Пока я к нему иду, официант, распинаясь в извинениях, что-то щебечет о своем бессилии, вот-де пришел этот хромой, уселся за твой столик, на твое место, и ничего с ним не поделаешь... Сидит уже целый час, как пень, и даже ухом не ведет на мои просьбы.

- Ладно, - говорю я, - оставь его...

Мне любопытно, что это за птица.

- Ты извини...

- Принеси графинчик... И мяса.

Я подхожу и, ни слова не произнося, усаживаюсь на соседний стул. Боже, какие у него огромные руки! Они первыми бросаются мне в глаза, его руки, крепкие длинные пальцы с кустиками черных волос, змеи крупных вен, длинные ногти, небрежно стриженные, с белыми полулуниями у оснований... Руки кузнеца, но и ваятеля. Такие созидательные пальцы. Левая рука уверенно-спокойно, словно отдыхая, лежит на столе, в правой - пивная кружка. Он делает вид, что не замечает меня, потягивая свое пиво, уставясь в окно. Я тоже помалкиваю, наблюдая за ним исподтишка. Может быть, он станет прототипом моего героя? Эта мысль приходит мне в голову каждый раз, когда я встречаю что-то неординарное в человеке, ну хоть какой-нибудь намек на оригинальность. Я вижу его тяжелую на вид, причудливо изломанную, с красивой белой ручкой черную палку, мешковатый свитер, копну давно не знавших расчески волос, бородатое лицо, и уже нутром чую, что это он, мой герой. Я не знаю, откуда такая уверенность.

Даже громкая музыка, которой я бы с наслаждением заткнул рот, меня не злит...

Я хотел бы увидеть глаза, но взгляд его по-прежнему устремлен в окно, за которым давно сгустились сумерки. В ожидании официанта у меня есть возможность понаблюдать за соседом, и я все больше утверждаюсь в мысли, что это тот, кого я искал.

- Пиво ничего?

Я решаюсь на вопрос, чтобы услышать его голос. Он только кивает в ответ, не отрывая глаз от окна. И внешний вид, и манера держаться, и то, как лежит его левая рука на скатерти, словно отдыхая, свидетельствуют об окончании моих душевных мытарств. Неужели я снова обрету прежнюю уверенность и вожделенный покой?

Я хочу слышать его голос.

- Вы не возражаете, если я закурю?

Не отрывая кружки ото рта, он равнодушно дергает плечом: кури сколько угодно. Мне нравится его угрюмая неразговорчивость. Примерно таким я его и представлял. Он просто весь вылеплен из теста моих мыслей, соткан из жил жизни точно таким, какой может, наконец, удовлетворить мое воображение. Роясь в карманах в поисках сигарет, я все еще любуюсь его руками, широкой костью запястий, полнокровным бугром Венеры. Меня так и тянет взять его руку и изучить на ней линию жизни. Линию ума, линию сердца... И хотя к хиромантии я отношусь снисходительно, я наверняка знаю, что его ладонь исчерчена не линиями, а просто бороздами, бороздами ума, силы, таланта, честолюбия... Жизнь распахала ладони глубоко и верно, предопределив его судьбу, и вот он в расцвете сил, в середине собственной жизни сидит передо мной с кружкой пива в руке. Как же он зарос! Черные густые вьющиеся волосы, рыжая борода с ниточками проседи. А вдруг я ошибаюсь? Вдруг я только рисую его себе таким, а он окажется совсем заурядным, этаким любителем пива с незатейливым прошлым и безо всякого будущего? Я пугаюсь этой мысли, а он берет щепотку соли и бросает ее в рот. Из зарослей усов показываются большие белые зубы, огромные, как у коня. И пахнет от него конем, конюшней. Может быть, он цыган? Конокрад? Он допивает пиво и лениво облизывает усы розовым языком. Теперь я ищу свою зажигалку, а к нам уже спешит официант. Он приносит графин с вином, мясо с картошкой, два огромных ломтя, на которых еще пузырится горячий жир, и от одного вида которых слюнки текут. Я смотрю на соседа и вижу, как он пожирает глазами мое мясо. Затем закрывает их и, дернув кадыком, который импульсивно шевельнулся под воротом свитера, прикрытого бородой, берет кружку. Я не могу видеть его кадык, я просто знаю физиологию голода. Голодные рефлексы у всех одинаковы. Значит, не цыган. Цыгане не терпят голода.

Когда официант уходит, я предлагаю:

- Хотите вина?

Видимо, его больше интересует мясо, но он молчит, ничем не выражая к нему своего отношения, ставит наконец пустую кружку на стол и встает. Мать честная! Какая громада!

Он сдергивает со спинки стула жупан, надевает, долго роясь в карманах, добывает измятые бумажки, жалкие рубли, кладет их на скатерть и, прихватив свою увесистую палку, идет к выходу. Я не догоняю его, не боюсь упустить: еще увидимся. Откуда такая уверенность, я не знаю. Круто припадая на правую ногу и опираясь на палку, он, громадный, идет между столиками, качаясь, как огромный маятник... Хромой! Такой герой не входил в мои планы. Он не оглядывается, не приостанавливается у зеркала. Прохромав мимо, решительно дергает дверь и пропадает в темноте. Он ни разу не посмотрел мне в глаза, ни о чем не спросил... Да и с какой стати? Я для него случайный сосед по столику, предложивший выпить вина. Таких - пруд пруди...

Моя сигарета заждалась огня, и официант уже тут как тут:

- Как это тебе удалось?

Что он имеет в виду?

Я прикуриваю, а он, сунув зажигалку в карман, наполняет фужер розовым вином.

- Выдворить его так быстро.

- Я предложил ему вина.

- Да, - произносит официант тоном знатока, - гордецы чаще живут впроголодь. Я часто вижу таких, гордых...

Небрежным движением руки он отодвигает в сторону измятые рубли, сметает салфеткой несуществующие крошки и добавляет:

- Гордыня - глупость, смех просто, не правда ли? К тому же - грех.

Мне хочется побыть одному, поэтому я не поддерживаю разговор, а он, психолог, ни слова больше не произнося, накрывает ладонью скомканные рубли, сгребает их в кулак и, сунув кулак в карман, уходит.

Только теперь я ощущаю настоящий голод, кладу сигарету в пепельницу и пью вино. Затем набрасываюсь на подостывшее мясо. Единственный раз на долю секунды мы встретились глазами с моим хромым, а я все еще чувствую этот взгляд. Я не могу объяснить, что в нем такого особенного, но и забыть не могу.

Придя домой, я рассказываю Настеньке о своей удаче. Наконец-то мне повезло! Знаешь, говорю я, он удивительный тип, этот хромой. С виду он кажется грубым и неотесанным, и все же глаза его выдают: в них светится какой-то загадочный ум. В них нет суетливости, нет даже любопытства, мир для них ясен, как день. И ты бы видела его руки...

- Я просила тебя не приходить домой пьяным...

- Мы посидели в кафе... У него взгляд беса, пронизывающий насквозь. Знаешь...

- Брось, Андрей. Зачем ты мне о нем рассказываешь? Ты бы лучше...

Опять она за свое. Это невероятно, но мысли о хромом приходят мне в голову даже, когда я целую ее и - удивительно! - даже в момент божественного наслаждения, которое я испытываю, купаясь со своей Настенькой в ласках любви.

О том, что я могу его больше никогда не увидеть, я не думаю. В новую встречу я безусловно верю. А как же! Но на сегодня достаточно впечатлений, да и время позднее.

Моя Настенька лежит рядом, дыша как ребенок. Я вижу красивую шею с большой родинкой, ее милое плечико, модно стриженный затылок. Устала, бедняжка... Я тоже притворяюсь спящим, лежу без движений...

- Андрей...

Она поворачивается ко мне лицом и, напрягая свое тугое тельце, вытягивается дугой, и секунду-другую лежит, замерев, как пантера перед прыжком (я знаю эти ее штучки). Я - мертв. Я делаю вид, что сплю, но только делаю вид, готовый ко всему, ко всем ее милым выходкам, ее капризам, ее желанию...

И вот пантера прыгает!

- Андрей!..

Она вскакивает и тут же обрушивается на меня, точно лавина, нежная лавинка, ласково впиваясь в мою кожу перламутровыми ноготками.

- Андрей!..

Господи, сколько же в ней жизни... Я - сплю.

- Я знаю, что ты не спишь, знаю...

Попробуй тут уснуть. Я ведь догадываюсь, чего она сейчас потребует. Настенька распаляет себя, терзает мою кожу, и вот я уже слышу:

- Я еще хочу, Андрей, еще, еще...

Ах, Настенька... Я открываю глаза.

- Я не могу уже...

- Можешь, можешь, можешь, можешь...

Она царапает мне кожу, кусает губы... Больно же!

- Можешь, можешь, - шепчет она, - я знаю, знаю...

Затем, стеная и неистовствуя, она истязает мое тело, мою вновь ожившую и лопающуюся от желания плоть, лихая наездница, сущий порох... Ах ты, моя ненасытница...

Она просто вышибает из головы все мысли о герое, опустошая память, сатанея в беспамятстве, как в пляске святого Витта и, наконец, истомившись и насытившись, замирает. Бешеная ее кошачья стихия стихает.

И тут оживаю я...

- Не дыши мне в затылок, мне жарко...

Она сбрасывает с себя простыню и отодвигается... Затем мы лежим какое-то время в тишине, счастливые, просто преступно счастливые, моя Настенька засыпает, а я тихонечко рассказываю ей сказку о каком-то хромом, тихую сказку, которую дарю ей на ночь, рисуя своего героя светлыми добрыми красками...

- Слушай, - едва слышно говорит она, - зачем ты мне все время о нем рассказываешь?

А кому же я еще могу рассказать?

- Ты бы лучше мне спинку погладил.

Я глажу.

- Я хочу спать, Андрей, я уже сплю. Ты рассказывай...

Я рассказываю, нежно глажу ей спинку, плечи, кутаю ее в простыни... Ах ты, моя труженица!..

Не знаю, как бы я жил без своей Настеньки.

На следующий день я убегаю с работы пораньше, спешу в кафе и, усевшись на свое место, весь вечер жду. Нет моего героя. Я спрашиваю официанта, не заходил ли мой гордец. Нет, не заходил. А видел ли его официант когда-либо прежде? Нет, не видел.

Во всяком случае припомнить не может. С каждым скрипом двери я поворачиваю голову...

Изо дня в день я ухожу с работы, провожаемый взглядами сослуживцев, их колкими шуточками, шныряю вблизи кафе по весенним улочкам в надежде встретить моего хромого... Нет его. Я с ног валюсь от усталости, грублю прохожим, позволяю себе орать на пациентов, то и дело заглядываю в кафе и немо вопрошаю официанта: не было?

На это он только разводит руками и виновато улыбается.

- Я упустил его, - жалуюсь я Настеньке.

- Да черт с ним, с твоим хромым... Найдешь себе слепого.

Я злюсь на Настеньку.

Поздним вечером я пытаюсь написать его портрет, рисую его, так сказать, внутренний мир, рассказывая о нем Настеньке и вызывая ее недовольство. Но мне не с кем больше поделиться своими горестями.

Я упрямо творю своего героя, мучая свое воображение, и твердо знаю, что без встречи с ним я обречен на неудачу. Все мои потуги шатки, хилы, хлипки...

Ночью я пишу, а утром, прочитав, рву написанное.

Я встречаю его к исходу второй недели поисков. Он сидит за нашим столиком на моем стуле и вяло тянет свое пиво. Я замечаю его с улицы через окно, спешу к нему и готов расцеловать.

- Ты где пропадал? Привет...

Я сердито набрасываюсь на него, как на старого знакомого, зло упрекаю тоном и всем своим видом: что ты себе позволяешь?..

Мое “ты” его не ошеломляет, а на рассерженный вид, как я вскоре понимаю, ему начихать. На приветствие он все-таки отвечает кивком головы, но вопрос оставляет без ответа.

- Ты есть хочешь? Я угощаю.

Ну и несет же от него.

- Можно...

Это его басистое “можно” просто ласкает слух. Я его расшевелю! Я уже знаю, на какой крючок его поймать, какую наживку ему подкинуть - мясо! Почему я думаю, что он всегда голоден? Я заказываю традиционный графин вина и три порции мяса. Ему - две. Я не знаю, есть ли у него дом, семья, и готов привести его к себе, только бы он не сбежал. Мне нужно, чтобы он хоть немного приотворил окошечко в свой мир.

- Так где же ты пропадал? - повторяю я свой вопрос, располагаясь поудобнее и заглядывая ему в глаза.

Теперь и он какое-то время рассматривает меня. На вопрос не отвечает. Какое ж, однако, удовольствие видеть его живым-здоровым. Нет ничего проще, чем выдержать этот холодный взгляд и равнодушно осведомиться, например, о роде его занятий.

Должна же быть у моего героя какая-то профессия.

- Еще пива? - неожиданно для себя спрашиваю я, чувствуя какую-то растерянность под его спокойным нелюбопытным взглядом.

- Что это вы расщедрились? - первый его вопрос. И голос у него такой же ровный и спокойный, как взгляд, с какой-то весенней хрипотцой, приятный баритон, даже бас.

Почему этот голос и этот взгляд держит меня в таком напряжении?

- Мне кажется, - произношу я, - что от порции хорошего мяса вы не откажетесь. Вот только платить вам нечем.

Он не принимает мое “ты”, не подпускает к себе. Не надо. Зато я попадаю в десятку. Для мужчины нет, вероятно, ничего страшнее, чем объявить ему о несостоятельности. На какую-то секунду он замирает, пальцы левой руки перестают барабанить по столу, он закрывает глаза и опускает лицо. Я жду ответного удара, я готов, я только делаю вид, что ищу глазами официанта. Наконец мой герой поднимает голову и медленно, чересчур медленно, поворачивает лицо в мою сторону.

“Эй, официант!”

Я не произношу этого, а только поднимаю правую руку и щелкаю пальцем. А мой герой поднимает веки. Веко. Одно веко, затем, с отставанием на какую-то секунду, поднимается и другое. Это производит впечатление открывающихся глаз у куклы с испорченным механизмом. Жуткое впечатление, так как я вижу живые, черные, широко посаженные глаза, спокойно наполняющиеся злой ненавистью, глаза с тихим блеском презрения. Я задел его за живое, я рад этому. Только бы он не ушел. Чтобы он остался сидеть, я, не оглядываясь, иду к бармену за

сигаретами. Я оставляю его одного, чтобы своим уходом ему некому было высказать презрение. Перекинувшись словцом-другим с барменом, я закуриваю и, сощурив глаза от дыма, искоса ищу взглядом своего гордеца. Он сидит как сидел. Со стороны его мохнатая голова кажется черной дырой в стене. Надо быть с ним помягче, решаю я, пообходительней. Струнки гордости такие тонкие, а души гордецов такие ранимые, это я знаю. Это знают даже официанты.

Подойдя, я предлагаю ему сигарету, и он берет. Тут же подвешивает ее на свою сочную нижнюю губу и, выудив из кармана куртки спичечный коробок, прикуривает. Он с наслаждением втягивает в себя первую порцию дыма, так что, кажется, нет в мире ничего слаще. Все складки его лица и на лбу, и у глаз разом расправляются, веки падают, и на какую-то секунду он замирает. Затем, ни облачка не выдохнув из себя, он снова припадает к сигарете, долго, очень долго пьет ее дым, как из целебного источника, распаляя ее жар и вздымая свою огромную грудь... как же давно он не курил!..

Я тоже закуриваю.Он роняет пепел на куртку, но не замечает этого. Когда он наконец открывает глаза и смотрит на меня, я делаю вид, что изучал меню. А он делает выдох, медленный длинный выдох и теперь тщательно стряхивает пепел с борта куртки. И снова припадает к сигарете.

Официант приносит долгожданное мясо. Я тоже голоден и с аппетитом набрасываюсь на еду, а он берет графинчик и наливает в фужеры вино.

- Ах, да... - произношу я, - конечно...

Мы не чокаемся, а лишь приветствуем друг друга поднятием рук с фужерами и выпиваем без тоста. Едим молча. Я еще не слышал от него ни единого слова. Его “можно”, которым он признал свой голод, для меня, как мычание мула. Может ли он связать два-три слова в мало-мальски простое предложение, я не знаю. Хотя его черные глаза излучают свет и выказывают просто недюжинный ум и какую-то твердую решимость на покорение его души.

- Вы художник...

- Еще винца? - спрашиваю я и вижу, как его рука уже тянется к графину.

- Вы, добрая душа, со всеми так щедры? - неожиданно произносит он, наполняя свой фужер. - А знаете, вы мне нравитесь. Вам что-нибудь от меня нужно?

- Признаться честно - да...

Я произношу это не раздумывая, зажатый в угол его простым вопросом, перечеркнувшим все мои старания, мои тайные планы.

- Да, в общем...

- Писатель...

- Ну не так, чтобы...

Мне не нужно теперь ловчить и ерничать, как-то хитрить и что-то там придумывать, чтобы сблизиться с ним. И я благодарен ему за это: так - куда легче, так проще...

Официант приносит мои любимые колбаски с острым соусом, а мы еще не управились с мясом. Правда, мой собеседник уже разделывается со второй порцией и с удовольствием посматривает на колбаски. Кажется, он вот-вот отшвырнет нож и вилку и, потирая руки, набросится на аппетитно поблескивающие, ароматные мясные поджарыши.

- Ну, знаете... - только и произносит он.

Давно же он не ел так много и так вкусно. Я уже готов спросить, как его зовут.

- Знаете, ваша щедрость несколько настораживает, - говорит он и отпивает глоток вина, - что же вам от меня нужно?

- Да в общем-то ничего особенного. Так что можете не беспокоиться.

- Еще вина?

Официант, выжидательно замер в полуобороте.

- Да, пожалуй...

Мой герой смотрит на меня вопросительно, затем спрашивает:

- Вы ведь не возражаете?

- Разумеется...

Мне нравится веселость, с которой он произносит слова. Я рад, что расшевелил его, расшевелил-таки, и мясо здесь сыграло не последнюю роль.

Я собирался узнать его имя.

- Значит, вы писатель... Что же вы написали?

Его вопросы в лоб обескураживают меня.

- Да так...

- Можно узнать ваше имя?

- Я пишу под псевдонимом...

Барабаня пальцем по столу, он какое-то время молчит, затем произносит:

- Эта неуверенность дорого вам будет стоить.

И вот мы сидим, жуем колбаски, запивая вином, весело болтая о том, о сем - старые знакомые, со стороны - приятели, не меньше. Для первого раза вполне достаточно. Вино и мясо немного сблизили нас, и все же каждый для другого еще остается загадкой.

- Не могу поверить, что вы это говорите всерьез.

Почему я должен верить ему на слово? Я привык видеть разных людей: вероломных, и лжецов, и притвор... Кто-то из великих сказал, что не видел чудища более диковинного, чем он сам. Человек разнолик, а мой Егор утверждает, что он прост, как палец. С этим я не согласен.

- Давайте-ка лучше еще выпьем, - предлагает он.

- И все же вы мне не ответили...

Я вижу, как он сыто откидывается на спинку стула, вытирая губы салфеткой, затем, приложившись к пиву, изрядно отпивает из кружки. Какое-то время мы молчим, но ведь каждому из нас ясно, так просто мы не можем расстаться. Просто встать и уйти в разные стороны? Еще чего! Зря, что ли, я накормил его до отвала? Вот и сейчас я вижу, как он тянется к моим сигаретам. С какой такой радости я должен его угощать?

Он закуривает, а я все еще дожевываю свою колбаску.

- Чего же вы все-таки ждете от меня?

Я отрываю глаза от тарелки. Он сидит, откинувшись на спинку, борода, усы, кажется, вот-вот, вспыхнут, дымит и сигарета, небрежно удерживаемая двумя пальцами. Прищурив глаза, он наблюдает, как я ем. Чтобы ответить на его вопрос, мне приходится жевать несколько быстрее обычного, затем долго вытирать рот салфеткой. Я думаю, что ответить.

- Станьте моим героем.

Я произношу это ясно, негромко, глядя ему в глаза. Зачем хитрить?

- Ну да... Я это знаю, это для меня не ново. Не понимаю, что во мне находят такого...

Он произносит еще какие-то слова, а я готов уже задать ему новый вопрос. Он давно сформулирован, я только жду момента, чтобы этот мой вопрос не стал последним. Я выжидаю и не слушаю его. Вот момент:

- Скажите, вы неудачник? - При этом я тоже закуриваю, чтобы дым сигареты скрыл мои глаза и я мог

незаметно понаблюдать за ним. Ни единым движением не выдает он своего внутреннего напряжения. Только очередная порция пепла падает с его сигареты на свитер, но это не привлекает его внимания.

Я жду ответа, напряженно рассматривая умирающий язычок пламени спички. Каждый мужчина когда-нибудь должен ответить, удачлив он в жизни или нет, и у каждого, я думаю, на этот счет есть готовый ответ. Жизнь ведь часто задает этот вопрос. Но хватит ли мужества признаться в этом другому?

- Да...

Он все-таки произносит это долгожданное "да", стряхивает пепел с груди и добавляет:

- Удача не всегда была у меня в любовницах. Но какое вам до этого дело?

- Я хочу знать о вас все.

- Вы - просто олух, честолюбивый олух и глупец. В вашем возрасте следовало бы...

- Пожалуйста, выбирайте выражения.

- Вы же хотите все знать обо мне.

- Да, но это не дает вам права...

- Дает.

Он раздавливает сигарету о дно пепельницы и, зачем-то глянув по сторонам, пытается встать.

- Дает, - повторяет он. - Если я ваш герой.

Он благодарит за ужин и прощается. Не удерживать же его за рукав? Мне хочется напоследок лягнуть его.

- Вы поступаете хуже...

- Бросьте... Это вы со своими хромыми взглядами сделали мир слепым. Ваши горбатые души... впрочем, ладно... Он берет кружку с остатками пива и отпивает глоток.

- Ладно, - говорит он еще раз и берет палку, - вы не сердитесь. Я и правда не знаю, чем вам помочь. Если у вас до сих пор нет имени, нечего соваться... Ведь уже есть Тургенев, Толстой, Чехов... Есть Стендаль, Флобер, Диккенс, Бальзак, Гюго... Куда вам? К тому же я абсолютный счастливец и в герои не гожусь. Просто мир вокруг вас еще такой дикий, такой девственный. Вот он и есть неудачник. Он - ваш герой, начните с него.

- С кого, "с него"?

Он улыбается:

- Ну, с мира... Извините, но мне, правда, пора.

- Куда это вы так спешите?

- У нас сегодня ничего не выйдет, а мне еще нужно...

- Чем же вы занимаетесь?

- Да вот... живу. Пока, увидимся еще...

Он не подает мне руки, прихрамывая, уходит, а я мучаюсь оттого, что так и не узнал его имени. Егор он или не Егор?

- Настя, Настя, Настенька, Настя...

Я кричу с порога, ору так, что Настя вскакивает с дивана и замирает в оцепенении. С белыми от страха глазами, каменная, она стоит в своем коротеньком синем халатике, не смея вымолвить слова... "Что случилось?" - она не в силах задать вопрос, но вида ее вполне достаточно, чтобы понять, насколько она потрясена.

- Что?.. - только и произносит она.

- Настенька, я... я говорил с ним...

Она делает выдох, закрывает глаза и присаживается на подлокотник кресла. Молчание. Затем она вскакивает и рысью, пантерой бросается на меня: прыг! В мгновение ока она оказывается рядом и ну лупить меня своими кулачонками, царапая своими ноготками мое лицо, руки... Густая краска ненависти проступает на ее щеках, ее маленькие прелестные ушки горят, а в глазах, ее дивных серых глазах, появляются два прозрачных зернышка слез. Она плачет.

- Настенька...

Она прикрывает лицо своими нежными ладошками, опускается в кресло и плачет.

- Настенька...

Только плечи, ее милые плечи тихонько вздрагивают в моих руках. Я успокаиваю ее, как могу.

- Не смей... не смей мне говорить о нем никогда...

- Хорошо, Настенька, хорошо-хорошо...

- Никогда...

- Никогда, Настенька...

Я утешаю ее, целую, клянусь, трогая то ее руку, то плечо... А полчаса спустя мы уже смеемся, лежим и смеемся, уплетая кукурузные палочки, которые я запиваю пивом, и она тянет пиво из горлышка, я произношу:

- И тогда я помчался в кафе...

- К этому своему бомжу?

- Ага, знаешь... Он...

- Стоп-стоп. Мы же договорились.

Но я хочу, жутко хочу рассказать о Егоре. С кем же мне еще поделиться мыслями, кому же еще я открою душу?

- Ты пойми, Настенька...

- Ты бы лучше...

Я начинаю злиться. Она злится тоже.

- Дай мне, пожалуйста, сигарету, - вдруг просит она.

- Что дать, что тебе дать?

Я ставлю бутылку на пол, бросаю пакетик с палочками и сажусь в постели.

- Си-га-ре-ту, вот что, - объявляет Настенька.

Это для меня открытие.

- Ты куришь?

- И пью, и вообще... Ты бы больше якшался со своим бомжом.

При чем тут бомж и что значит "вообще"?

- Ты сигарету даешь?

Я терпеть не могу курящих женщин.

- Пожалуйста.

Я смотрю, как она заправски-лихо берет сигарету, пристраивает ее в уголке своих персиковых губ и, оперевшись на оба локтя, выжидательно смотрит на меня. Спички! Ах, спички... Где же моя зажигалка? Сделав затяжку и выпустив тонкую струйку сизого дыма, моя Настенька спрашивает:

- Андрей, у меня красивые ноги?

Очередную порцию дыма она выпускает мне в глаза, я щурюсь, а она смотрит на меня бесовским взглядом Джоконды, выжидательно замерев. Трусливая сигарета вяло дымит между двумя пальчиками в ожидании приговора: вот я сейчас возьму ее и вышвырну вон из спальни.

А Настенька сгибает в колене свою прелестную ножку и бархатной кожей прикасается к моему бедру. Она повторяет свой вопрос:

- Правда, Андрей?

Разве на этот счет возникли сомнения? Прежде чем что-то ответить, я беру эту жалкую сигарету и сую в розовую вазу с водой, сиротливо стоящую на столике без роз. Раздается только злое шипение, на которое я не обращаю внимания.

- Послушай, - произношу я, - ты никогда прежде...

- Ты бы больше занимался своим бомжом...

Ах, Настенька, милая моя Настенька...

Она ревнует меня к Егору. Я виноват, я, правда, виноват. Я недостаточно внимателен к ней, сух, а иногда и груб. Я не помню, когда дарил ей что-нибудь. Боже, как она любит подарки! А где мои каждодневные розы, без которых она просто жить не может? Я признаю свою вину.

- У тебя прелестные ножки, - шепчу я ей на ушко, - и ноги, и руки, и глаза, и губы... Ты же знаешь, что нет на свете женщины...

Как же она пропахла дымом! Вообще курить в нашей спаленке - это уже чересчур.

- Что там у тебя в институте, - спрашиваю я, - как дела?

- Ладно, - говорит она, - давай спать...

Только после полуночи, когда моя Настенька утихает, сладко дыша во сне, я тихонечко сползаю на пол и, ступая босиком по паркету, не накинув даже халата, иду в свой кабинет: привет, бомж! Я бы назвал его Егором.

Натянув штаны и накинув на плечи куртку, я включаю настольную лампу, усаживаюсь за стол. А где очки? А где мои войлочные тапки?

Есть и еще вопросы, на которые я тщетно ищу ответы: скажем, когда это Настенька научилась так лихо обращаться с сигаретой? Она ведь терпеть не могла табачного дыма. "У меня красивые ноги?" - это для меня вопрос вопросов. Почему она его задала? Кому еще приглянулись ее прелестные ножки? Ну да ладно... Мой бомж... Привет, бомж! У меня уже есть первая фраза. Сочная, звонкая, емкая, властная... Что дальше?

Половина третьего...

Я снимаю очки, закрываю глаза, сижу какое-то время без движения, затем беру сигарету. Хочется есть... По пути в кухню я заглядываю в зеркало. Мне не нравится и мое обмякшее, сонное, одутловатое лицо с черными кругами под глазами, и мой маленький курносый нос, сытые губы... А на что похожи мои глаза? Маленькие, злые, невыразительные и потухшие. А этот подбородок, тяжелый и обвисший. Я не нравлюсь себе. А Настеньке? Бутерброд с колбасой, крепкий чай с кексиком, кусочек сыра... Этого мало. Еще чаю и бутерброд с маслом... Теперь можно и закурить. Я иду к себе...

Итак, значит: "- Соль подай..."

У меня ведь уже написано несколько строчек. "В правой руке Егора нож, в левой - вилка. Он кладет их на скатерть и берет мясо рукой..."

Я назову его Егором.

А как я назову свою героиню? Ксенией? Или Юлей? Может быть, Настенькой? Не могу же я оставить Егора без женщины. Мне трудно представить себе, что этот хромой бомж может нравиться женщинам. Попытка представить себе Егора в постели с женщиной, дурно пахнущего и хромого, вызывает у меня легкую усмешку.

"Своими длинными, крепкими, с кустиками черных волос, грубыми пальцами, - пишу я, - он берет мясо кусочек за кусочком, отправляет в рот и с наслаждением жует, прихлебывая из кружки. Я вижу, как в такт движениям челюсти дергается его борода, а веки его чуть прижмурены в удовольствии, как у наевшегося кота. Затем он тщательно облизывает палец за пальцем и, наконец, берет салфетку".

Я не видел этого, но примерно так представляю себе Егора. Обыкновенно люди с таким, так сказать, имиджем, обиженные судьбой и не пригретые Богом, с удовольствием рассказывают о себе, своих обидах, ищут собеседника, делятся сокровенным... Он скрытен. Что ему скрывать?

Сколько раз я давал себе слово бросить курить. Нужно встать, распахнуть окно... Светает. Пятый час утра, пора спать. Что меня еще волнует: как лихо Настенька обращается с сигаретой. Когда она успела этому научиться? Я совершенно потерял Настеньку... Ладно, решаю я, никуда не денется мой Егор. Пора спать. Моя Настенька уже мирно дышит. Оголенное плечико я прикрываю махровым одеяльцем, снимаю штаны и сам ныряю под одеяло. Как приятно пахнут ее волосы, ее кожа... Настенька лежит совершенно нагая, голенькая... Боже, какое все-таки это счастье!

Я беру свою Настеньку, беру голенькую, сонную и просто тающую, таящую в себе тихое блаженство. Ах, Настенька... Дался мне этот хромой бомж. Наваждение какое-то. А моя Настенька, ах, проказница! все еще в осаде дивных снов, пробуждается только своей юной плотью, сладко постанывая и что-то тайное лепеча своими прелестными губками. Что же ей снится? Какая тайная сила набрасывает ее на меня сонную, с закрытыми спящими ресницами? Тайная сила инстинкта?

Никакие потуги воображения не сравнимы с пастелями живой жизни. Нужно быть сумасшедшим или просто гением, чтобы соперничать с творчеством всевышнего. Я не гений (и, конечно же, не сумасшедший), и мое утлое воображение нуждается в подсказке. Всю неделю вечерами я пишу, читаю, рассказываю Настеньке о Егоре, приучая ее к мысли, что он уже входит в наш дом, живет с нами, на что она по-прежнему морщится, покуривая. Но и привыкает. Бывает, что она даже не слышит меня, и меня это не обижает.

Мне ведь нужно выговориться. В пятницу, как всегда, я даю деру с работы и мчусь в кафе.

Это какой-то рок...

Егор ждет меня. Все-таки ждет. Не думаю, что я для него только объект для насмешек, что только забавы ради он пришел сюда и вот даже привстал, подавая руку. (Почему левую?). Я знаю этих спесивцев, этих честолюбивых гордецов.

- Как вас зовут? - спрашиваю я вместо приветствия.

- Семен...

Только теперь, когда наши руки встречаются, я отвечаю на свой вопрос (почему левую?): мозоль. Я ощущаю просто деревянную твердость всей правой ладони, но никакой силы не чувствую. Просто легкое, дружеское рукопожатие первого знакомства. Как же он скрытен. Не выдают его и глаза. Но ведь зачем-то я ему нужен. Что если он почуял во мне художника и, став героем моего романа, надеется найти признание у соплеменников?

Желание славы ведь немногих оставляло равнодушными. Я никогда не поверю тому, кто станет утверждать свою независимость от признания.

Конечно же, он ждал меня. Это чувствуется по тому, как он тотчас называет свое имя, да и глаза его оживают. Вот они уже улыбаются.

- Присаживайтесь...

Я не настолько безразличен ему, как он хочет это представить. Я не верю, что он отказался от борьбы за какую-то только ему известную идею. Наверняка, не раз битый жизнью, он только затаился на время, притих в позе готового к прыжку барса.

- Ну как поживает ваш роман? Вы еще не отказались от мысли...

- И не откажусь.

Я вижу, что такой ответ его вполне удовлетворяет.

С карандашом и блокнотом в руке подлетает официант: чего изволите? Он стоит и выжидательно смотрит на меня. А я подаю Семену меню, которое он берет и, даже не взглянув на него, кладет на стол.

- Еще пива, - говорит он. - Вы располагаете временем?

Значит, он все-таки решился рассказать мне кое-что. Ну что ж, прекрасно. Писать роман вдвоем куда проще. Хотя я могу ошибаться.

- Знаете ли, - в задумчивости произносит Семен, когда официант удаляется, - я, пожалуй, соглашусь стать вашим героем.

Да ты, голубчик, уже согласился!

- Единственное условие - мне нужно быть уверенным, что у вас действительно есть этот самый писательский талант, а изящная словесность - ваше призвание. Иначе нет никакого резона...

- Я согласен.

- Не торопитесь соглашаться. Писательство - это тяжкий труд, и просто так, с кондачка, ничего не получится. Вы хоть страничку уже написали? Дайте взглянуть. Говорит он медленно, с трудом выискивает в своей большой кудлатой голове нужные слова, помогая им выбраться наружу угловатыми движениями больших рук.

- И вот что интересно...

Роясь в сумке, я выжидаю: что же такое интересное он может преподнести миру?

- Давайте...

Ему не терпится взглянуть, он тянет левую руку. Я достаю из папки лист, первый отпечатанный лист, даю ему. Пока он читает, я наблюдаю за ним, за движениями его глаз, за тем, как он шевелит губами, пробуя на слух каждое слово.

Ну что? Ну как?..

Я жду, не смея проглотить кусок, произнести слово. Очень важна для меня его оценка. Может быть, зря я рискнул дать ему такой сырой текст?

- Экхе-экхе...

Это недовольное покашливание еще раз убеждает меня: зря. Он дочитывает до конца страничку и переворачивает ее, надеясь обнаружить продолжение текста на обороте.

- Есть еще?

- Пока все...

Семен откидывается на спинку стула и неожиданно зевает.

- Простите, - говорит он, - я плохо спал.

- Бывает...

- Экхе-экхе... - снова кашляет он, о чем-то думая, а я пытаюсь разгадать в этом кашле его оценку, его приговор. Почему я думаю, что на его критику можно положиться? Довериться первому встречному в деле, которое собираешься ставить на карту жизни - это ли не легкомыслие с моей стороны?

- М-да, гм...

Он испытывает затруднение, ищет слово. Боится обидеть?

- А почему вы, собственно говоря, так стараетесь не писать правду? Ловчите, жульничаете... Не нужно ерничать. Вы делаете из меня...

Он не отвергает с ходу написанное. По одной-единственной страничке ничего определенного сказать нельзя, но он ведь не отвергает ее с ходу! Значит - все в порядке?

- ... а тон выбран верный, стиль мне тоже нравится...

Значит, все в порядке!

Семен возвращает мне лист и принимается за колбаски. Он еще что-то говорит о стиле, о эмпатии и мовизме... Ему нравится этот поток сознания, говорит он, который отличается от классического письма тем...

Я не слушаю его. Все, что я хотел от него услышать, я услышал.

Весь июнь льют дожди. Утра стоят туманные, сырые. Зелень на городских газонах, на обочинах дорог, в скверах так и прет к небу, буйная, сочная, а вот клубника не вызревает, зато наливаются вишни... И люд уже скучает по летнему солнцу, ворчит от сырости. Наступает июль, близится верхушка лета, и вот уже донимает жара. Июль в нашем городе - это жуткий ад. Моя Настенька задыхается, а роман просто умер от жары. Все требует отдыха, передышки...

Дернуть к морю? Две недели отпуска у меня еще есть, и мы с Настенькой можем себе позволить...

За день до отъезда я разыскиваю Семена, чтобы предупредить его о предстоящей поездке. У меня есть его адрес, но дома у него я ни разу не был. Как он живет, с кем? Написана уже целая глава и ни слова о его жилище. Какая она, его нора? Мне еще нужно закончить работу... Я останавливаюсь у телефонной будки, набираю его номер.

Длинные гудки. Полдень. Господи, какая же здесь жара! Как в духовке. Платочком я то и дело вытираю лоб, лысину, затылок. Шведка просто прилипла к спине. Хотя бы мало-мальское дуновение ветерка. Вместо этого - дымовая завеса взревевшего вдруг автобуса. Вряд ли он сидит дома в такое время. Я все еще не знаю, где мой Семен работает, и рабочего телефона он мне не оставил.

- Слушаю...

Да, это его голос. Я называю себя.

- Мы с Настенькой уедем недельки на две, и мне бы хотелось...

- Ладно...

Будто бы без этого “ладно” я не могу себе позволить уехать.

- Я бы хотел повидаться с вами и немного...

- Приезжайте...

Теперь он рассказывает, как его найти.

- В сторону озера, где этот ветхий мосточек? - уточняю я.

- Именно...

Хорошенькое дело. Да это в самом безлюдном месте. Нужно ехать далеко за город, искать эту проселочную дорогу. Я и был-то там всего пару раз и не помню, когда это было. На дорогу уйдет часа полтора, не меньше, а мне еще нужно...

Минут сорок приходится ехать только по городу, затем по дрянному шоссе (Господи, когда же у нас будут нормальные дороги!), и вот я уже ищу поворот. Ни одного указателя, ну и глухомань. По лесной дороге ехать приятно, но приходится то и дело переключать скорость. Вдруг асфальт. Дачный поселок, новые красивые двухэтажные коттеджи, мощные тротуары, липы... Бетонные заборы. Тихая, опрятная улочка... Просто рай какой-то. Рай так рай, я еду, вглядываясь в номера домов. Вот и водонапорная башня, здесь налево... Я легко нахожу и высокий кирпичный забор, которому на вид лет сто, не меньше. Так вот за каким забором он спрятался от мира. Это же целая крепость! Плющом увита высокая кованая калитка, брусчатка у

массивных давно не крашеных ворот поросла зеленой травой. Ну и ну, вот такие, оказывается, есть еще уголки в нашей местности. А что за этим забором?

Я припарковываю свой лимузинчик под высоким дубом, беру сумку и выхожу. Только теперь я ощущаю свежесть воздуха, негу леса. Никакой жары не чувствуется, только какая-то робость в жилах. Куда я попал? Я озираюсь: все вокруг мирно, тихо, где-то удары молотка по дереву и больше ничего... Птицы, да, птицы... Сколько же я не слышал птичьего гомона!

Как он меня встретит?

Я иду по брусчатке, стараясь не топтать траву в промежутках между белыми камнями.

Это обычный гранит, но кажется таким белым, таким вымытым, чистым... Передо мною ворота... Что там за ними?

Я толкаю калитку. Пес есть? Раздается только злобный писк несмазанных петель. Они выражают свое недовольство неожиданным вторжением. В глубине двора в густой зелени столетних дубов и стройных сосен таится особняк. Два этажа, черепичная крыша, узкие высокие окна. Таких домов сейчас не строят. Я иду сквозь заросли крапивы и лопуха по мощеной кирпичом дорожке. Как тихо! И как все загадочно. Немножко смущает меня и мой строгий костюм - здесь он совсем некстати. Может быть, сдернуть с себя хотя бы галстук? Да ладно! В конце концов, у меня нет никаких оснований для комплекса неполноценности. Я неплохой врач, надеюсь стать неплохим писателем и не очень-то гоняюсь за славой. Во всяком случае, стараюсь свое дело делать хорошо.

Семен рассказывал мне об этом доме, доставшемся ему от деда.

Прекрасный дом, просто замок. Конечно, с годами все пришло в упадок. Бассейн без воды, и фонтан мертв. Белокаменная Венера заросла сиренью. А чей же это прекрасный бронзовый бюстик? Неужто Вольтер? Так и есть - Вольтер с его беззубым запавшим ртом и маской сарказма на лице. Грустная густая тишина. Даже птиц почему-то не слышно. Стук молотка только...

Я машинально смотрю на часы: 15.57. Как летит время! Несколько роскошных лип, в тени которых я иду, источают сладкий медовый дурман.

Теперь гранитные ступени крыльца, зеленое медное кольцо на дубовой двери... Мне бы такой замок. Мы бы с Настенькой вмиг оживили этот фонтан, начистили до золотого блеска это медное кольцо... Мы бы завели пса на цепи, расставили под липами ульи... Запах хвои, шелест листвы, далекое долгое отсчитывание оставшихся лет жизни кукушкой - разве не в этом счастье?

Я легонечко нажимаю рукой на дверь, и она поддается. Жара, которая в городе не давала жизни, стала совсем незаметной, как только я вышел из машины, а здесь, за высокими каменными стенами, за этой тяжелой дубовой дверью даже прохладно. Свет едва пробивается сюда сквозь разноцветные стекла стрельчатого окна. Приходится выжидать какое-то время, чтобы пообвыклись глаза. Затем я осматриваюсь. Стою в высоком просторном холле, каменный пол, с правой и с левой стороны - двери, прямо передо мной - лестница, ведущая вдоль стены наверх. Куда теперь? Я стою в нерешительности на блестящем, как лед, отполированном граните, боясь сделать шаг, чтобы не поскользнуться.

- Поднимайтесь...

Я узнаю голос Семена и, подняв голову, теперь вижу его, оперевшегося на перила. Он приветливо машет рукой.

- Смелее, - произносит он.

Мне, собственно, нечего опасаться, поэтому я поправляю сумку на плече, пересекаю холл... Единственное опасение - не поскользнуться бы.

Чтобы жить в таком доме, мы бы с Настенькой... А какая на этой чистой белой лесенке ковровая дорожка! Ноги так и утопают в ней. Слева на каменной стене картины в массивных рамах. Мне не пристало разглядывать их на ходу, я только мельком окидываю взглядом. Портрет бородача в мундире, затем какая-то дама... Какие наряды, а что за глаза! Даже в полумраке я вижу их пристальный взгляд, от которого трудно уберечься. Я поднимаю глаза и вижу Семена, наблюдающего за мной.

- Меня не трудно найти, не правда ли?

Он отрывается от перил и делает шаг навстречу. На нем легкая ситцевая косоворотка с расстегнутым воротом, под которой угадывается могучее тело. Рукава закатаны, и я обращаю внимание на его жилистые мускулистые предплечья. Видимо, оттого, что значительная часть веса его огромного тела перемещается с помощью правой руки и палки, эта рука особенно сильно развита. Я знаю это и по рукопожатию, когда ощущаю мозоль-натоптыш на его ладони. Вот и сейчас он, перебросив палку в левую руку, тянет мне правую.

- Здравствуйте.

Иногда он подает левую, но когда особенно расположен - всегда правую. На нем генеральские штаны с красными лампасами, а на ногах - войлочные шлепанцы. На бал-маскарад собрался?

- Так что там у вас стряслось?

Мы входим в большую, просторную, совершенно пустую комнату с досщатыми стенами, где только стол стоит у окна и стул. На окнах приспущены жалюзи так, что солнце освещает лишь прямоугольники на белом паркетном полу. Этого света, отраженного от пола, достаточно, чтобы увидеть на стене ружье; а в углу - едва тлеющий камин. В такую-то жару! Семен берет еще один стул, приглашает сесть.

- Мне нечем вас угостить...

Он садится напротив, вытянув свою несгибающуюся в колене ногу, пристраивает палку к столу.

- Хотите молока?

- Да, с удовольствием... Я и правда, с наслаждением выпил бы чего-нибудь. Например, холодного пива. Сойдет и молоко.

- Илья, - вдруг орет Семен, - а, Илья... Какой у него зычный, властный голос.

- Да, барин...Илья - мужик в старом военном мундире, появляется невесть откуда и, приложив руку к виску, стоя навытяжку, произносит:

- Ссушшвасс...

Цирк какой-то. Зачем Семену понадобилось разыгрывать передо мной это представление? Я с удивлением рассматриваю Илью, затем перевожу взгляд на хозяина.

- Графин с молоком и две чашки.

- Да, барин...

Когда Илья исчезает за дверью, Семен говорит:

- Мой, так сказать, денщик, экхе-экхе...

Я затрудняюсь что-либо ответить, сижу, помалкиваю. А что тут скажешь? Денщик так денщик. Шутка,

на мой взгляд, не совсем удачная. Но по выражению лица Семена да по тону его голоса нельзя сказать, что он шутит. Так что же, все это на полном серьезе? Или меня все-таки разыгрывают? Или всем этим Семен пытается расшевелить мое воображение? Мне интересно, что же будет дальше.

- Илья работал у моего отца, - поясняет Семен, видимо, заметив мое замешательство,- а когда отец умер, я взял его к себе.

Мне, собственно, до Ильи нет никакого дела.

- Теперь вот живем вдвоем... Это вам должно быть интересно.

Нельзя сказать, что я потрясен увиденным, но какая-то таинственность витает в этом доме.

Позднее, когда этот загадочный хромой со своим денщиком неведомо каким образом ворвутся и круто изменят мою жизнь, воспоминание о сегодняшнем дне не раз еще будет надрывать мне сердце.

- Вы заметили, какое у него лицо? Кровь с молоком.

Я не успел его рассмотреть.

- Он болен. Небольшое помешательство. Но никому не докучает, нежен и тих. Он может часами слушать меня, не шевелясь. Никто из вашего окружения на такое не способен, не так ли?

Да, это правда. Но неужели Семен способен часами рассказывать! О чем?

Как всем нам недостает тихого помешательства. Не в первый раз я замечаю, что Семен отделяет себя от своих соплеменников. Он, и правда, не живет их заботами. А чем? Я до сих пор не могу ответить на этот вопрос.

У меня мало времени. Я заскочил на минутку и не намерен засиживаться... Почему я не удовлетворился телефонным звонком? Мне зачем-то нужно было видеть Семена. Меня так и тянет к нему...

- Значит, вы с Ксюшей уезжаете?..

- С Настей...

- Ах, ну да, с Настей... Простите. Мы до сих пор с нею не знакомы.

Это дело поправимое.

- Вы прочитали главу?

Я решаю повернуть разговор в деловое русло. Что он скажет по поводу написанного? Как оценит?

- Да, знаете ли, недурно. Я прочитал в тот же вечер...

Бьют часы. Откуда-то из-за угла доносится их размеренный бой, который обрывает Семена на полуслове. Он ждет.

- Недурно, - снова произносит он и умолкает.

Эта похвала приободряет меня. Я закидываю ногу на ногу, роюсь в сумке в поисках сигарет. Затем достаю ручку и блокнот. В камине, видимо, вспыхивает поленце, озаряя задымленную кирпичную кладку, и кажется, что это лаз в преисподнюю.

Семен смотрит, как я вожусь с сигаретами, ищу зажигалку и, когда предлагаю закурить ему, произносит:

- Спасибо, не курю.

Я помню, с какой жадностью он набросился в кафе на мои сигареты и вдруг - “не курю”.

Я тоже не прикуриваю, ослабляю лишь узел галстука.

- Мне ведь не важно, как вы пишете и совершенно безразлично, будет ли герой похож на меня. Правду сказать, я ни на йоту не сомневаюсь, что художественного шедевра из вашего романа не получится. Чутье у вас есть, но пишете вы лубочно. Ни один издатель не возьмется... Да и не время сейчас...

Семен не уточняет, какое сейчас время. Он просто умолкает на полуслове и думает о своем.

- Знаете, - произносит он затем, - у меня давно закрались сомнения: у нас ничего не выйдет. Вам не кажется, что мы зря теряем время?

Мне не кажется.

- Я уже несколько раз сам порывался написать об этом. У меня даже кое-что сохранилось, такой дневничок. Все не то.... Нужно нечто такое... Да меня и публиковать не станут. Издатели, знаете ли, измельчали, стали пугливыми и жадными. Это ясно, всегда так было... К тому же стать профессиональным писателем в пятьдесят лет... Даже если бы вы были графом или, скажем, князем... Уверяю вас, это очень трудно.

Я закуриваю. Мне не нравится его тон, его пессимистические прогнозы. В самом деле: зачем зря тратить время?

- Вы хотите сказать, что...

- Из вас можно лепить писателя. Это мне интересно. И бросьте вы обижаться на каждое мое слово. Вы же сами напросились, теперь терпите. Я помогу вам. Зачем мне это нужно? Я хочу вложить в вас свою душу. А уж потом вы как-нибудь расскажете об этом. Вам не хватает таланта, но его можно развить и затем совершенствовать. Это не сложно, проще пареной репы. Как сварить варенье из слив. Вы любите варенье? Илья любит. Но у него нет желания стать писателем. Он слушает меня каждый день и уже мог бы написать не один роман. Но не пишет. Он сумасшедший, он просто не в состоянии писать романы, понимаете?

Такого поворота в разговоре я не ожидал. Значит, я нужен ему, как глина, из которой он будет лепить свое подобие. И еще ему хочется иметь домашнего священника. Кому-то он должен исповедаться! Илья ему не подходит.

- Зато Илья...

- Он придурок... И такой ласковый, нежный... Знаете, мы с ним...

Семен снова обрывает себя на полуслове. Что он так старательно от меня скрывает, чего он не договаривает? И при чем тут Илья?

- Вы мне нравитесь еще и тем, что безумно влюблены в свою Ксенью и только ради нее готовы стать и писателем, и...

- В Настеньку...

- Ну да... Готовы стать не только писателем...

- Это так заметно?

- Да. Вы не простачок, а знаете, такой незатейливо-великодушный с примесью здорового честолюбия, великовозрастный инфант. Вот вы снова топырите губу, обижаетесь. А ведь этого вам никто не скажет. Но коль скоро мы с вами образовали альянс...

Я сижу, точно опущенный в воду, не знаю, что ответить, куда сбить пепел с сигареты, и сбиваю его просто на паркет. И почему-то не могу посмотреть в его черные, пожирающие меня тяжелые глаза. Я чувствую себя лягушонком, сидящим перед ужом, этаким самоуверенным всесильным гадом.

Мы молчим.

К счастью, словно спасая меня, подоспевает Илья. Он входит без стука, с глиняным кувшином в одной руке, с чашками в другой. Таких кувшинов я не видел уже лет сто. На кувшине - кирпич черного хлеба.

- Пожалуйте, сударь...

Меня он точно не замечает, а я рассматриваю его поближе. На нем старый военный китель, штаны-галифе и точно такие же, как у Семена, войлочные штиблеты. Лицом он светел, и даже в полумраке мне удается рассмотреть его ясные глаза с, как мне кажется, затаенной хитринкой. Он до удивления молодо выглядит. Длинные светлые волосы, длинные, тонкие, как у женщины, пальцы. Глядя на его лицо, кажется, что он даже еще не бреется. Между тем, ему уже явно за сорок. Он разливает молоко в кружки, кладет на стол добытый из внутреннего кармана нож и молча удаляется.

Я ловлю на себе взгляд Семена.

- Вот вам прекрасный образчик. В густые, мрачные дни безделья Илья кормит меня. Молоко, картошка, иногда зайчатина... Вы любите зайца в сметане?

Семен берет нож, режет хлеб.

- Прошу вас...

Я отпиваю глоток. Боже, какое наслаждение!

- Вы поработайте над его образом. Хотите?

Мне только чокнутого Ильи недоставало. Хотя образ Семена тот прекрасно дополняет.

Я не знаю, куда девать окурок.

- В камин бросьте... Нет ведь никакого резона что-либо выдумывать. Жизнь прекрасна своими каждодневными открытиями. Я не имею никакого права требовать от вас ответа, вопрос мой - верх неприличия, но вы - неудачник?

- Я?!

Он задает мне мой же вопрос и теперь ждет, жуя, а я желаю одного: уехать, уехать тотчас. Я чувствую, что наш разговор превращается для меня в пытку. Но почему? Что не дает мне покоя? Другой бы сумел все скрыть, а я зачем-то пытаюсь встать, не допив молока. И, вот беда, - я никогда не чувствовал себя таким подавленным. Хорош доктор!

- Есть, кстати, прекрасный липовый майский мед. Хотите?

- Да, с удовольствием...

Ясно, что на часы я смотрю от волнения. И у меня еще столько дел.

- Искусство состоит в том...

Чувство внутреннего противоречия его словам, вообще всему образу его жизни зреет у меня давно. Давно вызрело. Чтобы обуздать свое желание дать отпор его назиданиям, я встаю, ставлю стакан на стол и не жду обещанного меда.

- Спасибо. Я давно не пил такого вкусного молока.

Семен выдвигает ящик стола, достает какой-то грубой вязки бурый жупан и набрасывает себе на плечи. Он тоже встает.

- Ну хорошо, хорошо, - говорит он, - не хотите - не надо. Ломайте свои копья сами...

Мы стоим какое-то время и молчим. Камин тоже притих, приглушив свой тихий восторг недавней вспышки вялым тлением поленец. Так что же, я так и уйду ни с чем? Или того, что я сегодня увидел и узнал нового, достаточно, чтобы мое воображение, овеянное морским бризом, рисовало свои волшебные картины? А ему есть теперь где разгуляться: мне представился случай узнать еще один маленький штришок такой неведомо таинственной жизни Семена. Потихонечку я эту тайную завесу приоткрываю. Чего стоит только один Илья! Кто он, шут гороховый, уродец или грешник? Не очень-то он смахивает на сумасшедшего.

Семен давно уже обещал рассказать о своих женах, детях... Даже не обмолвился.

- Ладно, - произносит он, провожая меня и постукивая своей палкой по паркету, - отдыхайте... Подумайте все-таки о фабуле. Есть правила игры, которые, как и в любом другом деле, следует соблюдать. Хотя сегодня любые писательские изыски могут иметь успех. Читатель не очень-то требователен.

Когда мы спускаемся вниз по лестнице, Семен, тыкая палкой в сторону одной из дверей в холле, произносит:

- Это комната моей первой жены...

Затем, спустившись вниз, тычет в другую сторону:

- А эта - второй...

Я не знаю, как на это отреагировать, киваю на стену:

- Ружье...

- Иногда постреливаем...

Дверь приоткрыта, мы выходим на гранитное крылечко.

- Илья, придержи Цезаря.

- Да, барин...

Я оглядываюсь и вижу Илью, который держит за ошейник огромного рыжего породистого дога с грустными желтыми глазами, вяло рассматривающими меня. “Сколько же он жрет мяса?” - вот первая мысль, которая приходит мне в голову. Я поворачиваюсь, чтобы попрощаться с Семеном, и вижу только его спину, скрывающуюся за дверью, а кожей своей спины ощущаю дыхание Цезаря. Сколько же он жрет мяса за один присест? В машине я закуриваю и какое-то время сижу без движения, просто наслаждаюсь сигаретой и, конечно же, свободой. Как это здорово - снова оказаться за рулем своей машины. Я попадаю в мир своих привычек, а некий таинственно-сказочный остров пока еще неведомой для меня жизни оставляю за кирпичной стеной. Я все еще не могу взять в толк, что этот остров существует в действительности. Поражаюсь я и тому, что меня преследует какая-то дикая, жуткая, злая мысль. Я пытаюсь ее сформулировать и не могу. Господи, придет же такое в голову! Она прилипла ко мне с тех самых пор, когда я увидел ружье на стене. Каким-то неярким слепым лучиком она осветила мой мозг: как же легко можно избавить себя от Семенова ига. Стоит только руку протянуть - ружье рядом. Взвести курок, добыть из патронташа патрон... Придет же такое в голову! Хотел бы я видеть глаза Семена, его зрачки под прицелом двустволки. А смог бы я нажать на курок? Еще как! Потом я долго буду казнить себя за то, что не воспользовался этой мыслью. Но ведь и явного повода не было.

Мы живем философией окрика: Стой! Так нельзя! Ты не смеешь! Куда?!.. На это мы только молчим, рабы. Ведь рабы - немы. Старательно и упорно мы уходим от лязга и лая этих команд и упрямо ищем тишины. Мы еще надеемся обрести свою свободу, найти свой маленький рай на земле...

Мой рай - это зеленое, как молодое вино, море у седых вечных гор. Мой рай - это Крым. Свитое на Ай-Тодоре Ласточкино гнездо, Дива у дивных скал Симеиза, золотые маковки форосской церквушки...

Я лежу на Ялтинском пляже, оперевшись на локти, подставляя жарким лучам свою безволосую утлую грудь, свой нежно-белый рыхлый живот... На голове - панама. Щурясь от яркого солнца, я любуюсь своей Настенькой, у стройных ног которой, как какой-то большой укрощенный пес, ластится море. Она все еще не решается зайти в воду. Господи, как же прекрасна

ее юная фигурка на фоне безмерного пространства зеркальной глади. Себя, толстого, неуклюжего, белого, тучного, я просто ненавижу. И этот пот... Я не успеваю вытирать его махровым полотенцем то со лба, то с шеи, то с груди. Особенно потеют подмышки... За что Настенька так меня любит? Мне стыдно стоять с нею рядом, оскорблять своими отвисшими телесами ее прелестное воздушное тельце. Меня мой вес так и гнет к земле, а ее глаза всегда устремлены ввысь, и глаза, и приподнятые плечи, и шея, несущая в небо ее маленькую головку. Чего только стоит этот прогиб спины, этот прекрасный смелый выгиб тела, создающий впечатление стремительности порыва... Но более всего ее бестелесную легкость подчеркивают удивительно стройные, дивно длинные, упругие ножки. Даже когда она стоит вот так, чуть выставив вперед левое коленце, кажется, достаточно одного движения, легкого толчка, и она плавно воспарит над морем, а затем унесется в небо... Попробуй тогда догнать ее.

Почему меня преследует мысль, что я теряю ее? Вот ведь она, рядом... Такая уверенная в своей неотразимости, такая безмятежно-спокойная. Я грузно поворачиваюсь на бок и чувствую, как отвис мой живот. Ну и боров! Нужно обязательно ограничить себя в еде. Хоть здесь можно ведь воздержаться от жора. Мы, врачи, любим пропагандировать здоровый образ жизни, умеренное голодание, бег, но при этом любим и вкусно поесть. Мы - едуны. Никуда от этого не денешься. Бездвижность, сутулость, нервность - это наши профессиональные пороки. Чтобы мир стал менее ярким, и белизна моего тела не так бросалась в глаза, я надеваю солнцезащитные очки. Так-то оно лучше.

- Андрей, идем же...

Стоя спиной, Настенька повернула ко мне только лицо, ждет и вдруг наклоняется, не сгибая колен, черпает ладошкой воду и брызгает на меня. Вот где я проявляю самообладание. Я даже не защищаюсь рукой, мужественно принимаю этот шальной веер колючих брызг, лежу не шелохнувшись. И только улыбаюсь навстречу леденящему душу. Наспех перекусив в блинной, мы решаем остаток дня провести на Золотом пляже, а ужинаем снова в Ялте. Настеньке нравится этот ресторан на набережной, его просторный зал на втором этаже. Лоза винограда и зелень плюща вместо стен. Может быть, вот за таким столиком сидела чеховская дама со своим шпицем?

Моя Настенька - царевна вечера.

Открытое вечернее дорогое черное платье, широкий белый пояс с золотой пряжкой, золотистые клипсы... Ее левую руку украшают браслеты. На ногах - лаковые туфельки.

Царица бала.

Шампанское, шоколад, шорох шепота и шуршание шелковых штор, когда стихает музыка... Настенька сияет. Ее смелая сигарета с нетерпением ждет огня, так что сразу три зажигалки устремляются к ней и наперебой предлагают себя. Настенька громко смеется. Затем ей наперехват предлагают руку. Позвольте вас пригласить? Пожалуйста!

Настенька танцует то с одним, то с другим, то с третьим... Я радуюсь тоже. Я просто счастлив, что она счастлива. Четвертый ей предлагает морскую прогулку на яхте. “Завтра же, а хотите - ночью”. Я рад.

- Ах, я, к сожалению, не одна.

Я не думаю, что это правда. Настенька ведь не может сожалеть о том, что я рядом.

- Он же не прикован к вам цепями...

Этот нахал даже не смотрит на меня.

Музыка, снова музыка...

Я с удовольствием ем. Жареная свинина - это моя слабость. А что предложил ей вон тот франт с голубым пробором и золотой цепью на шее?

Настенька встревожена. Улыбка ее застыла на лице.

Я вижу это и без очков, даже в сизых сумерках заката. Даже музыка притихла от такого. Что он ей шепчет на ушко, этот ворон? После танца он сопровождает Настеньку к нашему столику и, целуя ей руку, благодарит меня, глядя прямо в глаза. Чересчур долго он меня изучает. Я смотрю на Настю, а она топит свой взгляд в шампанском, долго раскуривает сигарету и наконец поднимает ресницы.

- Андрей, - слышу я, - ах, Андрей...

И ни слова больше.

Господи, как же я ее люблю. Я не жалею денег и велю принести еще вина. Сам же я трезв, как стеклышко, наливаю в фужер лимонад, тяну глоточки. Нам еще нужно добраться до Фороса. А о чем думает она? Когда я спрашиваю об этом, она просит шоколадку и отчего-то злится. Ах, как сверкают ее глазки! Она почти никогда не проявляет недовольства, но как она прекрасна в гневе! Капризы - это ее стихия, так сказать, стиль жизни. Я просто не знаю, чем вызвана эта вспышка тихого гнева. Изумленные возгласы и восторженные взгляды - награда Настеньке за смелый выпад в танце с этим вороном. Как испуганные голуби, взрываются аплодисментами ладони присутствующих...

После танца с каким-то известным поэтом (я к своему стыду не знаю такого и стихов его не читал) Настенька снова весела, как прежде, и, разоткровенничавшись, говорит, что ей предложили подъем по какой-то козьей тропе. Никаких горных коз (и козлов) я в Крыму уже много лет не встречал. Да и какой с меня покоритель вершин? Правда, мне никто и не предлагал что-либо покорять. Я покорил уже сердце Настеньки, и этого мне вполне достаточно. И все же, думаю я, время от времени не мешало бы привораживать Настеньку своим вниманием. Недурно бы запастись и терпением: этой добродетелью я, известное дело, не вполне обладаю и, чего доброго, могу комунибудь из этих ухажеров намылить шею. Хотя вряд ли до этого дойдет.

Уже сгустились сумерки, в черноте моря видны ярко-белые огни теплохода. Будто кто-то могущественный соскреб с неба эту горсточку звезд и бросил в пустоту ночи. И вот они застыли в безбрежии тьмы, сбились в теплую кучку, как цыплята, словно боясь затеряться поодиночке. Я вижу, как Настенька с нескрываемой печалью в глазах наблюдает за тем, как едва заметно эти сказочно-чарующие огни уплывают от нее, и она не в силах что-либо сделать. Я тоже не в силах, Настенька это понимает, и все же признается мне, что, кроме всего прочего, ей предложили Средиземное море.

- Он так и сказал: “Я вам дарю его...”, - упавшим голосом произносит она, а на глазах, кажется, вот-вот выступят слезы.

- Андрей, я так хочу увидеть Европу...

Ах ты, моя бедолага. Я смотрю на часы:

- Пора, Настенька...

И (о, чудо!) она покоряется мне. Без единого вздоха огорчения, покорно и робко, как раба, моя Настень-

ка берет сумочку и, провожаемая взглядами всех своих преследователей, цокая каблучками (вдруг стихает музыка), идет к выходу.

Боже, как она несет свою головку! Как они все смотрят на нее!

Наконец и я встаю. Небрежно бросив на белую скатерть несколько крупных банкнот, я следую за Настенькой в своем белом костюме, в белых поскрипывающих туфлях, белая бабочка... Франт! Весь в белом... К слову сказать, в белом костюме я чувствую себя как никогда легким, упругим, молодым, даже красивым.

Вдруг взвивается музыка - прощальные звуки саксофона. Я им благодарен.

В машине, по пути домой, Настенька долго молчит, а затем, уточнив время, говорит, что ей еще хотелось бы заскочить на полчасика к нашим новым знакомым. Мы только вчера познакомились на пляже, и она обещала.

- Как думаешь, не поздно уже?

Наносить визиты в столь позднее время, я считаю, вещь решительно из ряда вон выходящая, но не осмеливаюсь сказать об этом вслух.

- Если они еще не спят...

А вот и тоннель. Еще десять-двенадцать минут - и мы дома. Благополучно добравшись и удостоверившись, что в окне новых знакомых света нет, мы идем к себе, молча пьем холодный лимонад и снимаем наши праздничные одежды. Я любуюсь ловкими движениями Настеньки и, не сдержавшись, наливаю себе фужер вина.

- Тебе налить?

Настенька отказывается, а я выпиваю с удовольствием. И уже через минуту смотрю на нее блестящими глазками... Как же я ее люблю! Мне так нужно ее присутствие, ее глаза, волосы, кожа... Она так необходима мне, чтобы сносить все тяготы жизни. А Настеньке, по-моему, с каждой минутой становится все тоскливее, все грустнее. Что ее так заботит? Я жду, пока она примет душ, забираюсь и сам под воду, чтобы освежить свое потное тело, и когда босиком, совсем голый, подкрадываюсь к Настеньке, она уже спит. Не притворяется же она.

Утром я едва успеваю сбегать в магазин и приготовить яичницу с ломтиками колбасы и жареным луком, даже кофе сварить, и уже слышу раздраженный голосок Настеньки:

- Можешь ты не греметь крышками?..

Я же для тебя стараюсь. Правда, по утрам в постели она пьет только кофе, но я ведь не могу терпеть голод до обеда. Кое-чем на ходу я уже перекусил и теперь несу Настеньке кофе.

- Прошу...

- Я еще хочу поспать...

Я стою в ожидании и уже было поворачиваюсь, чтобы уйти...

- Знаешь, что мне снилось?

- Я только горелку выключу, молоко убежит.

- Не убежит, послушай...

- Оно вот-вот закипит.

Настенька огорчена. Она капризно кривит губки. Когда я снова вхожу в нашу спаленку с тарелкой в руке, чтобы завтракать рядом с Настенькой, она уже сидит у зеркала. Кофе стоит на столике, куда я его поставил, нетронутый. Что случилось? Куда Настенька так торопится?

- На море, куда же еще...

Я сажусь на стул, ем свою яичницу, молчу.

- Ты можешь есть с закрытым ртом?

Она почему-то нервничает. Я могу позавтракать и в кухне.

На почти безлюдном пляже (это не Ялта!) Настеньке некому демонстрировать свой новый чересчур открытый купальник. Даже наши соседи не пришли еще на море. Вода, правда, не очень теплая. Я готов на руках нести Настеньку в воду, но она ей кажется недостаточно прозрачной. Как назло, сегодня в море словно вселился бес. Оно и недостаточно теплое, и не прозрачное, да и волна иногда набегает такая, что полностью скрывает наш камень. Усилился ветер...

- Андрей, очисть мне, пожалуйста, персик.

Я чищу. Нужно какое-то время не напоминать Настеньке о себе, стараться выполнять все ее просьбы, покориться ей, и все снова станет на свое место. Я хочу приучить ее к мысли о Семене, мне это необходимо, как воздух, ведь без ее участия в моем романе я обречен на неудачу.

- Пожалуйста.

- Осторожно! Ты же видишь, с него капает.

Я бросаю камешки в воду, выжидаю.

- Когда мы снова поедем в Ялту?

- В четверг, - отвечаю я, - а хочешь - в субботу.

- Сегодня.

- Хорошо, сегодня, - произношу я и решаю напомнить ей о Семене. По-моему, момент вполне благоприятный.

- Знаешь, а я успел побывать у Семена дома.

- У кого побывать?

- У Семена. Я тебе не рассказывал? У хромого...

- Хромой, кривой, горбатый... Где ты их находишь? И что прикажешь делать с твоим Семеном? На кой он мне?

Какие у нее зеленые глаза, когда высвечены светом моря!

- Он живет один, как отшельник. За городом, в замке...

- Где живет?..

- У него старинный особняк за кирпичным забором...

- И пес на цепи...

- Ага...

Настенька улыбается. Я так люблю ее улыбку, ее острые белые зубки.

- Дай мне еще персик.

- Ладно...

- Открыл бы лучше частный кабинет или клинику.

- Ладно...

Нужно как-нибудь свозить Настеньку к Семену, удивить ее. Эта идея приходит мне в голову, когда Настенька лежит на надувном матрасе, вдруг оглянувшись, произносит:

- Андрей, я купальник сниму?..

Теперь озираюсь я. Персик остается неочищенным, я лепечу:

- Ну что ты, Настенька...

- Разве у меня некрасивая грудь?

Конечно же, она решила меня только испытать.

- Держи, - произношу я и подаю ей персик.

- Я не хочу, ешь сам.

После обеда Настенька отказывается от поездки в Ялту, а вечером, когда мы смотрим телевизор, снова умирает от скуки.

- Форос - это такая дыра... Некуда пойти...

Я молчу, соглашаюсь, потягивая пиво из бутылки и жую копченую мойвочку. Можно было бы пойти в ресторан санатория, но нельзя же каждый вечер... Цены сейчас просто бешеные. Я не мот, не какой-то транжир. И из всех горестей нашего времени самое для меня мучительное - моя бедность.

Одолевают мрачные мысли, от которых не так-то легко избавиться, и начинаешь сам себя ненавидеть. Но я и не скуп. Иногда можно себе позволить и пошиковать. Какую удачную летнюю накидку мы купили Настеньке в Ялте! Шелковую, легкую, дымчато-сиреневую. Совсем прозрачную... Гонконг! Особенно мне нравятся груди Настеньки под этой накидкой, два прелестных, переполненных неземной зрелой тяжестью атласных мешочка. Этакие бурдючки с молодым пьянящим вином. Живительные ключи желания, влагу которых я готов пить не отрываясь. Когда Настенька встает, эта умопомрачительно прозрачная, легкая, как облачко, попона едва прикрывает ее ягодицы, открывая такие точеные ножки, каких не сыскать ни в одном французском журнале. А чего стоит ее талия! Настенька и сама себе нравится. Она то и дело встает и, прыгая козочкой, несется зачем-то в кухню, а через секунду назад, ветреная лань. И каждый раз смотрится в зеркало. Ей нравится жить вот так, на лету.

Я жую мойву.

- Андрей, я тебе нравлюсь?

Воображаю, сколь восхитительна и привлекательна Настенька была бы, появись она в этом наряде вчера в ресторане. От этих ловеласов не было бы отбою. Да разве мало их было вчера!

- Ты оставишь когда-нибудь свою тюльку?!

- Хоть сейчас. Сию же секунду. А что случилось?

- Андрей, ты невыносим. Посмотри, на кого ты похож. И все это благодаря твоему пиву...

А, собственно, на кого я похож? На самого себя. Я собираю в газету останки мойвы, допиваю пиво... Что нужно?

- Да ничего не нужно... Выключи ты этот телевизор, скучища какая.

Я вытираю руки газетой.

- Пойди вымой, от них же несет...

Поздно ночью, когда моя Настенька, намаявшись от скуки, уже спит, я тихонечко сползаю с кровати (это уже входит в привычку), секунду-другую любуюсь ею, освещенною золотисто-зеленой луной, и прикрываю простынкой. Шлепаю босиком в кухню. Мне нужно написать хоть строчку, хоть полстрочки, слово... Пока я не могу вообразить себе ничего прекраснее удачного абзаца и всецело подчиняю себя власти творчества.

Суббота - святой, божий день. Всю ночь я как проклятый писал. Вдруг пришло озарение. Три дня и три ночи кряду я обдумывал главу и вот... Меня вдруг прорвало. Как прекрасно клеятся друг к дружке слова, какие обороты, сколько юмора... И это рассказывая о Семене. Я представляю себе, как этот неуклюжий хромой вдруг мило улыбается женщине, становится беспредельно галантным, бесконечно чувственным... Вот он дарит ей розы, корзину роз...

- Андрей, ну ты скоро?

- Да-да, иду, иду...

- Вечером мы едем в Ялту, ты помнишь? Или идем в ресторан санатория. Здесь, говорят, не хуже, чем в Ялте.

- Кто говорит?

Весь день мы отдаемся солнцу, морю, удается даже вздремнуть на матрасе, но к вечеру меня неукротимо клонит в сон. Приходит Морфей, этот всесильный владыка, и липнет ко мне, хватает за руки, виснет на плечах... И вот веки мои уже рухнули. Мне не справиться с ними, хотя ноги еще держат. Куда он меня ведет, этот властелин ночи?

- Эй, Андрюша, а обещание?

Я открываю глаза.

- Я только побреюсь, ты готова?

Я успеваю только щеки намылить, стою перед зеркалом с тюбиком крема в руке, в другой - помазок...

Настенька входит.

- Ты... так...

Глаза мои, конечно, не выпадают из орбит.

- Ты так и идешь, Настенька?

- Разве я тебе не нравлюсь?

На ней только белые трусики и эта гонконговская попона.

- А лифчик?

- Они сейчас не в моде.

Но хоть... Ну как же...

- Брейся скорей, я пошутила.

Наспех побрившись и оросив лицо холодной водой, я надеваю свой белый костюм, белые носки, белые туфли... Настенька тоже вся в белом.

- Я пойду потихоньку, догоняй...

- Ладно...

На ней теперь белый брючный костюм, белые туфельки, а в ушах - умопомрачительные, висящие, словно сады Семирамиды, белые сережки. Нитка жемчуга делает ее шею особенно длинной, перламутровый браслет...

Она выходит, захлопывает за собой дверь, и теперь я слышу через открытое окно стук ее каблучков по тротуару. Вот она остановилась и о чем-то, вероятно, думает. О чем?

Нужно хоть что-нибудь бросить в рот: ужас, как хочется есть.

"Цок-цок-цок..."

Настенька не ждет меня. Я, как сказано, не переношу голода, проворно несусь на кухню, беру кусок колбасы, свеженький хрустящий огурчик и наливаю полчашечки вина. Вдруг в ресторан не попадем и буду я до ночи голодным. Настенька не успеет уйти далеко. Не посадить бы каплю вина на свои белые брюки. А пиджак можно в общем-то снять. Включить переносной телевизор? Настеньке не привыкать ждать меня, она уже давно перестала сердиться. Какое приятное холодное вино! Я наливаю еще полстакана и, щелкнув выключателем телевизора, усаживаюсь поудобнее на стул. Нет, все не то. Пойду-ка я в гостиную. Удобные кресла, большой цветной телевизор. До чего же удобны эти передвижные столики: хочешь - ешь в гостиной, хочешь - в спальне. Я беру из холодильника кастрюльку с гречневой кашей, еще парочку огурчиков, бутылку! В жаровне жареная курица! Два вареных яйца я кладу в кастрюльку, чтобы они не свалились со столика. Что еще? Масло, горчица, перец, соль... Вот теперь порядок. Я везу все это в гостиную, усаживаюсь в кресло и дотягиваюсь пальцем до выключателя телевизора: щелк! Кажется, я видел эту картину. Холодная каша, холодная курица, холодное вино... Мелькает вяленькая мысль о Настеньке, но может же она полюбоваться морем. Море, горы в дымке... Я ем. Еще два глоточка и теперь - яйца. Особенно я люблю их нарезанными ломтиками, с маслом и горчичкой. Или перцем... Да, я видел эту картину... Кто-то стучит в дверь. Настенька? Стыд какой: снова она

увидит меня жующего. Я не понимаю, что в этом плохого. Стук повторяется.

- Открыто, - произношу я.

Это в кино. Это там стук в дверь, которая затем отворяется. Двое в плащах с поднятыми воротниками, в шляпах, черных очках... Значит, можно спокойно доедать яйцо. Туфли - одна причина моего беспокойства. Снять их к чертям собачьим. К черту галстук! Фильм просто сказочно-прекрасен. Какое великолепие красок! На каждой гондоле горит зеленый фонарь, повсюду жгут бенгальские огни, освещающие неправдоподобным фантастическим светом дворцы на канале, музыка, гвалт... Но самая потеха начнется перед мостом, я помню, когда все это множество гондол ринется под мост, не желая уступать...

Снова стук?

- Андрей, ты дома?

Семен?! Откуда ему здесь взяться? Ерунда какая... Лишь мгновение я сижу в нерешительности, затем произношу:

- Проходи...

Его "ты дома?" прозвучало так просто, что говорить ему "вы" было бы натяжкой.

- Каким ветром? Мы с Настенькой в ресторан собрались... Ты голоден?

Видимо, вид у меня все-таки предурацкий, Семен улыбается, а я в полном недоумении: как же он сюда попал?

- От пива не откажусь, будь настолько любезен...

- О ради бога. Сколько угодно! Как ты меня нашел?

- Встретил Настю, и вот...

- Разве вы знакомы?

- Давно...

Я наливаю себе пива. Семен ставит палку в угол, сбрасывает рюкзак и снимает куртку. В теплой куртке в такую жару? Это для меня тоже удивительно.

- Ночи холодные, - словно отвечая на мой вопрос, произносит Семен. - Ты спешишь?

Откуда он знает про мою Настю? И что же он, хромой, тащил на себе этот тяжеленный рюкзак?

- Ты один приехал? Чем ты сюда добрался?

Семен осматривается. Его уставший взгляд вяло скользит по стенам гостиной. Какая-то картина, на которую я никогда не обращал внимания, привлекает его, он ковыляет к ней без палки, и, видимо, разочаровавшись, отворачивается, смотрит теперь на люстру. В ней тоже ничего особенного: сверкающие стекляшки и только. Что еще ему не нравится в нашем доме?

- Илья в машине... - наконец отвечает он на мой вопрос.

Меня, собственно, Настенька ждет. А Семен валится в кресло, берет пиво и долго пьет. Затем, крякнув и обтерев рукавом усы, ищет в кармане куртки кисет и набивает трубку махоркой.

- Скажи, Андрей, ты любишь Настеньку?

Глупее вопроса он, конечно, задать не мог.

- Мне кажется, - говорит он, прикуривая, - что ты недостаточно...

- Правда? - я останавливаю его вопросом.

Мне не нужны его советы по поводу наших с Настенькой отношений. Я и сам в состоянии оценить, насколько они прочны, достаточно ли я к ней внимателен, любит ли она меня... Да и может ли случайный человек толком их оценить?

- Поразительно, - говорит он, - как хорошо все видно со стороны.

Теперь меня раздражает этот запах махорки. Настенька его тоже терпеть не может.

- Илью нужно покормить...

Он произносит это так, словно проявляет заботу не о своем близком, а о лошади или дворняге.

- Мне, к сожалению, нужно бежать, - произношу я, - еда в кухне...

Затем я слышу их голоса. Они гремят посудой, то и дело хлопает дверца холодильника, а потом раздается и свист чайника. Наконец, запах кофе...

Я сижу, молчу, курю, думаю. Почему я не иду к Настеньке?

- Искупайся и спать, - слышу я голос Семена.

- Я пива с собой возьму?

Я слышу голос Ильи, мягкий, нежный, просящий. Я знаю, что и прежде слышал его, но впечатление такое, что слышу его в первый раз.

- Я отправил его спать, - входя, произносит Семен, - а ты почему еще здесь?

Мне хочется спросить, где расположился на ночлег Илья? А где будет спать Семен? Не думают ли они оккупировать нашу спаленку?

- Давай свою рукопись...

Все вопросы тотчас оставляют меня. Я забываю даже о том, что меня все еще ждет Настенька. А куда ей деваться? Сумка у меня всегда под рукой, я беру ее, достаю папку...

- Вот...

На свете нет ничего интереснее, ничего важнее, чем знать, что о тебе скажут другие. А что скажет Семен о написанном? Ведь только кажется, что его мнение меня не интересует. Это не так. Мне важно мнение каждого, а отзыву Семена я почему-то доверяю бесконечно.

- Телевизор выключи, пожалуйста... - требует Семен и, не дожидаясь, пока я встану, палкой ловко выдергивает шнур из розетки. Я даже не успеваю шевельнуться.

Конечно же, меня тревожит банкротство многих творческих потуг, о котором сейчас наверняка объявит Семен. Я весь в ожидании приговора. Кажется, что вдруг наступившая тишина - и та в заговоре против меня и старается как можно сильнее досадить мне. Хочется просто возопить: будь милостивее, тишина! И чтобы она не отказала в милости, я легонечко толкаю ногой палку Семена. Она тут же грохается о паркет. Семен даже ухом не ведет, зато я даю волю своим застывшим в напряжении мускулам, встаю, поднимаю палку, долго пристраиваю ее к спинке кресла и даже покашливаю, усевшись поудобнее. Я вспоминаю Настеньку и мысленно призываю ее, чтобы утешиться вместе. В этом нет ничего удивительного, ясное дело, я волнуюсь.

А Семен сидит напротив, выпростав свою хромую ногу, и уже внимательно препарирует глазами беленький, едва подрагивающий в его руке листик рукописи. Я не спускаю с его волосатого лица глаз. Немного странно видеть Семена таким сосредоточенным, даже веко его сегодня, так сказать, не прихрамывает. И вот еще что: я не чувствую запаха навоза, которым всегда так и прет от него, и это тоже кажется странным. Только борода его привычно тлеет, когда он, соснув трубку, медленно выпускает дым, наполняя комнату прекрасно-синими живыми вуалями. Благо, нет Настеньки, а то бы мне досталось. Если такая тишина будет продолжаться и далее, я решительно сойду с ума. Отсутствие верной возможности ускорить чтение

(я помню содержание наизусть) принуждает меня, вытянув шею, заглянуть в текст: за чем остановка?

- Чушь какая...

Это как удар кулачищем, который откидывает меня на спинку, превращая тело в вялый оползень.

- Ты когда-нибудь спал с женщиной?

Семен задает этот дурацкий вопрос, не отрывая глаз от текста.

- Ты вообще представляешь себе... Ха-ха-ха-ха-ха...

Впервые я слышу его искренний веселый раскатистый смех. Я его рассмешил! Что же привело его в восторг? По правде сказать, я не ожидал от Семена нескрываемой неприязни и все же готов терпеть его роскошествующее уничижение. А между тем, существует понятие о достоинстве, которому я еще вовсе не чужд, и с наслаждением дам отпор...

- Ладно, - как-то мирно произносит Семен, - это долгий разговор, утром поговорим.

Он смотрит на меня, и вдруг лицо его расплывается в удивительно доброй, просто обворожительной улыбке.

- Андрей, все в порядке, - он тянется ко мне и дружески хлопает по плечу, - все прекрасно... Я так устал...

Он встает и идет к Илье.

Я заглядываю к ним через несколько минут в нашу спаленку, ничего ли не нужно и... О, Господи!.. Семен спит с моей Настенькой, спит в обнимочку, ее милая головка у него на плече, его густые волосы заботливо укутали ее шею, грудь... Что же это?! Да как он смеет! В моем доме! С моей Настенькой! Я убью их! Ружье!.. Где ружье?!

Ружье висит у Семена на стене, в его замке, но у меня есть его палка, увесистая дубинка, которая и позволит мне совершить... Вот же она! Я беру ее в руки, подхожу... Ах, как сладко они... Да это же не Настенька, это Илья. Примерещится же такое. Сон какой-то, какой-то дурацкий сон. Я тру глаза кулаком, тру и тру... Надо же. Я наконец открываю глаза: ах, ты мать честная, Боже праведный! Сколько же я спал? Я все еще сижу в кресле перед зудящим телевизором с мерцающим серым экраном, тишина, ночь... Который час?! В окнах серо-чернильный рассвет... Настенька спит? Злясь на меня, я знаю, она вернулась не дождавшись и, найдя меня совершенно пьяным, спящим в кресле, разделась донага, я знаю, швырнув свой белый брючный костюм в сердцах на пол, туфельки - в стенку, выдернув сережки из ушей... Все - к черту! И меня, и наряды. Все... Я знаю свою Настеньку. Я жажду искупить вину, я не достоин ее, я корю себя, бездушный, успокоенный боров, возжелавший стать каким-то писателем...

Я возьму ее сонненькую. Ей это нравится, я знаю. Ну и сон же мне снился.

И надо же такому случиться, что этот писательский бес вселился в меня, я просто рехнулся, помешался на своем Семене. Я не дарю Настеньке ежедневных подарков, не провозглашаю своих восхищений, не ношу на руках, как прежде... А ведь это могут делать другие. Другие это уже делают. На моих глазах! Я встаю и, как есть, в одних только белых носках, стащив с себя и белые брюки, и белые трусики, и сорочку, выключив свет, шуршу по паркету в нашу спаленку. Какая ранняя синь за окнами. Как же я мог проспать! Злые обрывки кошмарного сна все еще бередят бурыми размытыми пятнами мой мозг. Не сойти бы с ума... Дай им только волю, и дурные вести воспоминаний тут же одолеют тебя. Вон, бесы подсознания! Не дай мне Бог увидеть еще раз в нашей спаленке Семена со своим Ильей... Я снова тру глаза кулаком. Зачем? Я не верю в привидения, в чертей и всяких там ведьм, леших... Какие могут быть домовые в наше ученое время? Белые носки я тоже снимаю. И приотворяю дверь. С этой стороны дома света больше. Сквозь открытое окно я вижу розовый жар озаренного юным солнцем неба, молодой день торжественно повергает в прах дряхлую ночь...

Настенька...

Моя Настенька сладко спит, даже дыхания не слышно. Я просто млею, истаиваю весь от желания искупить свой грубый тяжкий грех беспечности. Вот я уже вижу ее обнаженное плечико... Она укрылась простынью с головой, и только ее милое плечико...

Ах, это вовсе не плечо, а лишь складка простыни, высвеченная ранним светом. А плечо... А плечико укрыто... Оно спрятано от моих глаз... Да его просто нет. Нет... Настеньки нет...

Осознание этой величественной простоты придет через секунду. А пока я все еще нахожусь в полном недоумении от отсутствия сладкого плеча Настеньки: как же так? И уже через секунду я признаю этот вероломный факт - нет Настеньки... Бедные мои белые ноги, они не держат меня. Пальцами я нашариваю ниточку торшера и дергаю ее. Настеньки нет. Я бросаюсь в раннюю розовую постель, все еще не веря своим глазам. Она холодна и пуста... О, горе! Может быть, Настенька в кухне? Голый, я лечу в кухню - пустота. Ни Семена, ни Настеньки... Хлеб на столе, открытая бутылка пива, мойва в тарелке... Настенька в ванной?! Я еще лелею надежду... Затем включаю свет и надеваю трусы. Теперь нужно найти носки... Я уже предвижу все скверности, какие несет мне этот розовый свет смелого утра. Я не знаю, что собираюсь предпринять. Где мне искать свою Настеньку? Нет нужды говорить, насколько я раздосадован происшедшим, мне хочется умереть, жизнь мне в тягость, жизнь ранним праздничным утром у нашей холодной постели кажется мне неуместной. Позвонить в милицию? Или в морг? От этой мысли подкашиваются ноги. Накинув сорочку и натянув брюки, я выскакиваю из дома. Уже светло, но все еще спит. Вокруг ясная, светлая утренняя ширь. Радостное возбуждение наполняет меня, но мысли о Настеньке тут же омрачают душу. Что с ней?.. Только бы она была жива. Я стою в нерешительности на гранитном крылечке: куда теперь? Нужно что-то делать, куда-то бежать. Но куда? Я делаю первый шаг в неизвестность, иду крадучись, я не знаю, что мне делать с моим большим вялым, рыхлым телом среди такого восторженного торжества пробуждающейся жизни. Я живу в разладе с миром. И чтобы не погибнуть, мне так необходима Настенька...

Вдруг - скрип. Я замираю. Прислушиваюсь: что это? Где это? Скрип доносится из беседки, скрытой в виноградной лозе. Мне страшно? Нисколечко. Я подкрадываюсь тихо, не дыша. Мой страх, что я выдам себя, поскользнувшись на камешке или наступив на ветку, - страх слепого, который идет без своей ощупывающей дорогу палочки.

“Скрип-скрип...”

В просвете между листьями винограда я вижу... Что такое? Лаковые белые мужские туфли, прикрытые сверху двумя гармошками белых штанин, из которых торчат бронзовые волосатые крепкие ноги... В беседке устроили туалет? Я приподнимаю виноградный лист и теперь вижу чью-то широкую

спину, черный пиджак и просто крошечную головку, стриженый затылок над воротом пиджака. Да это же затылок Настеньки, это ее маленькая головка... Чужой пиджак на ее плечах, а ноги ее, стройные, длинные, ровные ее ноги (о, Матерь Божья!) торчат в стороны-вверх от ушей этого наглеца. Это уже не сон, это явная явь. Мне не нужно рассказывать, чем они занимаются, я закрываю глаза... Это - конец, край.

"Скрип - скрип..."

Нужно взять себя в руки. Это моя вина, и нечего винить Настеньку. Глупо устраивать сцены ревности, читать трагические монологи, совершать погребальные песнопения. Нужно собирать вещи. Чутье не обманывало меня, мне всегда казалось... Ах ты, Боже мой... Но как же я буду жить дальше? Без Настеньки... Ведь ради нее я готов... Я и живу только ради нее, пишу свой дурацкий роман...

Я иду в дом, валюсь в кресло, беру бутылку... Но что если это не Настенька? Вдруг показалось? Что если глупая ревность замутила мой взор, и все это только фантазии воображения?Да я никогда не поверю, чтобы моя Настенька... Никогда! Теперь я терзаюсь предательской мыслью: как мне могло прийти в голову, что Настенька способна на измену? Разве я потерял веру в нее? Но я же своими глазами видел... Или все-таки почудилось?

Или все это примерещилось, а моя Настенька лежит сейчас в реанимационном отделении и ждет от меня помощи... Я бросаю бутылку на пол, хватаю зачем-то сумку... Через секунду я уже на крылечке.

- Привет, Андрей. Ты куда в такую рань?

Они идут вдвоем по белым плиткам тротуара, верхушки сосен уже озарены первыми лучами солнца, море в дымке...

- А мы сидели на берегу... Жаль, что ты не видел восхода. Это удивительное зрелище... Познакомься, это - Антон.

Его пиджак по-прежнему у нее на плечах. Но, может быть, то был не его пиджак? И идут они не со стороны беседки...

- Андрей, - я подаю ему руку. Он улыбается и крепко жмет только кончики моих пальцев.

- У вас прекрасная жена...

Я это и сам знаю. Я смотрю на нее, выискивая хоть какую-то ничтожненькую черточку предательства... Нет. Я ведь знаю этот тихий, нежный, ласковый взгляд, искренний взгляд, она улыбается, и глаза ее еще больше яснеют.

- Антон пригласил меня покататься на яхте, ты отпустишь?

- Конечно. Пожалуйста.

Может быть, и вправду, они сидели на берегу?

- Спасибо за прекрасную ночь, - говорит Антон, целуя Настеньке руку, и, повернувшись затем ко мне лицом, добавляет:

- Приятно было познакомиться.

Когда он уже идет по тротуару, я смотрю на его широкую спину, на этот злополучный пиджак... Нет, это совсем другой пиджак.

- Приходите же, - повернувшись, произносит Антон, - обязательно приходите. - И, помахав нам рукой, скрывается за кустом лавра.

- Ах, - восклицает Настенька, - как хорошо... Правда, Андрей?

Приняв душ, выпив рюмку вина и выкурив сигарету, Настенька засыпает, а я иду в беседку, сажусь на скамейку и раскачиваюсь. Зачем? Чтобы непременно услышать это ненавистное "скрип-скрип..."?

Первая неделя празднично-праздного безделья сгорает, как сполох зарницы. В памяти остается лишь багряный отсвет, радостный блик улизнувшего счастья. Кажется, что мы вот-вот ухватим его, зацепим прочно, но оно, как вьюнок, ускользает из наших рук. День сверкнет яркой молнией, и уже ночь, и хочется, чтобы день длился вечно, а ночь не кончалась...

Вчера Настенька была в море со своим Антоном, а я, пользуясь ее отсутствием, написал-таки свои девять страниц. Сейчас Настенька еще сладко спит, а я добываю из-под подушки тепленькие странички, чтобы еще раз перечитать. Нужны очки. Уже прошуршали дворники, вот-вот брызнут первые лучи. Через открытое окно с моря доносится шорох прибрежной гальки, ласкаемой накатами волн. Все мною написанное - чистой воды выдумка: Семен - потомственный дворянин. Граф. Или князь? Может быть, он какой-нибудь революционер? Или его потомок? Я все время примеряю ему какую-то роль. Возвратившийся эмигрант, диссидент? Я примеряю ему титул и звания, профессии и даже прозвища: Хромой. Или Синяя Борода. И это не слепая случайность. Сидит в нем какой-то бес, которого я не могу вытащить наружу и как следует рассмотреть. А чутья моего не вполне хватает, чтобы разукрасить этот образ яркими красками, изваять, так сказать, гармоничную личность. Чего-то недостает. Чего? Ясно одно: передо мной выродок. Гений или ублюдок? Если бы на это я мог ответить. И вот что еще не дает мне покоя: "Ты спал когда-нибудь с женщиной?" Этот вопрос Семена, заданный мне во сне, звонкой занозой застрял в моем мозгу. Почему Настенька убегает к Антону? Разве ей скучно со мной? Лишь однажды она намекнула на разницу в возрасте. Это было так больно. "Знаешь, Андрей, ты никакой не писатель..."

Она разочаровалась во мне, разочаровалась в самом главном для меня деле - сделать ее счастливой. Этот острый нож, наверное, всегда будет теперь в моем сердце. А я ведь старался осыпать ее ласками, лелеять и нежить, я так люблю ее... Чего ей недостает?

Я ловлю себя на том, что сквозь очки давно уже рассматриваю свою Настеньку, ее греческий носик, спящие веки, маленькое ушко с маленькой родинкой на мочке... А вот и ее хрупкое плечико, которое я так долго искал во сне... Чего ей недостает?

После завтрака я читаю Настеньке о Семене, она внимательно и, кажется, с интересом слушает, молчит какое-то время, затем спрашивает:

- Мы едем вечером в Ялту?

- А как же наш теннис?

К ракеткам мы еще не прикасались.

- Ты можешь заняться бегом или поиграть с кем-нибудь...

- Но ты же сама не поедешь? Крымские дороги с их бешеными поворотами и спусками...

- Мы с Антоном...

Мы лежим совсем рядышком, как всегда после завтрака обсуждая программу сегодняшнего дня, и, чтобы видеть ее глаза, мне приходится приподняться на локте.

- Если ты не против, мы с Антоном...

- Настенька...

Я понимаю, что теннис ее интересует меньше, чем Антон, а мой рассказ о Семене она и вовсе пропусти-

ла мимо ушей. Сделать обиженный вид, чтобы испортить Настеньке настроение? Пропадет день.

- Настенька, - снова произношу я, - ты у меня такое чудо...

Я целую ее, целую ее закрытые глаза, ушко, а руками шарю в поисках узелка пояса...

- Какой ты тяжелый...

Это я молча проглатываю, добиваясь своего, и когда, кажется, вот-вот достигну блаженной вершины, слышу вдруг:

- Давай сядем... Мне очень нравится...

- Как, - спрашиваю я, - сядем?..

Настенька, ничуточки не смутившись, сама берется за дело, усаживает меня поудобней...

- Держи же, - злится она, - держи меня...

Что такое она творит?

- Какой ты неуклюжий...

Полчаса спустя я соглашаюсь:

- Езжай со своим Антоном.

- Ах, Андрей, ты у меня такая прелесть.

Ради такого признания идешь на все.

Пока Настенька собирается, мой Семен томится в одиночестве. Сиротливо ютится на краешке стола в ожидании будущего. Какого будущего?

Иногда я тихо терзаю Настеньку:

- А ты могла бы полюбить хромого?

- Нет...

Она даже останавливается на полпути к зеркалу: с чего бы ей вдруг любить хромых, кривых?.. Настенька злится: мир полон здоровых, красивых, сильных... К тому же я уже спрашивал ее об этом.

- И, Андрей, давай договоримся... Ты ведь знаешь мое отношение к роману... Хочешь - я поговорю с Антоном? Он может устроить...

Теперь Настенька, накладывая тушь на ресницы, поучает меня.

- Жить нужно сегодня, - говорит она, - сейчас, понимаешь?.. Дай мне, пожалуйста, салфетку.

Я даю. Она смотрит на меня, освещенного солнцем, и вдруг встает.

- Ну-ка... Дай сюда ухо...

Я не понимаю ее: как мне выполнить эту просьбу?

- Андрей! - моя Настенька вдруг звонко смеется. - Да у тебя...

Она просто умирает от смеха, таращит на меня глаза, чтобы слезы не попали на ресницы.

- Какие у тебя волосатые уши... Вот так да! Давай я тебя почищу...

Я же не конь. Я напускаю на себя обиженный вид.

- Да ладно тебе...

Когда они уезжают с Антоном, меня совершенно не заботит тот факт, что я не дал ей ни копейки денег, меня волнует лишь то, что Настенька все еще не научилась хорошо водить автомобиль. Лучше бы за руль сел Антон. Весь вечер я мучаюсь: не случилось бы чего. Затем все-таки беру в руки рукопись. Кто ты, Семен? Может быть, и вправду, открыть частную клинику?

Семен - князь. Или все-таки граф? Придворный или дворянин? "Илья, приготовь-ка мне ружье". - "Да, барин..." Барин или барон?

"Не многие из моих современников, - пишу я, - обладают таким красивым, приветливым и открытым для всех загородным домом: поистине, Версаль на берегу озера... В большом, просторном, тенистом княжеском парке гостей приводят в восторг всевозможные затеи в стиле рококо, аллеи с античными статуями, чудный вольер с заморскими птицами и животными, прекрасный бассейн с удивительно прозрачной изумрудной водой, зеленый театр..."

Часам к девяти вечера я откладываю рукопись и иду на кухню. Прекрасно, что холодильник забит продуктами. Я не привык отягощать свой мозг мыслями о еде. Отказывать себе в одном из приятнейших наслаждений? Но чего ради? Ем я с удовольствием, а пиво - это моя слабость. Не может быть, чтобы не завалялась ну хоть одна мойвочка...

Этот маленький уютный домик мы снимаем уже не первый год, и каждый раз рады встрече с ним: терем для двоих. Спаленка с видом на море, кухня с низеньким плетеным абажуром над столом, гостиная без гостей...

Прежде никогда не было такого, чтобы Настенька оставляла меня одного, а вот в этом году... Что-то случилось?

Я жарю яичницу с ветчиной.

Есть сухое вино! Легкий столик скользит по паркету, я включаю телевизор и усаживаюсь в кресло. На сегодня Семена я отправляю в отставку... Никакой он не актер. Не граф, не князь, не барон... И все-таки я подарю ему женщину. Роман без женщины - не роман. Я назову ее Сарой. Или Суламифь? Адам и Ева, Цезарь и Клеопатра, Филемон и Бавкида... Я назову ее... Пока я оставлю ее без имени.

Теленовости тоже не радуют: мир полон злости, мести, страстей... Тюрьмы переполнены, жгут наркотики... В Австралии - теннис.

Около полуночи раздается звонок. Дверь открыта. Мне лень выбираться из кресла, чтобы пойти навстречу Настеньке, но звонят через каждую секунду. Какого черта! Требуется надавить ручку и толкнуть дверь. Что-то случилось? Отчего такая тревожная настойчивость в такой час? Я открываю глаза и только теперь понимаю, что звонит телефон. Приходится взять трубку.

- Андрей, - слышу я возмущенный голос Настеньки, - ты снова спишь? Я звоню уже третий раз.

- Прости, Настенька...

- Андрей, что-то случилось с карбюратором, мы не можем приехать.

- Я и вправду вздремнул...

- Ты слышишь меня?

- Я слушаю, Настенька.

- Твой карбюратор...

Ах, эта вечная история! Сколько раз он меня подводил.

- Там нужно прочистить...

- Послушай меня, мы приедем завтра, ты не волнуйся...

- Сначала нужно отвернуть...

- Ты понял меня? Ты поел?

- Да.

- Ты не волнуйся, ладно?

- Ладно...

Какое-то время я все еще слушаю короткие гудки, затем возвращаюсь в кухню. Два-три глотка холодного пива выводят меня из спячки, я, наконец, просыпаюсь. С этим карбюратором нужно что-то делать. Утром, едва проснувшись, я готовлю завтрак. Настенька с Антоном вот-вот нагрянут.

Долго же я спал! Да, гренки! Настенька просто обожает гренки на сливочном масле. Настенька любит их свежие, горяченькие, сверкающие капельками жира. У меня все готово. Я жду, скоро десять. К половине двенадцатого я съедаю кашу и пью уже третью чашку

кофе. Ожидая, я не могу работать, поэтому не беспокою Семена. Мне хочется с кем-то поговорить, переброситься словцом. Позвонить кому-нибудь? Но кому? Звонок раздается около двух, и Настенька радостно сообщает, что карбюратор в порядке. Они уже выезжают.

- Мы будем через час-полтора.

- Я очень волнуюсь...

- Все в порядке, Андрей, целую...

Я успею еще сбегать за молоком. Быстренько одеваюсь и, чтобы сократить путь, лезу через дыру в заборе. Теперь преодолеть скверик, вот и тихая улочка... Этот короткий путь знаю только я. Настенька терпеть не может закоулков, заборных дыр... Ей нравится жизнь на виду. Чудесный день! Теперь налево... Я чуть было не натыкаюсь на чей-то автомобиль, стоящий прямо на тротуаре. Мало им стоянок. За такое самовольство нужно... Я зачем-то оглядываюсь, чтобы запомнить номер машины, повторяю его для себя и спешу дальше... Стоп! Я оглядываюсь и вижу номер своей машины.

Машина тоже моя. Что такое?.. Очки! Мои очки! Я протираю стекла, затем глаза, надеваю очки: машина моя. Чудеса! На чем же Настенька уехала со своим Антоном? Не поплыли же они в Ялту на яхте? Настенька врет мне? Но, может быть, они уехали на машине Антона? На другой стороне улицы я выбираю скамейку в разлапистых ветвях платана и усаживаюсь так, чтобы видеть машину. Что я замышляю - шпионить? Но это не в моих правилах. Не в моих правилах глазеть в замочные скважины, подслушивать у приоткрытой двери... Сижу, жду... Можно закурить. К черту молоко, к черту мысли о Семене и его женщинах.

Они появляются ровно через час. Веселые, молодые, счастливые, я завидую им, они идут чуть ли не в обнимочку, чуть ли не целуясь. Многие останавливаются и любуются ими: ах, какая пара! Я тоже любуюсь! Они садятся в машину и, не копаясь в карбюраторе, тут же заводят двигатель, лихо разворачиваются и уезжают. Я встаю, курю, думаю. Куда теперь?

Когда я подхожу к нашему теремку, машина стоит у крылечка, дверь настежь, слышна только музыка. Я вхожу...

- Андрей! Где ты был? Я уже давно дома...

Она бросается мне на шею, и я чувствую, как ее тельце, мое любимое тельце тает, просто плавится, обволакивая меня нежной истомой.

- Я так люблю тебя, Андрей...

Через минуту она уже у зеркала.

- В Ялту мы добрались хорошо...

Настенька примеряет новые клипсы. Она игриво откидывает свои короткие волосы, обнажая ушко, наклоняет головку, улыбается...

- Тебе нравится, Андрей?

- Очень...

- Мне Антон подарил. Мы зашли в магазин...

Я ведь ни о чем не спрашиваю.

- А вечером этот карбюратор... Мне кажется нам нужно купить новую машину. Антон может помочь, он сам предложил...

Мне хочется спросить, где они ночевали.

- Я познакомилась с каким-то немцем...

Прежде Настенька никогда передо мной не отчитывалась. Да у нас это и не принято. Зачем мне подробности? Но я не прерываю ее.

- Мы ночевали в гостинице. В “Ялте”.

Антон спал на диване... Великолепный номер! Знаешь, там такие обои, а свет, кажется, исходит из какой-то пещеры, просто прелесть... Антон спал на диване...

Она повторяет это дважды. Зачем? Я ведь ни о чем не спрашиваю. Я и сам могу догадаться, что Антон спал не на полу. После обеда мы никуда не идем. Хочется повалятся в прохладе постели, полистать журнал, отбросив дурные мысли, подозрения, догадки. Просто полежать рядом с Настенькой. Мы снова вместе, вдвоем, к чему подозрения?

- Занавесь, пожалуйста, окна, - просит Настенька.

Я задергиваю шторы, и наша спаленка наполняется теперь розовым светом. Рай для двоих. Все мои нежные попытки забраться к Настеньке под простыню заканчиваются полным поражением. Простыня - как броня. Я мог бы разорвать ее двумя пальчиками, но Настенька свила из нее непроницаемый кокон.

- Давай поспим, Андрей, я устала...

Не брать же ее силой.

Как только я прекращаю осаду, Настенька тут же успокаивается и засыпает. Ах, как она сладко дышит. Намаялась, бедняга, с этим Антоном, с этим карбюратором... Я лежу, не смея шевельнуться, боюсь перевернуть страницу, гляжу в потолок. О чем я думаю?

Могли они доехать сюда из Ялты за час или нет? Может быть, они звонили из Алупки? Или из Симеиза? Я ведь не уточнял.

Пребывать в коконе даже во сне моя Настенька не собирается. Свободолюбивая, она стремится на волю, и в попытке стать бабочкой сначала скорлупу проклевывает ее носик. Затем появляется личико. Какой долгий, веселый, свободный вдох. Теперь полный выдох. Словно какая-то гора свалилась с ее хрупких плеч. Не моя ли вина в том, что Настеньку что-то тревожит? Даже во сне. Моя бабочка снова притихла, набирается сил. Теперь решительное движение ножкой, и разрушено основание кокона. На свет появляются перламутровые ноготки, пальчики, лодыжка... Наконец, ляжечка и атласное коленце... Теперь очередь головы. Руки помогают ей. Пальчики с перламутровыми ноготками терзают броню, обнажая подбородок, и вот появляется на свет удавка, этот платок, перехватывающий горло. Я вижу, как он стягивает кожу, вижу узел на шее моей Настеньки. Нежные разводы пестрых красок, кажущиеся неземными в розовом свете штор. Шея тоже кажется фиолетовой, взялась серыми пятнами... Тихонечко, чтобы не потревожить Настенькин сон, я беру уголок платочка и легонько тяну на себя - прочь! Поди прочь, подлая удавка! Глубоко вздохнув, Настенька переворачивается на животик, и теперь вся ее прелестная спина и белые холмы ягодиц, кажущиеся розовыми, открываются моему взору. Богиня! Как сладко она спит!

- Ах...ах... - слышу я сладкий стон, - ах, Антон...

Она переворачивается на спину. Целый час я любуюсь Настенькой, затем шуршу газетой и встаю, чтобы приоткрыть шторы. Солнце уже заметно упало, его лучи, отражаясь в зеркале, нежно ласкают сонное тело Настеньки. Я подхожу...

- Настенька...

- Ах... - она открывает глаза, улыбается мне и снова переворачивается на живот, - ах, Андрей...

Теперь я ясно вижу ее нежно-розовые, едва тронутые загаром, упругие ягодицы. Не снежно-белые, какие я всегда привык видеть, а нежно-алые, словно пылающие от стыда. Она загорала без купальника? Где, когда, с кем? И сколько еще вопросов роится в моем мозгу, на которые я не в состоянии ответить...

Купаясь в золотых лучах вечернего солнца, Настенька сладко потягивается, прогибаясь в спине, вытягиваясь во всю длину своего стройного тельца, и снова переворачивается на спину.

- Ах, Андрей, - снова произносит она и тянет руки ко мне, - иди сюда...

И теперь я отчетливо вижу ее шею, усеянную предательскими синячками. "Что это?" - хочу спросить я, наклоняюсь и ни о чем не спрашиваю, только целую эти синячки.

- Сварить кофе?

- Ах, - вскрикивает она, - мой платок!

Осень - как итоговая черта. Именно осень, а не декабрь, как принято считать. После зимних стуж и душевной спячки, с приходом весны нам дается еще один шанс, мы строим планы: вот уж этим летом... Приходит осень, и мы считаем своих цыплят... Я бесконечно нежно люблю первые дни осени, еще не золотисто-багряной, а только с первыми вкраплениями желтой печали, еще жаркое солнце и уже освежающую прохладу вечеров...

Дачные домики кажутся сказочными теремами среди зелени садов, синее высокое небо, свист ветра, шуршание шин... Я еду к Семену. Прекрасное настроение, думать ни о чем не хочется. Я не видел его три недели. Не звонил, не искал в кафе. Я был занят своей Настенькой, и когда осень призвала ее к повседневным делам, у меня выдалась свободная минутка... Как встретит меня Семен?

Перед отъездом к морю мы расстались недоверчиво-сухо, что-то недосказав друг другу, и вот я тороплюсь, словно хочу оправдаться. Только в чем? Я, помню, не захотел принять его наставлений насчет писательских хитростей. Так что ж. Я волен сам выбирать себе наставников. Я не обидел его, а уж тем паче не оскорбил, и никакой особой вины за собой не чувствую. Все эти дни я, конечно, помнил о нем. Иногда казалось, что мне приоткрылась его истинная природа. Я видел Семена так ясно, словно у меня упала повязка с глаз. Но приходил на ум какой-то невзрачный эпизод, и образ Семена рушился, как карточный домик. Честно говоря, меня шибко разбирает любопытство: что, если он и в самом деле какой-то там отпрыск голубых кровей, вообразивший себя непризнанным гением и ставший отшельником, не пожелавшим жить в стаде? Жить в стойле ему тоже невмоготу. И вот мне представился случай открыть миру... Не сомневаюсь, что у него есть яркое прошлое, о котором он молчит. Он прячет его от меня, оно настойчиво просится на свет. Задача моя, как я полагаю, в том и состоит, чтобы высвободить это прошлое из темницы. Но ключик от сундука нельзя срывать с его широкой груди, он должен добровольно отдать его в мои руки. Что касается Настеньки, то Семен ведь...

Вот и знакомый поворот. Давно же я здесь не был. Обочина дороги заросла блеклой полынью, голубой указатель с белыми буквами "Лопухино". Новый мосток через овраг...

Зря я не предупредил о своем приезде - приеду, а его нет. Я расскажу ему свой сон - он умрет со смеху. У меня не было возможности слышать его раскатистый смех наяву, он расхохотался во сне. Так ли я смешон, как ему показалось? "Ты когда-нибудь спал с женщиной?" - это, конечно, крутое обвинение в мой адрес, но повод ли это для насмешек? Я уже не первый раз ловлю себя на том, что думаю, как дать отпор его высокомерию, его насмешкам, хотя понимаю, что ничего этого не было. И его живой образ явно дополняется моим воображением. Искать удовлетворение в победах над собственным вымыслом? Но ведь это борьба с ветряными мельницами...

Снова указатель: "Лопухино". А где же одинокая липа?

С необузданным нетерпением я жажду встречи с Семеном и вот уже припарковываю автомобиль в тени раскидистого дуба.

- Барин на выезде, - сообщает мне краснощекий Илья, когда я подхожу к нему, сидящему на солнышке у плетеной корзины с луком.

- Где барин, - спрашиваю я, не совсем понимая, что значит "на выезде", - как ты сказал?

Какое-то время Илья продолжает методично сплетать луковицы в золотистую косу, словно не слыша моего вопроса. Затем встает, его русые волосы нежным шелком стекают на плечи, он поворачивает ко мне свое красивое с белой кожей лицо, синие глаза прищурены в великодушной снисходительной ухмылке, он окидывает меня взглядом, как коня, словно собираясь купить.

- Ты мне можешь ответить? - напираю я и, сам не зная почему, делаю шаг назад.

- Впредь, - произносит Илья вдруг изменившимся суровым густым басом, - никогда не говорите мне "ты".

Ухмылка сходит с его лица, на нем теперь маска спокойного равнодушия, и только глаза еще выжидательно сверлят меня: что я отвечу? А мне нечего сказать, для меня ясно, что Илья не такой уж простачок-простофиля, каким я его себе представлял. И никакой он не полоумный, каким его пытался представить Семен. Кто же он? Вот еще одна загадка из жизни Семена. Пауза затягивается, и каким-то шестым чувством я ощущаю сзади... Жуткий холодок пробегает по моей спине, вдруг немеют ноги... Кажется, что вот-вот меня схватят за шею. Я боюсь повернуть голову, взглядом прошу прощения у Ильи, прошу пощады.

- Ко мне, Цезарь!

Илья приходит мне на помощь. Цезарь является из-за моей спины, как привидение, обнюхивает штанину, фыркнув, идет к Илье и садится у ног. Я, конечно, малость струхнул, но виду не подаю.

- Барин будет к обеду, - потеплевшим голосом произносит Илья, - можете подождать. Он садится на табурет и снова принимается плести косу, а я не знаю, что предпринять, и добываю носовой платок, чтобы вытереть лысину. И все еще не отвожу взгляд от Цезаря.

- Ааа...

- Можете поехать к нему, хотя он этого и не любит.

Затем Илья рассказывает, как мне найти Семена. Можно идти пешком через лес, это займет больше часа, а можно добраться и на машине, хотя барин, подчеркивает еще раз Илья, этого не любит.

- Он дважды вспоминал о вас, я вам звонил, но дома не застал.

- Вы можете назвать фамилию барина?

Илья раздумывает. Недоверчиво смотрит на меня и, вероятно, все взвесив, произносит:

- Лопухин. Разве вы не знаете?

Илья удивлен этим фактом, и это удивление звучит, как укор. Не знаю почему, я чувствую себя виноватым, а синие глаза все еще немо вопрошают: "Как же так!"

Расспрашивать Илью, выведывать у него еще какие-то сведения о Семене я не решаюсь. Да и он принимается за свои луковицы, всем своим видом давая понять, что разговор окончен. А я довольствуюсь тем, что задаю себе новый вопрос: случайность ли то, что Семен Лопухин живет в поселке под названием Лопухино?

Узкая асфальтовая лента петляет среди высоких сосен, ехать приходится медленно, то и дело круто вращая баранку то влево, то вправо. Иногда доходит почти до полной остановки - такие крутые повороты. Тут не очень-то разгонишься. Видимо, при кладке асфальта старались как можно меньше спилить сосен, высокие кроны которых, касаясь друг друга, образуют невесомую зеленую крышу. Я не могу не остановить машину и не выйти. Картина сказочная. И как весело и глубоко дышится! Кое-где солнечные лучи проникают сквозь дыры крыши, пронизывая этот звонкий, прохладный, голубоватый воздух. Эти северные сияньица обнаруживаются и слева, и справа... Оставив машину, я иду в глубь леса, ступая по мягкой подстилке из опавших сосновых веток, затем останавливаюсь и слушаю: только птицы слышны. Сколько же здесь тишины! Как много невостребованной красоты! Просто удивительно, как одурманила человека урбанизация.

Ни ветерка...

Как жаль, что нет рядом Настеньки.

Когда поворачиваешь голову в сторону дороги и видишь какую-то красную жестянку о четырех колесах, угрюмо глазеющую на тебя своими стеклянными глазками, хочется крикнуть: “Зачем ты здесь?!” И сказочное впечатление тут же рушится вторжением этого выкидыша цивилизации, посягнувшего своей выхлопной трубой на хрупкую девственную прозрачность воздуха.

Я не кричу. Из меня вырывается только подобие стона. Веками этот лес был светел и свеж, и вот проложили асфальт... Сигарету, которую я все еще разминаю пальцами, я так и не прикуриваю: надругаться над нежной чуткостью и такой прозрачной чистотой этого лесного воздуха даже струйкой дыма - злое святотатство.

Еще минут пять приходится петлять между соснами, и вот передо мною открывается лесная поляна. Я выключаю двигатель и еще какое-то время неслышно качусь по инерции вниз, где видны срубленные из дерева постройки. Асфальт заканчивается небольшой площадкой, я останавливаюсь. Какая ясная ширь! Какая мирная, сочная, сильная, выпестованная смелым солнцем лесная зелень! Будто не было этой изматывающей летней жары. Деревья на опушке, дубы, березы, остролистые клены еще торжествуют своей буйной листвой, к ним не прикоснулась еще желтая десница осени, и их светлые лица еще не омрачены мыслями о предстоящей зиме. А там, вдали, - просто ярко-зеленая стена, как огромная застывшая в бешеном беге волна цунами. Кажется, вот-вот ее оцепенение схлынет, и она грянет всей своей мощью, и вмиг затопит ясную солнечную поляну, сметая на своем пути эти рубленые домики и меня, и мой автомобиль...

Где же Семен?

Я прислушиваюсь: щебет птиц и ни шороха больше, ни звука. Я испытываю какое-то таинственное впечатление величественной двойственности. Я вижу, как здесь царствует могучая тихая сила жизни, и тут же, рядом, воцарено какое-то жуткое молчание кладбища.

Может быть, это и есть островок того земного рая, который так ищут отчаявшиеся люди? И Семен поселился в этом раю? Где же он сам?

Я иду по кирпичной кладке, заросшей с обеих сторон подорожником, и какая-то незваная робость охватывает меня: что если Илья взял и надул меня, как какого-то простачка? Чтобы позабавиться. В глазах его так и играла бесовская насмешка: мол, езжай, прокатись, поостынь, поубавь свой писательский гонор.

- Э-гей!.. - это я робко разрушаю оцепеневшую тишину. Я жду какого-то подвоха со стороны этой зловещей тишины и, вероятно, поэтому осторожничаю. Чужой монастырь, как известно, дело не шуточное. Уверенность вселяется в меня, как только удается учуять запах... О, радость! Я чую запах навоза. Так пахнет Семен. Всякие сомнения оставляют меня, и я смело взлетаю по деревянным ступенькам на крылечко. Тук-тук... Тишина. Я дергаю ручку, дверь поддается.

- Кто есть?

Тишина.

Изнутри веет прохладой и нежным ароматом. Я не вхожу. Вдруг, я думаю, это ловушка. Но кому может прийти в голову меня ловить? Скорее всего, в доме никого нет.

- Есть кто-нибудь? - смело ору я и приоткрываю дверь. Спрыгиваю с крылечка и направляюсь в сторону барака. И вот преследующий меня запах уже просто бьет в ноздри. Хочется фыркнуть, я чихаю. Деревянная стена - прекрасная работа, свежий тес, острые, блестящие срезы сучков... работа мастера. По всей видимости, это конюшня, совсем новая, хотя цоколь из валунов успел обрасти ярко-зеленым мхом. Какие красивые спилы бревен на углу! И эти спилы, и этот мох, срезы сучков и зеленая стена леса, трава и этот запах, эта ясная ширь поляны... Может быть, это и есть та красота, которой предрекалось спасать мир? Но этот мир и не требует спасения. Да и не от кого спасать - никто не угрожает войной.

Я осторожно выглядываю из-за угла и вижу Семена. Метрах в пяти от конюшни он сидит на лошади, гордо откинув свою большую черную голову назад, выпятив грудь, руки согнуты в локтях, прямая спина...

Кентавр!

Какое величественное единство: человек - конь - земля!

Словно жалкий фискал, выслеживающий свою жертву, я наблюдаю за Семеном из-за угла, любуясь им. Как нужна ему в жизни эта пегая грация! Я это почувствовал сразу, едва только увидел их, слитых воедино. Я видел, как он возрос с нею, ожил, как твердо чувствует землю под ногами. Ему не нужна никакая опора, и нет нужды прибегать к помощи какой-то деревяшки, вечного поводыря, что ни шаг требующего земную милостыню. Прочь, дешевая подпорка! А как свободен и стремителен полет рук, властвующий поводьями! Конь упрямится, но сладкой власти крепких рук вполне достаточно, чтобы укротить строптивого упрямца. Я вижу, как гордо гарцует конь, подчиняясь неуловимым движениям крепкого тела седока, как упрямо вскинута голова лошади, вздрагивает блестками вычесанная, льющаяся нежной седой россыпью грива, как напряжен крутой круп, увенчанный роскошным фонтаном пышного хвоста. Как прекрасен этот трепетный восторг воплощенной грации!

Я слышу недовольный голос Семена, властно-требовательный, жаждущий подчинения. Разве Семен та-

кой уж властолюбец? Конь и не думает сдаваться. Не тут-то было! Упорствует, фыркает, бьет копытом. У него тоже есть свой характер, он не какой-то там послушный раб. Может быть, конь чует меня и я являюсь причиной его беспокойства? Вот он снова косит свой большой лиловый глаз в мою сторону, а Семен поворачивает голову. Я обнаружен? Солнце слепит Семену глаза, он щурится и делает козырек из ладони. Я обнаружен. Распознав меня, Семен тотчас теряет ко мне всякий интерес, и ничего не остается, как выйти из укрытия.

- Здравствуйте, Семен.

Семен похлопывает коня по крупу.

- Какого черта! Что-нибудь нужно?

Он произносит это не повышая голоса, не поворачивая головы в мою сторону. Хорошо же меня встречают, думаю я, и подхожу ближе.

- Терпеть не могу шпионских штучек. Какого дьявола вы следите за мной, вынюхиваете, топчетесь за углом?..

Семен резко дергает поводья, и конь вздымается на дыбы.

- Тихо, Сатир, спокойно...

Страх одолевает меня: вот Семен даст сейчас волю поводьям, подхлестнет своего Сатира, что тогда? Я отступаю за угол и стою в нерешительности. Поза мокнущего под дождем. Какое яркое недружелюбие хозяина! Семен успокаивает коня, похлопывая его по шее, наклоняется и что-то шепчет Сатиру на ухо, нежно гладя морду, теребя ухо.

- Идите в дом, - негромко произносит он, не глядя на меня, - я скоро приду.

В дом я не иду, усаживаюсь на скамейку у стены и наблюдаю за Семеном, который все еще сидит, наклонившись вперед, и, кажется, уговаривает коня успокоиться. Затем, похлопывая по шее, легонько бьет голенищем сапога по боку, мол, вперед, и строптивый Сатир послушно идет. Сначала рысью, затем галопом по большому кругу. Бородатый Семен больше похож на цыгана, но впечатление это рассеивается, как только лошадь переходит на шаг. Понимаешь, что так сидеть в седле может только тот, кто учился верховой езде. На Семене зеленое галифе и белая косоворотка, так оттеняющая черную голову.

Ну что ж, я рад видеть Семена еще и в роли наездника. Где теперь увидишь такое - укрощение строптивого Сатира? За всю свою жизнь я ни разу не сидел в седле. И вряд ли уже взберусь на лошадь. Да и к чему мне это? Меня очень забавляет то, что Семен, как ребенок, напускает на себя важный вид, гордясь такой красивой, большой, сильной, живой игрушкой - пегим Сатиром. Эта гордость видна и во взгляде, и в том, как он держит голову, и в его понуканиях густым басом, и даже в проявлении недовольства.

Вообще мы только и занимаемся тем, что стараемся выставить напоказ свое превосходство, обладание какой-то редкостью, скажем, маркой, ружьем или фокстерьером. Мы просто больны, когда кто-то не завидует нам, и прилагаем всяческие усилия, чтобы преодолеть очередную ступеньку на лестнице успеха. Мы делаем деньги, чтобы приобрести что-то такое, такое... Нам нужно произвести впечатление, быть первым, вызывать восхищение и завистливые взгляды людей, которые нам совсем не симпатичны. Не симпатичны?! Да мы их просто презираем. Но как мы нуждаемся в этом презрении! Нам нужно быть гениями, наполеонами, вождями... Какое убожество! Ведь рано или поздно приходит прозрение, мы становимся мудрыми, щедрыми и всю зарплату тратим на цветы...

Но разве Семен такой уж честолюбец? Ведь это я приписываю ему свои качества. Не припоминаю случая, чтобы он позволил себе хоть раз обнаружить свое превосходство. Даже разного рода поучения насчет писательства не были для меня назидательными. Он скорее советовался, чем учил. Бог мой! Как он легко спрыгивает с коня. Какой же он хромой? Вот он сейчас возьмет Сатира под уздцы и пойдет крепким шагом...

Не пойдет! Хромые не ходят крепким шагом.

Почему я так рад этому? Я бесконечно счастлив, когда думаю, что он будет искать свою палку. Да вот же она стоит у плетня. А Семен стоит рядом с конем, будто не в силах с ним расстаться. О чем он думает? Я с жадным нетерпением жду этого первого шага.

Неужели не захромает, не припадет к земле, не станет ниже, сутулее? Неужто все это время он притворялся? Я даже затаил дыхание, жду. Ну иди же, иди!

И Семен делает этот первый шаг. Просто проваливается, будто ступил в яму.

Хромой!

Я так рад этому. Я ненавижу себя и бесконечно счастлив. Мои здоровые, толстые ноги - вот мой козырь. Это мое превосходство над Семеном. А есть ли еще? Наверняка есть, но я не даю себе труда отвечать на этот вопрос. Семен подходит и присаживается рядом.

- Что вас сюда привело?

Я мог бы ответить также недружелюбно. Не очень-то он гостеприимен. Мы не виделись около месяца, меня так тянуло к нему, он мне даже снился... И пора, так сказать, продолжить наш роман... Я мог бы ответить ему в том же тоне, но так разговора не получится. В отношениях между людьми, я это уже понял, очень важно ценить ясность, прежде всего ясность. Когда ее обретешь, нет нужды строить догадки, что-либо придумывать, хитрить, ерничать... Прозрачные отношения - это такая радость!

Как нам недостает их.

Мне приходит в голову, что мы с Семеном не вполне доверяем друг другу, и в этом его вина. И моя, конечно, оплошность в том, что он позволяет себе такое: “Что вас сюда привело?” Другими словами - какого черта приперся? Кажется совершенно невероятным, что этот сидящий рядом хромой, обшаривающий свои карманы в поисках спичек, чтобы прикурить сигарету, этот обросший чернокудрый цыган с дергающимся веком и грубым голосом мог настолько войти в мою жизнь. Вот он снова отталкивает меня, дает очередную пощечину, а я липну к нему как банный лист... Узнав это, Настенька огорчилась бы. Да и мне радоваться не приходится. Нечего здесь прохлаждаться, решаю я, и задаю свой вопрос:

- Лопухино - это ваше имение?

Спичек нет, я свои не предлагаю, и Семену приходится вернуть сигарету в пачку.

- В некотором роде, - недовольно бурчит он в ответ.

- Знаете, на море вы мне даже снились.

- С какой стати?..

Голос Семена звучит мягче, и я облегченно вздыхаю. Я заметил, что наши встречи всегда начинаются настороженно. Но трудно первые несколько минут. Затем атмосфера теплеет, и мы уже нуждаемся друг в друге, становимся друзьями. Правда, только какое-то время. Рано или поздно нам все же придется поставить точку, каждый из нас это понимает.

А пока эта злополучная точка не поставлена...

- Мы с Настенькой только что вернулись.

- Где же вы отдыхали? - спрашивает Семен и тянется рукой за травинкой, но не срывает ее, а только щелкает пальцем по зрелому колоску.

Я рассказываю, как прекрасно мы провели время на море, как нравилось Настеньке быть окруженной толпой поклонников, как я был счастлив при этом... Сидим мы довольно долго. Семен, мне кажется, излишне молчалив, но не грустен. Слушает с интересом и даже улыбается, когда я рассказываю какую-нибудь историю, например, историю с этим Антоном. Почему она кажется Семену смешной?

- Давайте-ка пообедаем, - неожиданно предлагает он, - хотите есть?

Мы и словом не обмолвились о романе. А ведь у меня есть чем похвастать. Я хоть и отдыхал с Настенькой, но за это время успел накропать две главы. Руки так и чешутся залезть во внутренний карман пиджака, достать сложенные листки - вот! Семен придет в восторг от прочитанного. Я попытался придать своей прозе ритм стиха. А самого Семена я, как мог, приукрасил. Правда, оставил хромым и волосатым, и даже с дергающимся веком... Мне бы добраться до его родословной. Откуда он, кто его предки, чем они знамениты? Я мог бы, конечно, и сам придумать, но зачем же сушить голову по этому поводу? К тому же, Семену есть, вероятно, о чем рассказать. Мне это очень интересно. Кто он на самом деле, Семен Лопухин? За конюшней обнаруживается еще одно строение - русская баня: высокие деревянные ступени, с обеих сторон которых, как стражники, огромные валуны. У стены бани - большая бадья, наполовину наполненная водой. Семен пристраивает палку к валуну, сдергивает с себя косоворотку и, бросив ее на камень, берет деревянный черпак.

- Слейте мне на руки...

И вот я, сняв пиджак и осторожничая, чтобы брызги не попали на брюки, на новые туфли, черпаю воду из бадьи и лью на Семена блестящей серебряной струйкой, а он, наклонившись вперед и удерживая равновесие на здоровой ноге, умывает лицо, шею, плечи, требуя воды еще и еще, фыркая и кряхтя от удовольствия. Какая у него широкая, могучая, волосатая спина! Как живо гуляют по ней бугры мышц, когда он машет руками, как крыльями, разметая фейерверки сверкающих на солнце брызг. Мне то и дело приходится отскакивать в сторону, чтобы не быть настигнутым этим неистовым холодным фонтаном сверкающих на солнце струй.

- Ааа!.. - так Семен выражает свой восторг.

Кожа у него смуглая, тугая, щедро поросшая черными волосами, особенно на плечах и над лопатками.- Толстокожий! - вот что приходит в голову при виде обнаженного Семена. Толстокожий с дьявольскими черными волосатыми крыльями. Бес! Над левой лопаткой - большое, как Африка, родимое пятно. И как щетка на нем - куст волос. Меченый...

“Аааа...” - эхо рычит по всей округе.

Наконец Семен выпрямляется, поворачивается ко мне лицом.

- Как это здорово, - улыбается он, - правда?

Я не могу оценить, так как меня не поливают водой. К тому же меня теперь привлекает большой шрам на его груди, голая блестящая полоска кожи, тянущаяся от шеи до левого соска. Ого! Что это? Я хочу спросить, откуда этот шрам, но не спрашиваю.

- Хотите освежиться? - Семен кивает на бадью с водой.

Нет уж, увольте.

Я прошу только полить и, пряча свои восхищенно-удивленные глаза в собственных ладонях, мою руки. Я и вправду восхищен телом Семена, этим могучим торсом, этой обезьяньей волосатостью, грубым шрамом над областью сердца. Откуда он у него? Кого он защищал собственной грудью, рискуя жизнью? Теперь я восхищен даже его хромотой. Где он охромел, как? Что пришлось ему испытать в жизни? Расспрашивать об этом я считаю верхом неприличия. Я и так насилую его своим вниманием.

Значит, ждать?

Я хотел бы взять на себя часть испытаний, которые достались ему. Семен не хочет делиться своим прошлым, но лезть к нему в душу... Теребить этот шрам, эту рану над сердцем?.. Кто дал мне право?

Значит, ждать.

Семен взбирается по ступенькам, заходит в баньку и тут же появляется на крылечке снова, бросает мне махровое полотенце. Я ловлю, а он обтирает себя белой простынью, усердно растирая грудь, затем берет в руки оба конца простыни и, забросив одну руку за голову, растирает спину. Я вижу его черную, заросшую густыми волосами подмышку. Гнездо для гадюки. Или для жаворонка? Ну и волосатый! Этим Бог не обделил Семена. А чем обделил? И считает ли он себя обойденным Богом? Когда он вот так стоит передо мною красный, как крепко сваренный рак, мне не кажется, что всевышний забыл своего раба: могучий торс, крепкие руки, блестящие глаза.

Ни капельки жира на животе!

- Идемте...

Я отдаю ему полотенце, которое он вместе с простынью развешивает на перилах крыльца и надеваю пиджак.

- Идемте, - повторяет он. Мы идем в дом, где в сенцах на стене я вижу ружье. Рядом патронташ с патронами, в углу сундук... Семен отворяет дверь в дом, жестом приглашая войти, я вхожу, а мысли мои остаются с ружьем. Зачем ему столько ружей? Он охотник? Но не этот вопрос занимает меня. Неужели этим ружьем я когда-нибудь воспользуюсь? Я никогда не стрелял из ружья, никогда. А ведь только оно может избавить меня от Семенова ига. Ружье или нож. Острый клинок. Или топор...

Какие дурацкие мысли лезут в голову!

Семен - мой рок, мой крест... Теперь моя жизнь подчинена... Моя Настенька... О, Господи! Я гоню от себя эти нелепые мысли: прочь!

- Смелее...

Мне нечего опасаться. Разве меня выдает мой вид?

- Давайте трапезничать... Ну как ваши дела, как роман?..

Он все еще ходит обнаженный по пояс. Не так уж и тепло...

- Мой далекий прадед, духобор и масон, был генерал-губернатором.

Семен вдруг рассказывает о своем прошлом, о своих предках. Моя рукопись лежит на столе. Он к ней даже не прикоснулся. Правда, он порасспросил, о чем я написал, но прочитать хотя бы страничку так и не удосужился. И вот он рассказывает. Видимо, настала-таки пора появиться на свет его прошлому. Меня больше всего привлекают его прадеды.

Мы сидим за крепким, сбитым из свежеотесанных досок высоким столом, едим вкусную, тушеную

с яблоками аппетитную дичь, запивая кислым белым вином, я слушаю и только завидую Семену, его крепким зубам, которыми он крошит косточки. Этот хруст эхом гуляет по просторной комнате.

- Кто так вкусно готовит?

- Илья.

Вот еще одна загадка: Илья. Он приехал сюда на "Мерседесе". Когда я увидел сверкающего темно-синего красавца с маленьким пропеллером на носу, его обтекаемые формы, выпуклые зеркальные стекла, спрятанные в черном бархатном пластике боковые зеркальца, когда я увидел это роскошествующее транспортное совершенство, я потерял дар речи. Я до сих пор не обрел этого дара, так как звуки восторга и восхищения Семеном, которые иногда вырываются из моего горла, вряд ли кому-то придет в голову называть даром. А ведь я не такой уж простачок, чтобы удивляться "Мерседесу". Что же меня поразило в этом красавце или в этом деревянном пустом доме? Картины на стенах?

Эти угрюмые бородатые лица, угрюмые взгляды? Только слева, напротив окна, святая простота, милое личико... Такие взгляды бывают у полоумных. Верхние веки прикрывают радужку почти наполовину, глаза широко расположены, глубоко посажены в глазницах и не отпускают тебя ни на шаг. Под взглядом таких глаз хочется быть чище, хочется оправдаться. Разве мне есть в чем? И я не настолько свят, чтобы не завидовать Семену, этому свободолюбу, над которым условности и предрассудки не имеют власти. Но кто же эта прелестная святоша с сумасшедшинкой во взгляде?

- Это моя прабабушка, - говорит Семен, перехватив мой взгляд, - герцогиня Бишоффсвердер. Она свела с ума не один десяток мужчин. Писаные красавцы и богачи млели у ее прелестных ножек... Стрелялись и убивали соперников... вы когда-нибудь ревновали?..

- Моя Настенька...

Мне вдруг показалось, что моя Настенька чем-то схожа с этой Бишоффсвердер. Если герцогиню коротко постричь, освободить ее плечи от этих умопомрачительных кружев, накинуть на нее гонконговскую попону вместо длиннополого складчатого платья-абажура, чтобы оголились ее ножки... Сигарету в губки...

- Моя Настенька...

- Она герцогиня?

- Настенька?

Я не понимаю, зачем Семену иронизировать. Герцогиня! Какой смысл несет в себе это звучное, гордое, смелое слово? Мне трудно это представить, поэтому я никогда не задавался подобным вопросом. Семен, как ни в чем не бывало, хрустит косточками.

- Нет нужды, - говорит он, время от времени поглядывая на меня, - выискивать зародыш масонства в истории древней Греции или эпохе Ноева ковчега. Родословная Ордена начинается с лондонского клуба начала XVIII века...

Мысль, случайно посетившая мой мозг, холодит сердце: мне приходит в голову, что ружье, которое я обнаруживаю стоящим в углу (еще одно!), может выстрелить само по себе. Вдруг упадет и - шарах! И если уж будет падать, то зрачки стволов непременно уставятся на Семена: шарах! И некому будет рассказывать о князьях и герцогинях, разъезжать на всесокрушающем "Мерседесе", галопировать на пегом скакуне...

Бабах!

Одновременно из обоих стволов.

Я вижу, как эта дурацкая мысль улыбается мне.

И тут же готов жертвовать своим романом, своим писательством... Лишь бы Семен навсегда прервал свой рассказ. На черта мне эти масоны! Эти кирпичники-печники.

Трубочисты! Я займусь частной практикой, выстрою себе терем в лесу, куплю новенькую машину... Да мы с Настенькой...

- Они не мостили дороги и не клали печные трубы. Это были люди, вроде Микельанджело, работавшие с благородным камнем, мрамором, одним словом, это были ваятели красоты, обожествляющие грозную твердь, умеющие вдохнуть в камень живую душу. Они были утопистами с прекрасными планами преобразования человечества...

Когда Семен задерживает дыхание, шрам на его груди наливается кровью, краснеет, и кажется, если он не выдохнет, тонкая блестящая кожа лопнет, и кровь так и брызнет. Он все еще сидит голым по пояс, пренебрегая этикетом своих предков, являвшихся, вероятно, к столу при полном параде. Мне нужно было бы хоть что-нибудь записать, но пальцы в масле, я с наслаждением обгладываю очередную косточку, облизывая палец за пальцем, и, отхлебнув вина, принимаюсь за другую. Сладкое, сочное, розовое, просто тающее во рту мясо и холодное, белое, с кислинкой, терпкое вино - это награда за мои мученические душевные терзания. Мне нужно взять свои мысли в крепкие руки, накинуть на них узду и увести от Семена. Но как я ни стараюсь, они плывут по широкому течению... Настенька! Настенька - вот мой спасительный плот.

Теперь мы путешествуем вместе.

Я ненавижу себя и твердо знаю, что ненавижу себя за то, что ненавижу Семена. От этой мысли я отмахиваюсь, как от осенней мухи, а она жалит злым летним оводом, жужжит и жужжит: убей Семена, убей сейчас, спасайся, Андрей...

За что убивать?!

- И что же, - равнодушно спрашиваю я, - этот Бэконовский Орден Соломонова Храма на Новой Атлантиде, он и вправду дал какие-то практические плоды?

- Да, - говорит Семен, - есть же пиво! Хотите?

Конечно! От пива я никогда не отказываюсь. Я обещал Настеньке вернуться к шести.

Сейчас - 16:52.

- Илья, - рычит Семен, - пива гостю...

Теперь он сидит вполоборота, и я вижу его профиль: высокий лоб под густой шевелюрой, горбатый нос, подбородок боксера, который только угадывается под черной бородой. Но не может же быть у Семена подбородок певца, сытенький такой, с лоснящейся подвеской жира. Не может.

- О чем вы спросили?

Семен часто переспрашивает. Он, что же, туг на ухо? Мало ему хромоты?

- Этот Храм Мудрости?..

- Комениус? Он предложил свою дорогу света, идя по которой нужно преодолеть семь ступеней... Хм!

Своим "хм!" Семен выражает недовольство. Я успел заметить, что в этом мире ему не все нравится. Он даже морщится. И я не могу не заметить, как изувечен его левый локоть: разбухший донельзя, он еще и с трудом сгибается и, вероятно, причиняет боль. Как пить дать - подагрик. Колени, наверняка, тоже больны. Отсюда, может, и хромота. Вызывает неожиданную брезгливость и это шелушение на локтях, хотя

мне не раз приходилось видеть и не такое. Дерматоз какой-то. Склеродермия или псориаз...

Илья приносит две бутылки пива, две керамические чашки.

- А где моя трубка? - спрашивает Семен.

- В столе...

- Ага...

Илья ни разу не взглянул мне в глаза. За что он так недолюбливает меня?

- А где спички?

- Вы обещали не курить.

- Илья!..

- Зажигалка в машине, - недовольно бурчит Илья и не делает попытки принести зажигалку. Я предлагаю спички.

Какое-то время уходит на то, чтобы трубка была натоптана, и, когда дело сделано, Семен долго пристраивает мундштук в своих лошадиных зубах, несколько раз втягивает воздух. Оставшись довольным своей работой, чиркает спичкой.

Теперь тишина.

Даже Илья приостановился на полпути к выходу, чтобы церемония раскуривания трубки завершилась успешно. По всей видимости, этот ритуал - игра с трубкой - почитается здесь, и его не принято нарушать даже скрипом половиц. Я тоже замер, наблюдая за язычком пламени, который кланяется с каждым движением губ Семена, когда он втягивает дым через мундштук.

"Фпа-фпа..." - только это и слышится.

Сколько же физических изъянов досталось Семену! Я все еще не знаю, отношусь ли с сожалением к нему или все-таки восхищаюсь. Может быть, боюсь? Страшусь его? Я завидую Семену?

- Я должен вас огорчить...

Семен набирает полную грудь дыма, прикрывает веки и затем, выпуская медленно дым над моей головой, повторяет:

- Я должен вас огорчить... Вы ведь знаете Нострадамуса?

Этим меня вряд ли огорчишь. К тому же, меня меньше всего интересует Нострадамус.

- Эта ваша бабушка, вернее, прабабушка... Она...

- Немка. Я тоже не очень русский, а мой отец - француз чистейшей воды. Франция - это, знаете ли... Вы были в Париже? Помните на углу...

- Не помню.

- Там на Елисейских полях, знаете...

- Не знаю.

Семен раздосадован.

- Нострадамус, - говорит он и рассказывает мне о предсказаниях средневекового француза относительно судеб России. - Вот, например, катрен об аквилонцах...

Семен встает, берет со скамьи пуловер грубой вязки и влезает в него, как в мешок. И кажется еще огромнее. Теперь он похож на снежного человека, от одного вида которого испытываешь трепет. К тому же хромой...

- Так вот, я должен вас огорчить: Нострадамус был блистательным прорицателем. Он предсказал походы Суворова, войну с Наполеоном, вашу революцию, Сталина... Но у него ни слова не сказано о каком-либо великом писателе нашего времени. Мы с вами не являемся вообще современниками великих людей. Среди нас нет Пушкиных, Достоевских, Толстых, Чеховых... О вас у Нострадамуса нет ни строчки, понимаете? И вас никогда уже не будут приветствовать как писателя парижане. Ни парижане, ни римляне... Вы никогда не станете великим, верно ведь? Все нужно делать в свое время...

Зачем так упорно Семен навязывает мне мысль о моей несостоятельности?

Мне нужно бросить писать? Так вот: я никогда не оставлю эту затею. Я даю себе слово еще раз: я стану писателем! Мы с Настенькой...

- Разочарование, которое постигнет вас...

- Я не из тех, кто разочаровывается.

- Вы просто не знаете, что такое слава. Вы ведь ее жаждете? Жаждете признания, восторгов и похвал... Денег! И ваша Ксюша...

- Настенька!

- И ваша бедная Настя уже терпеть не может россказней о том, что, мол, нужно подождать, еще немножко повременить... Верно?

- Послушайте...

Семен не слушает.

- Вы должны зарубить себе на носу, что каждый ваш день...

И рассказывает мне про Флобера, про Бальзака, что он восхищен Стендалем и Гюго...

- ...а Пруст, - говорит он, - это просто узник отшельничества, и вам непременно нужно знать, что вы принимаете постриг и весь остаток жизни проведете в этом одиноком ските самоистязания. А ваша Ксюха...

- Оставьте Настеньку.

- Я поражаюсь, ваша слепота вопиюща!

Что за вид у этого Семена, этот пуловер, эти космы... Орангутанг! Когда он сидит передо мной с трубкой в зубах, поучая и рассыпая свои наставления, мне хочется сказать ему что-нибудь гаденькое.

- Да, - говорит он, - вообразите себе, что завтра вдруг ваша Настенька выйдет замуж за какого-нибудь...

- Вам какое дело?!

- ... за какого-нибудь булочника или коммерсанта...

- Это вас не касается.

- Вы ведь сопьетесь. А то и в петлю полезете, не так ли?

- Знаете ли...

- Я слышать ничего не хочу, а знать мне нужно только одно: я - или Настенька?!

При этих словах я просто каменею. Сижу с приоткрытым ртом, с вытаращенными на Семена глазами... Он улыбается.

- А вы как думали?

Такого поворота в разговоре я, конечно же, не ожидал. Но решать тут нечего: как же я без Настеньки? Остаток жизни я посвящаю ей, я добровольно отдаю себя...

- Вы должны сделать выбор.

Я помню свои долги.

Мне не нравится его напор, этот натиск, с которым он набрасывается на меня уже не в первый раз. Как он представляет себе мою жизнь без Настеньки? И какого черта он вообще...

- Послушайте, Семен...

- Да бросьте вы, - зло произносит он и бросает трубку на стол. - Вы что же, вообразили себе, что у меня есть время рассиживать с вами часами, потягивать пиво и вести никому не нужные разговоры? У меня нет времени. И запомните...

Ему не нравится моя медлительность, моя блаженно-спокойненькая сытая леность. Он так и говорит: "блаженно-спокойненькая".

- Да вы просто свирепая размазня!

- Какая “размазня”?!

Я дам ему решительный отпор!

- Сви-ре-па-я...

Он встает и, взяв трубку, направляется было к двери, но, сделав шаг, тут же возвращается за палкой и произносит:

- Идемте, хватит.

Одно мгновение кажется, что между нами все кончено, но, уже сидя за рулем “Мерседеса”, Семен поворачивает голову в мою сторону:

- Вы должны выбрать меня, тут и думать нечего. Мужчина вы или не мужчина?

Тут и думать нечего!

С первых чисел ноября вдруг навалилась настоящая серая осень. Застенало черное воронье, ветер раздел догола деревья... Жуткое сочетание мрака и холода, сырости и унынья. Настенька еще спит, а я проснулся рано. Шесть часов, едва светает, я сижу в своем теплом халате за столом кухни. Сегодня суббота, а я не позволяю себе поваляться в постели. Семен прав: хватит прохлаждаться. Я помню его ультиматум: “Я – или Настенька”.

Тут он, конечно, хватил лишку. Прав он только в одном: нужно дисциплинировать свой быт, свой ум, свою работу. Взбеленилась ранняя сорока. Ее звонкий треск рвется в кухню через открытую форточку, раздражает. Дождь ей нипочем. Этот дождь идет еще с вечера, лил всю ночь и вот только к утру стал стихать. И тут - нате вам! - своей трескотней разразилась сорока. Я знаю, что меня раздражает не ее трескотня, а то, что я сижу уже с полчаса и ни строчки не написал. Ах, Семен! Знал бы ты, как долго я думаю о тебе. Ты врос в мою жизнь своими французскими корнями, своими мыслями... В попытке опустить свой исследовательский лот в бездны его души я наталкиваюсь на яростное сопротивление. Мне уже кажется, что я никогда не напишу свой роман. Я бы охотнее сделался продавцом рыбы или бубликов, стал токарем, пекарем или мотористом, чем сидеть по утрам над чистым листом бумаги, прислушиваясь, как дождь едва слышно нашептывает свою осеннюю молитву перед тем, как уснуть на рассвете. Я вспоминаю нашу недавнюю встречу: мои вопросы, оставшиеся без ответов, и нескончаемые требования Семена упорно работать или бросить все навсегда.

Попробуй, брось!

Но и работать под его дудку тоже невозможно. Нельзя притянуть вдохновение за уши, как невозможно унять этот тихий плач осени по вчерашнему лету. И эти слезы дождя на оконном стекле - мои слезы. Я закрываю глаза, сплетаю пальцы рук на затылке и слышу голос Семена: “... делается попытка приподнять завесу, скрывающую загадку мироздания, пощупать тайну жизни и смерти... Но глупость, человеческая глупость - вот что несокрушимо. Чем дальше мы живем, тем мир становится глупее. Жить в будущем будет прескучно. И теперь, когда миновала пора мигреней и нервных обмороков от успехов других, ищешь одиночества... Бежать! Отправиться на Родос или остров Святой Елены? Такие мечты делают меня несчастным. Я мечтал о шатре в пустыне, мечтал стать схимником... Только мечта позволяет жить осыпанным дарами счастья. Но мы так устроены, что счастье наше живет только краткий миг. И мы требуем от яблони апельсинов, а в дождевой луже видим горное озеро...”

Сорока не унимается. Какие же отвратительные звуки от нее исходят! О, Господи, зачем ты наплодил таких тварей! Я открываю окно и, пытаясь прогнать неуемную птицу, хлопаю в ладоши. Аплодисменты сороке! Я хочу испугать ее, а ей аплодисменты нравятся: она весело прыгает с ветки на ветку, строчит как из пулемета и дергает своей безмозглой головкой.

Мне приходит в голову, что я часто пытаюсь призвать на помощь спасительное ружье. От кого спасаться? Кто мне угрожает? Я закрываю окно, сажусь за стол и заставляю себя сосредоточиться, беру ручку...

“Мне кажется, что под спокойной безмятежностью, - пишу я, - в нем нескончаемо борются эгоизм и самоотречение, леность и страстность, дьявол и Бог. Он с бесконечным пренебрежением относится к шарму, терпеть не может внешнего лоска и помпезности; условности бытия и быта не имеют над ним власти...”

И вот я пишу в абсолютной тишине. Дождь стих, и сорока улетела. Ей наскучило мое равнодушие. Серое окно ноября стало чернильным, я снова закрываю глаза.

“В Гефсиманском саду на Масличной горе, - слышу я голос Семена, - где Христос молился накануне предательства Иуды, я видел двух капуцинов за легким завтраком в обществе прекрасноликих девиц, чьи белые груди так и сияли на солнце... Эти остолопы с явным удовольствием ласкали красоток... Так вот, вы не представляете себе, какое это счастье - жить славной бродяжнической жизнью! Вы были когда-нибудь в Иерусалиме?”

При чем тут капуцины?

“... тупо жиреть - вот что страшно. Множество людей стараются ловить в свои сети лососей, я же - терпеливый ловец жемчуга. Я ныряю в глубины мечты и возвращаюсь с пустыми руками и посиневшим лицом. Роковая страсть влечет меня в бездны воображения, в пучины вожделения, я сижу как на троне, возвышаясь над своими современниками. Вы когда-нибудь пытались найти жемчужину в море, а не в ювелирном магазине? А на троне сидели?..”

Трон! - Какое незнакомое, чужое слово.

“Вы были в Париже? А в Иерусалиме?”

Еще полгода тому назад мне бы и в голову не пришло искать ответ на подобный вопрос. А множество вопросов Семена, которые я сейчас вспоминаю, по меньшей мере, казались бы смешными. О том, чтобы разгуливать по Елисейским полям или падать ниц перед каменным ангелом Гроба Господня, и речи быть не могло. Теперь - я каждый день думаю об этом. Мог ли я предположить, что Семен так изменит мою жизнь? Мне бы поскорее, поскорее отделаться от Семена, от этого черта, дьявола, хромого беса...

Прочь, Сатана!

Мне уже чудятся кривые крепкие острые рога, спрятанные в черной шевелюре Семена.

Сапоги наверняка скрывают копыта... А хвост есть? Подчиняясь одолевшему меня бойкому воображению и безрассудно отдавшись унылому наваждению, я спрашиваю себя: неужели не выберусь? Неужели пучина Семенова ига проглотит меня, раздавит, растопчет, превратит в прах?..

Настенька - вот мое спасение.

Я совершенно забросил свою работу, своих пациентов, я сплю по три часа в сутки, моя голова идет кругом, запали глаза, и нет уже силы в ногах, я не наслаждаюсь шепотом дождя и не коротаю вечера у камина...

Масоны, князья и графини... Рога и копыта... Капуцины... Боже праведный, я не помню, когда дарил Настеньке цветы!

- Андрей, где ты?

Проснулась Настенька. По субботам она просыпается рано, хотя можно позволить себе отоспаться за неделю. Настенька не позволяет себе этого, она требует:

- Иди ко мне...

Все: крышка! Кончилось мое уединение. Зато Настенька высвобождает меня из плена мыслей о Семене.

"Вы когда-нибудь были в Иерусалиме?"

- Иду-иду, - кричу я и чиркаю спичкой, чтобы сварить Настеньке кофе. Она у меня из тех, кто каждое утро начинают свою жизнь с глоточка дурмана. Особенно она любит кремовую пенку на дымящейся поверхности черного зелья. Кремовая пенка - это каприз Настеньки, но это такое наслаждение, такие смеющиеся, так призывно сверкающие ее серо-зеленые глаза...

- Андрюша, ау-у...

А я тру порошок кофе с сахаром. Серебряной ложечкой о толстостенную чашечку.

"Эта стена, называемая "Стеной плача", ставшая символом Второго храма, является национальной святыней евреев. Вы когда-нибудь..."

- Андрей!

- Иду-иду...

"Скорбный путь..."

Мои мысли о Скорбном пути снова прерывает сорока. Прекрасно! И теперь меня ждут минуты радости. К самым счастливым минутам моей жизни принадлежат те, когда я сажусь в постели рядом с еще не проснувшейся Настенькой и преподношу ей чашечку кофе:

- Прошу вас, сударыня...

Она осторожничает, чтобы не обжечь свои коралловые губки, отпивая маленькими глоточками, а я поддерживаю ее полулежащую, ее легкое тельце... Я любуюсь ею.

Глаза еще спят, веки сомкнуты... И вот сквозь щелочку между ними уже прорываются первые блесточки белеющих яблок...

"Я - или Настенька?"

Тут и думать нечего.

- Ах, Андрей... Ты у меня...

Тут и думать нечего.

Я вижу ее глаза, еще полусонно-полураскрытые, еще хранящие тайну сна...

Она отдает мне полувыпитую чашечку с кофе, и ее губы уже что-то произносят полушепотом.

Я не различаю слов и не пытаюсь расслышать звуки... мне достаточно видеть ее лицо, шею, плечи.

- Я иду, - шепчу я, - только чашечку поставлю...

- Ты меня любишь, Андрей?..

День просыпается, а мы снова забираемся в постель, Настенька вскоре опять засыпает, труженица...

И я уже не думаю о будущем. Я твердо знаю: значение имеет только вечное сегодня.

Однажды звонит Илья: "Семен болен..." А вокруг такая зима! Нежная, теплая еще, юная и ласковая... Снегу навалило... Он идет уже третьи сутки подряд, густой, лапчатый, и это у нас просто стихийное бедствие. Все дороги заметены, люди не успевают протоптать тропинки, голодные воробьи и вороны... Радуются только дети.

- Что с ним?

- Он в лесу. У меня машина сломалась.

- Он там один?

- Да. Он просил...

- Что с ним?

- Жар...

Семен никогда меня ни о чем еще не просил.

- Настенька, - спрашиваю я, - у нас есть что-нибудь от простуды?

Я начинаю спешно собираться и ловлю себя на том, что не раздумывая, тотчас же принимаю решение ехать к Семену.

- Куда ты так торопишься?

Настенька только-только проснулась и ей невдомек, отчего такая спешка, почему я так взволнован...

- Семен болен...

- Этот твой бомж?

Я не отвечаю на этот укор, мне нужно сосредоточиться. Я так ждал этой субботы, чтобы иметь хоть небольшой просвет отдыха. Я так устал... Мне хотелось выспаться наконец, поваляться в постели со своей Настенькой, поразвлечься ленью, и вдруг этот ранний звонок...

- Это он звонил?

- Нет, Илья.

- Какой еще Илья?.. Не забудь, что мы приглашены сегодня...

Еще с вечера у меня было предчувствие какой-то беды. Ночью я просыпался, ожидая ее прихода, но никакой беды не было, наступило светлое утро. И вот этот ранний звонок...

- Настенька, поехали со мной?

Я понял, чего мне недоставало все это время - Настеньки.

- Куда "поехали"?

Да-да, Настеньки. С нею, мне кажется, мы враз поставим Семена на ноги. А без Настеньки я как без рук. Мне всегда требуется ее присутствие, без нее я просто схожу с ума.

- К Семену.

Настенька смотрит на меня так, словно на ее глазах ожил покойник.

- А мой кофе?

Ехать к Семену, которого она в глаза не видела? Да нет в мире силы, способной заставить ее это сделать. Вообще все это какой-то вздор.

- Андрей, а мой кофе? А наш утренний ритуал, Андрей!

Но Семен ведь никакой не бомж. Настенька о нем ничего не знает. К рукописи она даже не притронулась, а слушать мои бредни уже не желает. Напоминание о Семене ее бесит.

Я варю кофе.

Слава Богу, никакой беды не приключилось. Аптечки у нас никогда не было, и мне приходится прихватить с собой кулек с таблетками, бинтами, ампулами... Взять шприц?

- Может быть, все-таки вместе поедем?

Кофе выпит, и я выражаю надежду, видя, как у Настеньки засияли глаза. Какие у нее красивые глаза! Губы, шея, обнаженные плечи...

- Андрей...

Я снимаю халат, ныряю под одеяло, в тепло постели, и только через час выхожу из дому. Один. Настенька уснула, и я не стал ее тревожить.

Боже, как щедро небо! Снегу навалило по колено.

Расстояние между моим домом и лесным домиком Семена летом составило бы минут сорок езды. От

силы час. Теперь же мне приходится осторожничать. Этот пышный снежный покров - просто стихийное бедствие для нашего города. Приходится быть начеку, то и дело нужно переключать скорость, чтобы не тормозить. Чуть притормозил - и ты уже скользишь юзом, не чувствуя дороги, беспомощно вцепившись руками в баранку и наваливаясь на нее грудью. Сидишь и молишь Бога, чтобы не врезаться в грузовик. Пока добрался до окраины, я дважды был на грани аварии. Я весь взмок.

За городом я останавливаюсь и облегченно вздыхаю. Какой светлый, ясный, солнечный день! Какая славная снежная дивная ширь, привольная, как песня. Чтобы красота не ослепила, приходится надеть солнцезащитные очки. Я прикуриваю сигарету, делаю несколько глубоких затяжек и думаю о Семене. Какого черта он оказался в лесу один? Раздражает и напоминание Настеньки о том, что нужно вернуться к пяти часам. Я уже терпеть не могу ходить в гости, слушать какие-то никчемные разговоры. Я утратил способность удивляться чему-либо, и это меня не огорчает.

Теперь меня раздражает исходящий из багажника какой-то зудящий скрип. Что это может быть? Этот скрип разрушает мое любование далью, и я включаю приемник. Дело, конечно, не в скрипе. Ко всему еще я не вижу знакомого указателя: "Лопухино". Где тот поворот, который летом я бы нашел без труда? Не хватало только заблудиться.

Чем сейчас занята Настенька? Зря я не настоял на своем - она не так часто бывает за городом, и вряд ли теперь мы этой зимой вырвемся на природу. Особенно трудно выискивать под снежным покровом полотно проселочной дороги. Колеса - как щупальцы...

Только к одиннадцати мне удается добраться до Семена. Я ехал наугад, полагаясь на внутреннее чутье, и оно меня не обмануло. Зимний лес прекрасен, но даже в такой светлый день он черен и сер, только ели и сосны восхищают мой взор. Но этого недостаточно, чтобы ориентироваться.

Дверь не заперта, я толкаю ее... Сразу чувствуется, что в этом доме нет жизни. Ни тепла, ни света (ставни закрыты). Ни звука. Семен умер? Эта страшная мысль лишь на долю секунды взрывает мой мозг, но я спокоен. Меня точно ошпаривают кипятком, но я тут же беру себя в руки, гоню прочь эту мысль и, чтобы тишина так не звенела в ушах, произношу громко: "Семен!"

Боже, как все-таки я напуган: какой-то сухой клок звука вырывается из меня и, ударившись о деревянные стены, безжизненно падает на пол. Пропадает. Снова тишина. Что толку орать? Я прокашливаю горло, бодрюсь, но тревога не покидает меня. Выхожу на крыльцо и рассматриваю теперь зияющие черными дырами в девственном снегу свои следы. Очки я оставил в машине и, чтобы не ослепнуть, приходится прикрыть глаза рукой.

Может быть, это шутка Семена, и они с Ильей разыграли меня? Я начинаю злиться. Утопая в снегу, обхожу дом, иду к баньке. Что это - дым? Едва заметная мягкая лилово-голубая нежная струйка стремится в небо. Дым! Так вот где Семен спрятался от людей!

Крыльцо завалено снегом, и мне приходится расчистить подход к двери ногами. Дверь отперта. Теплый дух, в котором чувствуется свежий острый запах тлеющих поленьев, пышет мне в лицо, щекочет нос.

Так ведь недолго и угореть. Где же Семен? Со света мне трудно что-либо разглядеть в этой баньке с маленьким занавешенным оконцем. Когда глаза привыкают к полумраку, я делаю шаг вперед. Еще шаг... В углу я различаю широкий топчан с грудой каких-то лохмотьев, высвеченных мерцающими бликами. В печке еще теплится жизнь, желтый язычок пламени еще лижет поленце, но, по всей видимости, эта жизнь скоро угаснет. А как чувствует себя Семен? Кроме лохмотьев, его здесь больше негде искать.

- Илья...

Этот унылый, глухой, тягостный звук исходит из какого-то больного серого человеческого нутра, упрятанного в черные лохмотья. От неожиданности меня пробивает дрожь, кожа покрывается пупырышками испуга, и только через какое-то мгновение я осознаю, что бояться мне нечего. Илью позвать может только Семен.

- Это я - Андрей...

Усилием воли Семен на секунду сдерживает кашель - прислушивается, а затем заходится так, что, кажется, из него вот-вот вырвутся легкие.

Ах ты, бедняга...

Я понимаю, что дело это не шуточное, болезнь в разгаре, и без серьезной медицинской помощи Семену не обойтись. Я сдергиваю с оконца занавеску, а с себя - шубу, подхожу к Семену, кладу ладонь ему на лоб. Нет никакой необходимости искать термометр - Семен горит. Влажный лоб, сухие губы, упавшие веки, запавшие глаза... А какие хрипы рвутся из груди! Я тут же принимаю решение везти Семена в больницу. Вот только как мне дотащить его до машины? Подъехать к баньке по такому снегу не удастся.

- Едем?..

Я не знаю, зачем я это произношу. Я - хозяин положения и не собираюсь спрашивать у Семена, что мне следует предпринять. К тому же он никакого интереса к моим действиям не проявляет, а уж сопротивляться, тем паче, не в состоянии. Он только просит воды, и я обещаю ему чай с лимоном, как только доберемся до машины. Это Настенька сунула мне термос в сумку. Я все еще не могу взять в толк, как Семен мог здесь оказаться один. Почему в баньке? Как Илья мог его оставить? Есть и еще вопросы, которые мне некому задать. Надежда на то, что все-таки удастся дотащить его до машины, успокаивает меня, и я берусь за дело. Прежде всего, следует определиться, как его тащить: взвалить на себя? Волоком по снегу? Или соорудить какие-то санки? Хоть он и отощал, но его все равно не меньше центнера. Мне никогда не взвалить на себя эту безжизненную ношу.

- Собираемся, - произношу я и не знаю, с чего начать.

Может быть, уложить его на тулуп?

Такое бывает только в книжках: как всегда в трудную минуту, какая-то слепая, но и счастливая случайность приходит на помощь, и неразрешимая проблема раскалывается, как созревший орешек. Илья! Это не слепая случайность, это счастливая закономерность. Какое страдание у него на лице, какое чувство глубокой вины на этой розовой здоровой физиономии. Недоставало только слез.

Я ратую за то, чтобы вдвоем как-нибудь дотащить Семена до машины, а Илья все еще стоит с виноватым лицом у ног хозяина, не отваживаясь на какое-либо действие.

- Я сам, - произносит он наконец, сгребает Семена в охапку, со всеми его лохмотьями, с матрацем, тулупом...

- Я помогу...

Илья отстраняет меня плечом, не подпускает к Семену.

- Я сам, - повторяет он.

Никогда не подозревал в нем такой силы.

Попадись я ему ненароком, и мне вряд ли удалось бы вырваться из этих нежных с виду и холеных рук. Илья по-прежнему остается для меня загадкой.

- Огонь затуши...

Он ногой вышибает дверь, а я хлюпаю ладошкой из ведра на тлеющую золу. Выйдя из баньки, я снова удивляюсь: "Мерседес" стоит у самого крылечка. Чтобы впихнуть Семена в машину с матрацем, тулупом, подушкой, Илье явно не обойтись без моей помощи. По крайней мере, открыть дверцу машины он меня попросит. Я вижу, как он, проваливаясь по колено в снег, кажется, без всяких усилий подходит к машине, ловко запрокидывает на спину Семена со всей его амуницией, согнувшись в три погибели и широко расставив ноги, чтобы тот, чего доброго, не рухнул в снег. Придерживая весь этот груз одной рукой, он другой открывает дверцу и затем, резко выпрямившись, как штангист при взятии веса, так, что Семен взлетает над головой, проворно развернувшись, ловит Семена обеими руками, в то время, как и матрац, и тулуп, и подушка валятся в снег. Ах, бестия, ах, ловкач! Внешне как оползень, Илья таит в себе недюжинную силу, а теперь поражает меня и своей ловкостью, своей хваткой. Поймать на лету в мгновение ока грузно поникшего Семена и зашвырнуть его, как перышко, в салон "Мерседеса" - такое не каждому под силу.

- Осторожнее!.. - это мое запоздалое предупреждение. Должен же я, врач, принять хоть какое-то участие в больном.

Илья даже не смотрит в мою сторону, устраивает Семена в пуховой перине, укутывает его пуховым одеялом...

- Отнеси в баньку...

Он пинает матрац ногой, затем наклоняется и, подобрав тулуп, кладет его на ноги Семена. А я, повинуясь его распоряжению, беру подушку в руки, а матрац волочу по снегу. Мы поменялись ролями: Илья ухаживает за Семеном, а я управляюсь по хозяйству. У меня даже в мыслях не возникает возразить ему.

И вот мы уже везем Семена домой. "Мерседес", как ледокол, прокладывает путь по снежной равнине, а я на своем утлом суденышке следую за ним. Едем мы какой-то окружной дорогой. Решение везти Семена к нам с Настенькой приходит в тот момент, когда "Мерседес" выруливает на хорошо укатанную междугородную трассу. Мне вдруг приходит на ум, что с Настенькой еще нужно успеть в гости. Но какие могут быть гости, когда в Семене еле теплится дух! Сперва Настенька разъярится, но потом поймет. Она, добрая душа, всегда меня понимала.

В отчаянном прыжке, нарушая правила и рискуя сползти в кювет, я обгоняю Илью, вижу его удивленные глаза и указываю рукой на обочину: тормози! "Что стряслось?" - читаю я на лице Ильи, когда подхожу к "Мерседесу". Он выжидательно смотрит на меня и ни о чем не спрашивает.

- Едем ко мне...

Я произношу это спокойно-требовательным тоном и вижу, как Илья какое-то время медлит, словно пробуя мои слова на вкус, затем, прикрыв веки и согласно качнув головой, устремляет свой взор в пространство.

Настенька уже ждет меня.

- Ты дольше не мог задержаться? Нам еще нужно успеть..

- Я привез... Семена.

Она меня не слышит.

- ... и куда ты задевал мои клипсы. Я ведь просила тебя...

- Настенька...

- Ты купил цветы?

- Я привез Семена...

- Что привез?..

Она как раз, стоя у зеркала, широко раскрывает рот, чтобы положить слой помады на свои коралловые губки. Я терпеть не могу все эти прикрасы, все эти тени и макияжи... А ей нравится часами торчать у зеркала, любоваться собой, дергать ресницы...

- Что привез? - спрашивает она еще раз.

- Семена.

Теперь она, точно статуя, окаменевшая злость. И хоть лицо ее равнодушно-спокойно, я вижу, как медленно сужаются ее зрачки. Словно затягивается петля на шее. Она все еще стоит перед зеркалом с открытым ртом в легкой своей дымчатой попоне, готовая к прыжку пантера. Кажется, зеркало начинает плавиться под взглядом. Или у меня слезятся глаза? Я вижу, как, словно в жарком мареве пустыни, начинают плясать контуры ее тела, тающего, как облачко.

- Настенька... - это мой жалобный стон, который, явившись сигналом к действию, разворачивает и бросает на меня юркое, злое тельце.

Я и не подумаю чинить отпор, даже не позволяю себе увернуться от града барабанящих по моему поникшему телу кулачков. Я принимаю эти милые тумачки, как награду. Через минуту Настенька выдохнется, я знаю, и уткнется своим мокрым носиком в мое плечо. Я обниму ее, прижму к себе, дам вволю выплакаться и отнесу в спаленку... Это уже традиция.

- Ну что там?..

Грубый голос Ильи прерывает мои мечты. Настенька резко отстраняется от меня, испуганно смотрит на Илью из-за моего плеча и тут же успокаивается. Видимо, вид не так страшен, как она его представляла. Но ведь это не Семен, а Илья. Настенька пока этого не знает. Огорчение придет к ней потом, а сейчас я увожу ее в спальню и прошу успокоиться, переодеться.

- Мы идем в гости? - с надеждой в голосе спрашивает она.

Я молчу, но ответа ведь и не требуется. Я прошу ее взять себя в руки, быть умницей...

- Да он же здоров, как бык! Такая красная, здоровая...

- Настенька...

- Ты никогда меня не любил, никогда не жалел...

Я пытаюсь ее утешить. Безуспешно. Я понимаю, что принуждаю Настеньку к обществу какого-то неудачника, насилую ее свободу, зато у меня будет возможность наблюдать за Семеном, похлебать с ним, так сказать, из одной тарелки... Разве можно отказаться от такого случая?

Я думаю теперь, как огорчится Настенька, увидев, что же на самом деле представляет собой Семен, это громадное, волосатое, увечное чудище. Снежный человек! Как засверкают гневом ее глаза и судорога перехватит горло, когда она попытается высказать свое негодование. Но деваться некуда, будь что будет.

Мы устраиваем Семена на диване в моем кабинете, и я тут же принимаюсь за лечение, кипячу шприцы, нахожу нужные ампулы... Ударная доза пенициллина в ягодицу, две таблетки аспирина, малиновое варенье с теплым чаем... Илья - в ассистентах. Он хлопочет по хозяйству, идет на рынок, мчится в аптеку. А Настенька не выходит из спальни. Я не сую туда нос: пусть поостынет, придет в себя. Семен, похлебав бульона с сухариками, вскоре засыпает, но к вечеру жар у него нарастает, он просто весь горит. Я делаю укол и сую в его пересохшие губы несколько таблеток. В это время Илья, как верный пес, сидит на табуретке рядом с Семеном, поит его с ложечки чаем, поправляет подушку. Кажется, в мире не происходит ничего более горького, чем болезнь его хозяина. Трудный день на исходе. Только сейчас я чувствую, как устал.

Когда поздно вечером я говорю Илье, что его помощь больше не понадобится, и он может спокойно ехать домой, он долго не решается встать с табуретки, наблюдает за Семеном, как бы выверяя правдивость моих слов. Затем встает. Он тоже устал и с наслаждением где-нибудь прилег бы на часок-другой. Не стелить же ему на полу. Все будет хорошо, заверяю я, но Илья не из тех, кто верит на слово первому попавшемуся. Он наклоняется над Семеном и, замерев, прислушивается. Семен спит. Глубокое, ровное, спокойное дыхание. Кажется, кризис миновал, и всем можно позволить себе заслуженный отдых. Илья обещает быть с утра-пораньше.

А то как же!

Теперь - Настенька.

Она ни разу не вышла из спальни, ни разу не позвала...

Скоро десять, можно было бы уже и поужинать. Сварить пару яиц? Но сначала - принять душ, переодеться. Только на секунду я захожу к Настеньке, чтобы выведать настроение. Мне достаточно видеть ее глаза, чтобы знать, чем она дышит. Смирилась она с мыслью, что Семен остается у нас пока не выздоровеет, или не смирилась? Или она будет надувать свои розовые губки, забавно фыркать и отказываться от моих назойливых ухаживаний? Я привык к ее славным милым капризам и готов угождать ей в чем бы то ни было. Хоть сто лет! Мне это ничего не стоит. Мне даже доставляет удовольствие потакать ее прихотям. Хотя вечер, конечно, пропал, и возня с Семеном не заменит веселую болтовню у камина с друзьями.

Я вхожу в нашу спаленку - темнота.

Привычно нащупываю и дергаю ниточку торшера. Настенька сидит на постели, поджав колени и охватив их руками, положив на них подбородок и закрыв глаза. Красивая дуга спины, гордо вздернутый подбородок, высвободившиеся из-под нежного плена гонконговской накидки тонкие руки... Ноги тоже свободны, ноги богини, от кончиков пальцев до самой... до самых... Ради этих ног я готов...

- Настенька...

Мой шепот не открывает ее глаз.

Я крадусь к ней на цыпочках, подхожу поближе...

- Настенька...

Она, кажется, спит. Живое изваяние, воплощенная безмятежность.

Сколько бы я не пробивался к ней, я знаю, мне не удастся сейчас простучаться в мир ее грез. Только Богу ведомо, где витают ее мысли.

В этой, на первый взгляд, гордой позе никакого раздражения, только задумчивость.

И, конечно же, величественная неприступность.

Не тронь!

Но что, собственно, произошло?! Какие могут быть обиды, что за ребячество? Не удалось побывать на какой-то вечеринке? Ну и черт с ней! Семен болен! Разве это не оправдывает мои поступки? Он нуждается в моей помощи, в нашей помощи... Разве этому нужны доказательства? Нет уж, так не пойдет. Мне надоели ее капризы, ее фыркания. На этот раз я не позволю сделать из себя мухобойку.

Я все-таки хочу простучаться к ней с миром:

- Тебе приготовить что-нибудь?

Молчание.

Нет, так не пойдет...

- Я прошу тебя встать и приготовить мне ужин. Я устал. Нужно хоть немножко...

Ну вот глазки ее и открылись.

Я не вижу основания говорить с ней и дальше в таком тоне.

- Настенька, бывают в жизни минуты, когда...

Она останавливает ринувшийся было из меня поток поучений колючим взглядом своих прекрасных глаз. И, не произнеся ни слова, встает. Юрко выскальзывает из объятий легкой накидки и совершенно нагая, высвеченная мягким светом торшера, стоит вполоборота, выдвинув чуть вперед правую коленку, вскинув гордо головку и уперев руки в бедра.

Торжество грации и свободы.

Только мгновение грация остается неподвижной, затем берет в губы сигарету, набрасывает на себя махровый халатик...

- Я готова.

- Настенька...

- Не называй меня так.

Ее сигарета в ожидании огня нервно дрожит. Я чиркаю спичкой.

Она делает глубокую затяжку и, закрыв глаза на долю секунды, задерживает дыхание. Затем делает выдох, направив струйку дыма мне в лицо.

- Что я должна делать?

- У тебя никаких долгов...

Порыскав своими красивыми злыми глазками по столику, по книжным полкам и трюмо, видимо, в поисках пепельницы, она выходит из спальни. В кухне Настенька находит какое-то блюдце, зло раздавливает о него сигарету и с жадностью набрасывается на холодные котлеты. Я их жарил вчера на сале и теперь они покрыты толстым слоем белого жира. Настенька не замечает этого, жует всухомятку. Проголодалась.

- Я разогрею, - предлагаю я.

Молчание.

Теперь мы жуем вдвоем. Я ведь тоже голоден и, вероятно, поэтому немножко злюсь.

Потом мы по-прежнему в молчании пьем горячий кофе со сливками. Кусочки бисквита просто сами просятся на язык. Настеньке очень нравится мое творение кулинарного искусства, хотя новый рецепт, я считаю, не совсем удался. К тому же я прохлопал ушами, и торт немного подгорел. Сделав последний глоток, Настенька ставит чашечку на блюдце. Блаженно откинувшись на спинку кресла, положив ногу на ногу так, что халату приходится подчиниться желанию ее прелестных ножек вырваться из его махрового плена, она замирает в ожидании.

Чего?

Глаза прикрыты, полуоткрытый ротик... Кажется, улыбка вот-вот расправит ее едва заметные морщин-

ки обиды на лбу, а на щеках, я знаю, вот-вот появятся ямочки благодушного умиротворения. И, кажется, этот славный покой будет длиться вечно. Ведь всякий покой жаждет вечности.

Я заталкиваю в рот свой кусок второпях, чтобы быть готовым выполнить первое ее желание.

Настенька открывает глаза, смотрит на меня секунду и, не сдержав улыбки, произносит:

- Ну?

Я полон смятения и растерянности: что нужно?

- Сигарету...

Ах, сигарету! Только сигарету! Только и всего!..

Да хоть сигару! Хоть тысячу сигар!

Две-три затяжки вполне достаточно, чтобы у Настеньки весело засверкали глазки, сыто оттопырились губки...

- Где там твой... бомж?

Этого вопроса я ждал весь вечер, может быть, целый год. Я знал, я был уверен, что когда-нибудь дождусь его. Я дождался. Ах, Настенька!

Я приучу ее к Семену, приручу... Я не знаю, зачем мне это нужно, но знаю точно, что Настенька должна одобрить мой выбор: Семен - наш герой, и мы должны созидать его вместе.

И вот мы встаем разом, как по команде, и направляемся к Семену.

- Фу! - это первый возглас, вырывающийся из Настеньки, когда мы переступаем порог моего кабинета. Она морщится, как от кислого, и тут же выскакивает назад, выпихивая и меня.

- От него же несет... - Настенька делает глубокий вдох и выдохнув, добавляет: - как от козла...

- Тише...

Какое-то время Настенька раздумывает, затем набирает полные легкие воздуха, словно собираясь прыгнуть в воду, и снова толкает дверь.

Занавешенная настольная лампа едва освещает комнату. Семен лежит на диване, в ворохе постельного белья, из-под которого виднеются только ступни и обнаженная до плеча левая рука. Мы с Настенькой подходим, и как раз в этот момент Семен переворачивается к нам лицом, что-то бормоча во сне.

- Господи Боже мой...

Легкое тельце Настеньки отшатывается от дивана, и я едва успеваю подхватить ее.

Обморок? Я беру ее на руки и несу в спальню. Только этого недоставало. Но могло ли быть иначе? Она ведь надеялась увидеть больного Илью. А тут - Семен! Косматое, бормочущее, дурно пахнущее чудище. Обезъяна!

В ее доме!

От такого не то что упасть в обморок, чокнуться можно!

Настенька лежит совершенно неподвижно. В полной растерянности я смотрю на нее и не знаю, что предпринять. Потом беру себя в руки. Два-три легких шлепка ладонью по лицу, маленький холодный душ из стакана, и Настенька приходит в себя.

- Как ты себя чувствуешь, - улыбаюсь я, - уже лучше?

Глаза ее медленно открываются, какое-то время бессмысленный взгляд блуждает по потолку, затем находит меня.

- Выпей воды.

Я подаю ей стакан.

Она приподнимается, берет его, отпивает глоток, затем, вернув мне воду, снова ложится на подушку.

- Кого ты привел в дом?

- Настенька...

- Я слышать ничего не хочу. Мне не нужны твои романы, твои герои, твои вонючие бомжи...

Она умолкает, и я вижу, как увлажняются ее глаза, и вот уже по щекам медленно проторяет себе дорожки тихое горе.

- Хорошо, Настенька, - я кладу ладонь на ее горячий открытый лоб и даю обещание, - я увезу его... Сейчас увезу...

Скоро полночь. Я знаю, что не выполню своего обещания, только делаю вид, что сейчас же подниму Семена, вот только позвоню в клинику...

Настенька удерживает меня за руку и, вытерев ладошкой слезы, тихо произносит:

- Дай мне, пожалуйста, еще воды.

Не отпуская моей руки, она делает несколько глотков.

- Ладно, - говорит она потом, - сиди... Как там его зовут?

- Семен...

- Что за имя!

Семен метался в жару, и на протяжении этой трудной ночи я мог наблюдать, каких невероятных усилий стоило его могучему организму вести неустанную борьбу с болезнью. До чего же хитро устроена жизнь! Могучая громада тела и недюжинный ум, созданные природой, ведут отчаянную борьбу с врагом, которого невозможно пощупать, не различишь глазом, какими-то жалкими палочками, кокками, вирусами... Отчаяние берет от такого недоразумения Господня. Я наблюдал это не раз и вот теперь поражен опять.

Я сижу в кресле и, кажется, сплю. В тишине слышно, как тикают часы. Настенька спит в нашей спаленке, и я не понимаю, зачем сижу здесь. Скоро четыре. Семен притих, и я тоже решаю немного отдохнуть. Просыпаюсь я только к одиннадцати. Насти нигде нет, только ее записка на столике ("Я позвоню."). Семен все еще спит, а в кухне колдует Илья. Кое-чем позавтракав, я спешу на работу. Сам не понимаю, зачем мне понадобилось зайти в реанимационное отделение. Кто мне здесь нужен, Настенька? Почему я живу в ожидании какой-то беды?

Вернувшись с работы, я первым делом справляюсь у Ильи, не приходила ли Настенька, хотя, зайдя в прихожую и окинув ее взглядом, уже знаю, что Насти не было.

Илья подтверждает мою догадку удивленным взглядом: с чего бы ей здесь быть?

- Она не звонила?

Он отключил телефон.

- Зачем?! Она ведь могла звонить...

У Ильи такой вид, будто я прошу у него денег. А у меня мелькает мысль, что в собственном доме я чувствую себя гостем, которому давно пришла пора уходить. Это бывает: вдруг на тебя находит унынье и кажется, что мир приятных привычек рухнул.

Надменно-ухмыляющийся вид Ильи меня раздражает. Нужно взять себя в руки...

- Как Семен?

Илья не отвечает, только переминается с ноги на ногу. Кризис миновал, моя помощь уже не нужна, и я могу теперь заняться своей Настенькой, своим романом. И все же, переодевшись, я ищу флакончик с пенициллином, кипячу шприц... Крупозная пневмония - это не шутка, это я тоже понимаю. Недельки две Семену без меня не обойтись. Нужно это вдолбить Илье

в голову. Когда часы показывают семь, я не выдерживаю и подключаю телефон. И уже через несколько секунд набираю номер. Затем звоню еще и еще... Насти нигде нет. Я ищу фонендоскоп и, чтобы хоть какое-то время не думать о Настеньке, выслушиваю Семена. Слышу его жесткое дыхание, сухие звонкие хрипы в легких и думаю о том, что остаток дня буду коротать с Ильей. Я напрасно успокаиваю себя мыслями о том, что Настенька иногда позволяет себе ночевать у знакомых. Какая-то неясная тревога поселилась в душе. Мне вдруг приходит в голову, что нити сюжета моего романа стали упорно и независимо от моего желания вплетаться в рисунок моей личной жизни.

Но не навсегда же Семен поселился в моем доме!

Какая у него волосатая грудь! Какая широкая... Его глаза закрыты, глубоко запали в темные глазницы, заострился нос. Я слушаю его сердце - оно частит. Немного приглушены тоны... Я и не подумаю звонить в приемные отделения больниц в поисках Настеньки. У меня даже в мыслях нет, что с ней может что-нибудь случиться. Просто она решила немножечко потрепать мне нервы. Это у нас случается. Так она выражает свое недовольство. Я отказываюсь думать, что именно Семен, его появление у нас, явилось причиной ее неудовольствия. У Настеньки, видит Бог, полно и других забот.

Седые волоски на груди Семена кажутся серебряными ниточками. Как он часто дышит, бедняга. Просто не верится, что такая громада тела может быть такой беспомощной.

Позвонить курчавому негру, от которого Настенька была в восторге на прошлой вечеринке, я не решаюсь. С чего бы вдруг ей быть у него в столь поздний час? Придет же такое в голову! Но где ее искать?

Мое беспокойство успел заметить Илья.

Вот и сейчас я чувствую на себе его изучающий взгляд. Своим поведением Настенька дает повод для разного рода толков, а я становлюсь мишенью для насмешек. Похоже на то, что она решила воплотить свои угрозы в действительность. ("Ты доиграешься со своим бомжом!"). Но я считаю, нет ничего предосудительного в том, что, пытаясь как можно более полно раскрыть характер Семена, я затащил его к себе. Да и грех было бы мне, врачу, не помочь больному.

Когда поздно вечером я делаю Семену очередной укол, он, наконец, произносит свою первую фразу в моем доме:

- Что, плохи мои дела?

Он даже приподнимает веки. О, Господи! Я не могу видеть этот безжизненный одноокий птоз. Вместо ответа я даю ему несколько таблеток и улыбаюсь. А Илья тут как тут с малиновым чаем.

Настенька объявляется только к вечеру следующего дня. Она заскакивает на минутку, чтобы удостовериться,что Семен по-прежнему в нашем доме, и, убедившись в этом по тому беспорядку, который сопровождает любую болезнь, только надувает свои славные щечки. А весь ее вид говорит: он все еще здесь!

Мне не удержать ее, я знаю. Я и не пытаюсь.

- Дай мне денег.

Я даю.

- Не ищи меня...

Ладно.

Я рад тому, что она нашлась, что все в порядке. Все образуется... Она уходит, а я даже не спрашиваю, когда вернется, не провожаю ее, сижу, курю. И потом никуда не звоню...

Через неделю Настенька снова заскакивает на минутку.

Она заходит с мороза краснощекая, жаркая в своей лисьей шапке, в рыжей беличьей шубке, жизнерадостная и улыбающаяся... Впечатление такое, что ей нравится быть дома только гостьей. Не снимая шапки и даже не распахнув шубку, она летает по комнатам мотыльком в поисках каких-то там бус, или клипс, или сережек, которые всегда лежали в шкатулке...

- Где она?

В самом деле: где она, эта чертова шкатулка? Я и рад бы помочь, но как? Куда она задевалась?

Семен зорко наблюдает за Настенькой, не произнося ни слова и, когда она пролетает мимо, изловчившись, хлестким движением руки хватает ее за кисть. На лице Настеньки жуткий испуг, ее глаза полны ужаса и удивления. Как! Как он посмел, в чем дело?

Чудовище, волосатая горилла!..

Она замирает в недоумении. Ее большие серые глаза теперь просто вытаращены на Семена: разве все это правда, это не сон? Это не сон. Я ясно вижу: лисья шапка съехала на бок, шубка на ее легком, летящем тельце обвисает колоколом. А Настенька все еще в полете, но вот уже застыла, как замерзшая на лету птица.

Да в чем, собственно, дело?

В который раз Настенька дергает рукой в попытке высвободить ее из лапищи Семена. Не тут-то было! Волосатая рука крепко, как капкан, держит свою добычу. А блестящие черные смеющиеся глаза уже пожирают Настеньку пылким взглядом.

Такого поворота событий никто не ждал, вероятно, поэтому на мгновение воцаряется тревожная тишина, которая приводит Настеньку в бешенство. Она вдруг жутко вскрикивает, дергается своим маленьким тельцем, стучит каблучками, перебирая ножками, лицо заливает краска злости... Она лепечет своими пышными вздутыми губками, шепчет что-то невнятное, затем причитает и попискивает и вдруг разражается истошным криком.

Это - истерика?

Я не знаю, что предпринять, смотрю на Семена: ко всему этому он глух. Капкан его лапы намертво закусил хрупкую ладошку Настеньки, и, кажется, дернись она еще раз-другой, и нежные пальчики, удерживаемые железными челюстями, навсегда останутся в его пасти.

Бросаться на помощь Настеньке было бы смешно. Ведь ей не грозит смертельная опасность. Мне даже любопытно наблюдать эту безобидную игру, затеянную Семеном просто так, ради забавы. Но зачем? Что толкнуло его на эту шалость, и какие мысли роятся в этой большой кудлатой голове?

Упираясь обеими ножками, Настенька отклонилась назад, и впечатление такое, будто она пытается стянуть Семена с дивана.

Отпусти тот ее руку и...

Я успеваю только подумать об этом, а Семен разжимает свои пальцы. Тельце Настеньки, точно его сдуло порывом ветра, пролетает над полом, я едва успеваю подхватить ее и поставить на ноги. Крепко сжимая ее плечи, я чувствую, как они дрожат.

Оцепенение длится не больше секунды, затем раздается грозное: "Пусти!.."

Она стряхивает мои ладони с плеч и, сверкнув злостью своих очаровательных глаз на Семена, цедит сквозь зубы:

- Крррeтин...

Тишина.

Семен с самодовольной улыбкой и нахально смеющимися глазами наблюдает за нею.

- А ты...

Настенька с ненавистью и презрением, каких я от нее и ожидать не мог, смотрит на меня, выискивая в своей маленькой головке скабрезное словечко.

- Ты просто...

- Настенька...

Я тяну к ней руки.

- Не прикасайся ко мне.

Через неделю или дней через десять (я потерял счет времени) самочувствие Семена улучшается настолько, что он готов покинуть свое лежбище. Я не отпускаю его - опасность возврата болезни еще не миновала. Да и роман не дописан. Я привык к Семену настолько, что не могу себе представить, что бы я без него делал. Правда, я немножко злюсь на него за выходку, а он не придает этому никакого значения и ведет себя так, будто ничего не случилось. Собственно, ничего такого и не произошло, чтобы помнить об этом каждый день. Вот только пропала Настенька, и это тревожит меня каждый час. Я успокаиваю себя: найдется. Готовлю себя к встрече с ней. У нас до такого еще не доходило, чтобы не видеться неделями. Зато я вернулся к рукописи романа и умудрился даже написать несколько страниц. Сюжет нашел острое продолжение, и в этом Семен сыграл не последнюю роль.

Однажды, задержавшись на работе, я прихожу домой поздно вечером и застаю Семена сидящим за столом в моем кабинете. Перед ним листы рукописи. На столе чашка чая и булочка, от которой Семен время от времени отщипывает и кусочек за кусочком посылает в свой мохнатый рот. По всему видно, что он сосредоточенно работает. На меня он даже не взглянул. Верхний листок, который он так внимательно изучает, исчеркан зеленым фломастером.

Я не знаю, как поступить: возмутиться? Кто давал ему право править? Лист так густо покрыт злой зеленью исправлений, что у меня щемит сердце.

Или дать ему волю надругаться над моей рукописью?

Меня просто распирает любопытство: в самом ли деле так несовершенно мое творение, что оно нуждается в таком ярком оформлении? От этих нахальных зеленых исправлений просто в глазах рябит.

- Знаете, я позволил себе...

- Вижу.

Это свое “вижу” я произношу сухо и зло. Я не понимаю, почему я злюсь. Мне бы поблагодарить Семена за искренность. Не каждому дано восхищаться успехами других.

Но разве Семен восхищен? И почему я решил, что мне сопутствует успех?

- С каждой страницей вы пишете все лучше, но еще так много неточностей, витиеватостей... Вы просто плохо знаете русский язык.

Иногда мне хочется влепить Семену пощечину. И все же мне больше всего на свете хочется сейчас схватить эти испещренные зеленью листки и упасть в удобное кресло: чем же так плох мой русский?!

- Да, приходила Настя...

Мне хочется ухватить Семена за бороду, сказать ему что-нибудь этакое... Как ему досадить?

При упоминании имени Насти все мои гаденькие желаньица тут же исчезают.

- Настя?

- Ага... Она...

- Ушла? Куда?

Семен только пожимает плечами и, не удостоив меня даже взглядом, берет очередной листик, над которым тоже нависает угроза расправы.

Он читает.

Илья несет чай. Одну из чашечек он предлагает мне, и у меня снова мелькает мысль о том, что уж очень похозяйски он здесь себя чувствует. Надо сказать, что и я иногда прихожу домой как в гости. Убеждение в том, что с тех пор, как Семен с Ильей вторглись в наш дом, его тихому семейному уюту грозит беда, все чаще стало просачиваться в мое сознание. Тревожит и то, что Настенька всерьез задумала показать свои коготки. Разве она ревнует меня к Семену? Еще три-четыре денька, и он будет совсем здоров. А упускать возможность вместе с ним поработать над рукописью было бы глупо.

И все же розовую гладь наших с Настенькой отношений затуманила легкая пелена тайной недосказанности. По стеклу пробежала трещинка отчуждения, избавиться от которой, я знаю, уже невозможно. И все же я надеюсь, что с выходом моего романа...

Горячий янтарь чая обжигает губы, и я с наслаждением тяну глоток за глотком. Все образуется, думаю я, все устроится.

- Вот вы тут пишете...

- Она ничего не просила передать?

Семен словно не слышит меня, даже не поворачивает головы. Он только какое-то время ждет, чтобы я мог задать свой вопрос и, не отвечая, продолжает:

- Вы пишете: “Странно, что прожив столько лет, он не создал себе имени. Он всегда умерен в наслаждениях, которые считает пустыми и мимолетными, отрешился от наиболее разорительных потребностей, которые так настойчиво навязывает общественное мнение. Его не тревожит успех. Ведь для того, чтобы иметь смелость произносить великие истины, нужно быть независимым от успеха. Он умеет радоваться малому, понимая, что настоящая радость сурова...” Все эти ваши обветшавшие назидательные истины...

Он снова поучает меня.

Мне стоили немалого труда каждая мысль, каждое слово, и что же?! Все это старо как мир! А что в этом мире ново? И разве так уж плох мой русский? Да ни капельки! Я едва сдерживаю себя, чтобы не дать волю своему возмущению. И вдруг думаю о том, что Семен, старательно прикрываясь критикой рукописи, уходит от разговора о Настеньке.

Да или нет? Или это моя чрезмерная подозрительность? И что еще хуже - мое разгулявшееся воображение требует удовлетворения: что-то между ними произошло. Что?

- Настя не сказала, когда придет?

Я настойчиво возвращаю его внимание к Насте. Я хочу видеть его глаза, слышать его голос, когда он произнесет ее имя.

- Да что вы прилипли ко мне со своей Настей?! Ничего она не просила, ничего не передавала...

Вот я вижу его блеснувшие глаза, чувствую на себе их колючий взгляд. Сощуренные в сиюминутном гневе веки, раздраженный голос... Все это длится секунду-другую. Его недовольство проявляется и в том, что он еще не прикоснулся к чаю, который Илья так старательно приготовил и поставил перед ним. Всего этого достаточно, чтобы я пришел к убеждению: Семен терпеть не может Настеньку.

- Пигалица...

Еще одно подтверждение этой мысли.

Теперь - пауза.

Мы, словно сговорившись, берем свои чашечки с чаем и молча отпиваем по глоточку.

На неприязненно-пренебрежительное словцо мне стоило бы возмутиться, но я пропускаю его мимо ушей. Я прекрасно понимаю, что это не так. Его раздражение только ласкает мой слух, и тешит взбудораженное самолюбие. Никакая Настенька не пигалица, и теперь Семен это знает наверняка. Ведь для мужчины иногда нет ничего обиднее и больнее, когда какая-нибудь пичужка, которую он и в грош не ставит, не замечает его в упор.

Семен из таких?

Я беру сигарету и вдыхаю запах табака. Я не хочу строить догадки, что там у Семена на уме, мне достаточно слышать интонацию его голоса, когда он говорит о Настеньке, видеть его сверкающие глаза. Одно только упоминание ее имени просто бесит его.

- Так что же вам не нравится в старых истинах?! - спрашиваю я игривым голосом, наблюдая за Семеном и замечая, что эти истины сейчас волнуют его меньше всего. Я вижу, как он думает о Настеньке, как шевелятся его губы, немо произнося ее имя.

Пусть думает.

Я вижу, как он ее ненавидит.

Все тот же злой прищур глаз, тяжелый, тупой, мрачный взгляд, бесконтрольно отвисшая нижняя челюсть... Впечатление такое, точно Семен принимает какое-то важное решение, дает себе клятву, обет.

Пусть принимает, пусть дает.

Вероятно, для них это была полная неожиданность - входная дверь оставалась открытой, я просто толкнул ее и вошел... К себе домой... В квартире - никого, только дух настороженности и какой-то неясной тревоги, предчувствия беды. По всему видно, что-то случилось: дымится в пепельнице сигарета со следами помады, две чашечки с недопитым кофе, палка Семена, сиротливо прислоненная к косяку двери...

И такая отчаянная тишина, что выть хочется.

Куда это Семен так торопится без своего крючковатого поводыря?

Я как охотник в ожидании дичи. Только бы не проскрипела паркетина. Почему я, охотник, без ружья? Я удивляюсь своему немому вопросу, но он ведь прозвучал, и этот факт удивляет меня еще раз.

Почему я крадусь к спальне?

Она пуста.

Кухня?

Там - никого.

И вот я у двери ванной... Она открыта настежь, комната полна света, весело журчит вода, наполняя ванну...

Господи, какие же у Семена по-детски счастливые глаза! И как он смешон в расстегнутой настежь рубахе, со спущенными до колен штанами. Он стоит вполоборота, держа в руках брюки и, глядя на меня, виновато улыбается. Есть чему радоваться? А, эти голые белые ягодицы, эти мощные волосатые бедра. Я никогда не видел его увечной ноги...

Может быть, все это сон? Приснится же такое.

А где Настенька?

Он настиг ее, мою козочку, барс, на какой-то ветхой циновке...

Я вижу ее, брошенную, как цветок на асфальте, в распахнутом белом халате, обнаженные ноги, обнаженная грудь, кустик курчавых волос... Ее руки безвольно раскинуты в стороны, головка склонена на бок. Кажется, она спит, но я вижу, как часто бьется жилка на ее шее, как взялась жаром кожа лица, шеи...

Все это не сон, теперь я понимаю.

- Настенька...

У нее нет сил повернуть голову.

- Настенька...

Я повторяю это еще раз, и она с трудом приподнимает веки, приоткрывает глаза и, не поворачивая головы, улыбается мне взглядом.

Ее грудь, два маленьких белых холмика, вдруг вздымается, она делает глубокий вдох и, задержав на секунду дыхание, произносит:

- Ах, Андрей...

И снова закрывает глаза.

Передо мной - воплощенное блаженство. Такого безмятежного счастья никогда прежде не выражало ее лицо, ее тело. Я вижу свою Настеньку, свою милую Настеньку на вершине отрешения. “Ах, Андрей...” - сколько восхитительного упоения в этом звуке.

Кто привел ее в это состояние, утолил ее сладостное вожделение? Семен? Семен! Этот хромой с дергающимся веком, с его медвежьей косолапостью и кабаньим напором... Эта волосатая обезьяна?

Прозрение приходит через секунду, когда Семен, неуклюже хромнув (медведь в лавке), делает попытку выйти из ванной. Оттерев меня плечом, как кузнечика, застегивая на ходу штаны, он выходит, припадая на свою короткую ногу. Вероятно, в поисках палки, он рыскает глазами по комнате и вот натыкается взглядом на меня. Я смотрю в упор, а он едва ли видит меня. Я ему не нужен, ему нужна палка.

Ах, вот она! Притаилась за дверью. Он хватает ее так, словно в ней сосредоточена вся сила земли, которая так необходима ему, чтобы удержаться на ногах. Или все это мои домыслы? Никакая сила ему не нужна. Я знаю, он крепко стоит на земле, а палка – всего лишь предмет обихода, привычное дополнение, придающее его мощному телу устойчивое равновесие на пути к достижению цели. Какую цель преследует он теперь?

Я вижу, как он, задумавшись, почесывает ногтем бровь, тупо смотря перед собой, затем, зачем-то кашлянув, направляется к себе. А я ловлю себя на том, что думаю о нем, как о хозяине (в который раз), хозяине дома, хозяине положения. Но разве к себе он идет?

Он идет в спаленку - святое место в нашем доме, где мы с Настенькой...

Ублюдок!

Скотина, тварь, грязное животное... - вот слова, которые мне хочется бросить ему вслед.

Я жалю его спину ненавидящим взглядом, сжимаю кулаки и молчу. Закрываю глаза и принимаю решение - броситься на него сзади, ухватить за горло и задушить. Хватить утюгом по голове... Всадить в спину нож. Зашевелилась Настенька. Я вижу, как она приподымает головку, и вдруг, видимо, осознав происшедшее, резко садится. Умопомрачение проходит, пелена блажи спадает. Жизнь застает ее сидящей в непристойной позе голой задницей на какой-то циновке...

Наши взгляды встречаются.

Дай мне, Господи, силы ненавидеть ее чуточку меньше.

Ее серые глаза переполнены только виной. Ни страха в них, ни сожаления, ни отчаяния, только вина.

И еще они о чем-то кричат, но мир между нами заполнен грустной тишиной, только вода по-прежнему весело льется из крана.

Что теперь?

Настенька встает. Застегивает халат и, воровски зыркнув в зеркало, привычным движением руки поправляет волосы.

Сучка...

Она закрывает кран, и теперь адская тишина воцаряется над ванной, а я переполняюсь каким-то, не знавшим меня прежде, чувством гаденькой ненависти.

Я переступаю порог и беру Настеньку на руки. Я всегда выносил ее на руках из ванной, простоволосую, легкую, влажную... Она всегда звала меня: "Андрей, я готова..." Я спешил к ней, кутал в огромное теплое махровое полотенце и с наслаждением принимал ее готовность в свои объятия.

- Ты готова? - спрашиваю я.

И она цепенеет у меня на руках. Я чувствую, как сжимается ее маленькое тельце, как она тяжелеет, как деревенеют ее нежные руки. Она заглядывает мне в глаза и не верит нашей милой привычке.

Что-то произошло?

Ее подозрения касаются моего голоса, его тона. Вероятно, меня предают руки. В них столько скрытой злости, недружелюбной лицемерной ласки...

Я впервые в жизни по-настоящему обманываю ее, лгу ей в глаза - я улыбаюсь.

И она верит этой улыбке. Ее тельце тает, она прижимается ко мне щекой, щека к щеке.

Господи, какое же это счастье, ощущать легкую тяжесть любимого тельца, тепло ласковых рук на своей шее, жар щеки...

Кажется, нет на свете сил, способных разрушить эту нежность, свитую из двух любящих тел. Какую-то секунду длится замешательство, всего секунду идет внутренняя борьба: что делать, что предпринять? Крепче прижать к себе Настеньку, потереться шершавой щекой, прикоснуться сухими губами к ее влажному лбу и унести в нашу спаленку? Или...

Воспоминание о спаленке, где теперь царствует Семен, придает мне мужества.

Чуть присев, я подбрасываю Настеньку, чтобы она смогла ощутить надежность моих рук и тут же ловлю свою нежную ношу, а она верит моим рукам, их мужеству. Она устраивается на них поудобнее, как птица в гнезде и ослабляет руки на шее. Ей ведь нечего опасаться - никогда прежде я не ронял ее. Ни разу. Разве что шутя. Ронял и тут же подхватывал на лету. Вот и сейчас - я снова легонечко подбрасываю и ловлю, чтобы она на миг могла почувствовать ощущение полета. Вверх - вниз, вверх... Пронося над ванной, я разнимаю руки и она, смеясь, плюхается в воду: бултых! Как это весело, как прекрасно!..

И вот мы снова, как все эти годы - счастливы.

Потом я молю Бога, чтобы все побыстрее кончилось. Моя удавка из двух рук, двух крепких надежных рук на ее шее, руки выпрямлены, как рычаги, а колени упираются в ее грудь! Слышно только, как где-то за моей спиной буранят воду ее ножки, но мне до этого нет дела. Сквозь волнующийся слой воды я вижу ее смертельно испуганные глаза, распахнутый в немом крике рот. Видимо, ей не хватает воздуха.

Как долго держится за жизнь это маленькое тело, дергается в конвульсиях, бьется.

Затем стихает. Сначала обмякают ее пальчики, которыми она отдирала мои кисти от шеи, затем умолкает буран за спиной, вянет и тускнеет взгляд, я вижу это через слой воды.

Только волосы еще живы.

Проходит целая вечность, вода успокаивается, я тоже спокоен: разнимаю тиски своих рук, все еще сидя на корточках, затем неуклюже выбираюсь из ванны. С методичной дотошностью тряпкой вымакиваю воду, чтобы она не просочилась к соседям. Не хватало только всемирного потопа, скандала с соседями.

Вот и порядок.

Я выжимаю тряпку, бросаю на пол и, вымыв руки с мылом, вытираю их чистеньким полотенцем. Готово. Меня так и подмывает посмотреть на Настеньку, задать еще раз свой вопрос, который все это время я мысленно повторяю: "Ты готова?"

Бог с ним, с вопросом. У меня есть еще одно дельце - Семен. Очередь за ним.

Я делаю шаг и теперь слышу, как вода чвакает в кроссовках.

Ружье! Эта мысль пришла мне в голову, когда я смотрел на застегивающего штаны Семена. И вот я снова вооружаюсь ею: ружье! Я купил его сто лет назад и ни разу не выстрелил. Пришла пора.

Как неприятно липнет к телу одежда, сковывает движения.

Я нахожу патронташ, как только открываю дверь кладовки, беру ружье, вынимаю из чехла и, переломав пополам, засылаю патрон в патронник. Я вполне осознаю, что делаю: руки не дрожат, разум мой светел, взор ясен...

Теперь взвести курки.

Я подхожу к двери нашей спаленки и уже по привычке стучу.

Семен, вальяжно развалясь на нашей кровати, с чувством исполненного долга, как ни в чем не бывало, читает рукопись моего романа. Он даже не смотрит в мою сторону.

Я стою и жду. Чего, собственно? Семен настолько поглощен правкой рукописи, что мне приходится кашлянуть, чтобы привлечь его внимание. Видимо, ему доставляет удовольствие исправлять чужие огрехи. Он поворачивает голову и, округлив свои черные глаза, с удивлением таращится на меня. Он просто сияет от изумления.

И вдруг взрывается смехом.

От неожиданности я оглядываю себя, свои мокрые башмаки, отвисшие штанины, мокрые рукава пиджака. Я даже подхожу к зеркалу и тоже не могу не разразиться хохотом.

Мы смеемся вместе, смеемся до слез, но мысль, закравшаяся каких-нибудь пять-семь минут назад в мою голову, уже гложет меня, останавливает мой смех.

Я поднимаю ружье.

Выстрел лязгает так, что, кажется, в уши вбивают по раскаленному клину. Эхо выстрела на долю секунды заметалось по комнате, как птичка по клетке в поисках выхода, и вдруг все стихло.

Я не наслаждаюсь тем, что Семен так и умер на вершине восторга, захлебнувшись собственным смехом. Умер, не осознав, что смерть настигла его так внезапно, просто по-дурацки неожиданно.

Я бросаю ружье на постель и ухожу.

Дело сделано...

Когда я открываю глаза, я по-прежнему нахожу себя на пороге ванной. Настенька уже встала и теперь запахивает халат, поправляет прическу... Так курица оправляет крылышки после петуха.

Все эти страсти с утоплениями и выстрелами, как молния, проносятся в моем мозгу.

Ах, мое славное разгулявшееся воображение. Было бы дешевкой отдаться власти аффекта, впасть в истерику, сорвя голову, топить Настеньку в ванной, метаться и расстреливать в упор Семена.

Нужно просто уйти и поставить точку.

Я беру Настеньку на руки, и она не сопротивляется, чувствую щекой ее теплое дыхание, вижу удивленный взгляд ее серых глаз, которые спрашивают: "Что ты надумал?"

А я несу ее в нашу спаленку, легонечко толкаю носком дверь и вхожу.

Что касается Семена, то, - Господи, Боже мой! - как же я его хорошо знаю. У меня мелькнула мысль что, заглянув в спальню, я найду его сидящим за столом и работающим над моей рукописью. Он правит ее, лежа в постели. Меня он словно не замечает. Ни меня, ни Настеньки, которая все еще сидит у меня на руках, тоже ждет от Семена каких-то действий. Мне приходится зацепить ногой ножку стула и опрокинуть его, чтобы Семен оторвал глаза от рукописи. Ничего подобного, он продолжает читать, словно нас не существует. Будто ничего не произошло. Но ведь это не так! Поведение Семена вызывает во мне чувство обиды, несправедливости и яростного раздражения. Значит, он и в грош не ставит того, что случилось!

Я решительно подхожу к нему совсем близко:

- Держи! - Жестом Стеньки Разина я бросаю Настеньку на постель рядом с Семеном.

- Она твоя...

Мне это стоит огромного мужества. Разве мог я предвидеть когда-нибудь, что Настенька?.. Только бы не разрыдаться у них на глазах.

Теперь мне нужно развернуться и молча уйти. Настенька наблюдает за мной с недоумением и любопытством: что дальше? Семен тоже оторвал глаза от рукописи. В его глазах нескрываемый интерес.

Тишину нарушает едва слышное тиканье настольных часов.

Я разворачиваюсь и ухожу.

- Андрей, - слышу я голос Настеньки, - постой, вернись...

Зачем?

Я возвращаюсь только для того, чтобы швырнуть им ружье, которое нахожу в кладовке и заряжаю у них на глазах. Вот вам судья!

Потом я так и не смогу ответить на вопрос, зачем я это сделал?

Я ухожу и несколько дней просто пью.

Чтобы не сойти с ума. Когда к полудню голова светлеет, я стараюсь уяснить себе свое будущее, и как только понимаю, что его нет, снова беру бутылку...

Проходит мучительная неделя, я не выдерживаю и звоню Насте. Я хочу слышать ее голос. Трубку берет Семен. Ах, ты еще там!

Жалкий урод, ублюдок, кот!..

Кровь закипает в моих жилах. Ну, обезьяна, держись! Я перережу тебе глотку...

- Андрей, куда же вы пропали? Мы тут с Настей... Знаете, мы решили...

Разговор прерывается, и теперь я слышу только короткие гудки, которые заглушаются зычным басом Семена, звучащим у меня в ушах: "Мы решили..."

Они уже решили!

Я весь дрожу от негодования и ревности. Значит, все это время они были вместе...

Значит, они... Господи, укроти, уйми этот бешеный крик ревности.

Дверь не заперта, я просто влетаю в квартиру, Семен сидит на кухне за столом с какой-то книжкой в руке, в другой руке - чашка чая.

- Хорошо, что вы пришли. Хотите чаю?

Хозяйским жестом он приглашает меня войти.

- Вот послушайте...

Мне нужно взять себя в руки.

- Где Настя?

- Только что вышла в магазин. Вот послушайте...

Я ничего не хочу слышать.

Он кладет книгу на стол, делает глоток и, мягко сощуря в улыбке глаза, произносит:

- Рад вас видеть. Идемте.

Он встает, а я захожу в кухню и сажусь напротив. Какое-то мгновение царит тишина, мы изучающе смотрим в глаза друг другу, затем он произносит:

- Хорошо. Нам давно следовало бы уточнить отношения.

Разве к тому, что случилось, можно что-либо добавить, когда я точно знаю, что между нами все кончено. Все потеряло всякий смысл: моя любовь, роман, работа...

Жизнь не имеет смысла - вот ведь в чем дело.

- Послушайте, Андрей, только наберитесь мужества... - он доверительно, дружески, мягко ударяет кончиками пальцев по моей руке, - прошу вас, выслушайте меня.

Я подавляю волну отвращения, беру себя в руки.

Мне любопытно узнать, что он скажет в свое оправдание.

- Вы - как Буриданов осел, дергаетесь из стороны в сторону в попытках то там ущипнуть, то там... Я прочитал рукопись, она прекрасна. У вас появился стиль, слог, вы слышите, как звучат слова, вам подвластна мелодия речи... Единственное, чего вам недостает - знания жизни, понимания ее смысла...

Семен берет чашечку и отпивает глоток.

- Все это так себе, фривольное чтеньице... Вы пишете о чем-то надуманном, о неживой жизни, вялых угловатых людях. Меня вы изображаете каким-то отбросом, выкидышем общества. А ведь я живее, чем вы думаете. Я могуществен, как Геракл, умен, как Сократ, и простодушен, как Иисус! А вы видите во мне какого-то бомжа, неудачника и ублюдка. Даже ваша Настенька разглядела...

- Замолчите!..

- Да не дергайтесь вы... Ваша рана глубока, но лечить вас можно только кнутом, каленым железом. Я надеюсь, что у вас достанет ума...

Господи, как же он отвратителен, как жесток.

- Ваша Настенька...

Он на секунду умолкает, поднеся чашечку ко рту, делает вид, что отпивает глоток, и изучающе смотрит на меня. Я тупо рассматриваю свою руку.

- Вы не найдете на свете женщины, способной устоять против силы денег, противостоять похоти. Ради обезъяньего торжества они готовы на все. Противостоять искусу быть почитаемой так же противоестественно, как запретить зеркалу отражать вашу кислую физиономию, когда вы недовольны собой. Настенька - ваше зеркало, но разбить его у вас не хватает сил. А у вас ведь нет времени, вы не мальчик. Нам нужно работать по двадцать часов подряд, а в оставшееся для отдыха время работать вдвое продуктивнее. У вас есть талант. Он есть у многих. Нужно толь-

ко дисциплинировать ум. Вы можете возразить, что жизнь не имеет смысла. Это верно. Но для мужчины зеркалом является его дело, которому он должен служить истово, яростно. Инфантилизм в вашем возрасте, знаете ли...

Теперь Семен читает свою проповедь, как священник. Голос его приобрел бархатные тона, голова высоко поднята, взгляд мудрых глаз устремлен на меня, мне даже немного жутковато под этим взглядом. И я сдаюсь. Я успокаиваюсь и теперь слушаю его так, будто слушаю самого Бога.

- Я разбил ваше зеркало. У вас кишка оказалась тонка. Я взял на себя этот труд, когда разуверился в вас, разуверился в том, что вы способны отречься от всего ради работы. Я повторяю - вы талант, но вас нужно стегать розгами, погонять кнутом... Я взял вашу Настеньку обманом. Я обещал увезти ее, и она, дура, поверила. Уговорить женщину...

- Мразь...

Злой звук раздается за моей спиной как шипение змеи. Я невольно втягиваю голову в плечи, чтобы этот шершавый шепот не исцарапал мою лысину, но ничего не происходит. Я вижу только глаза Семена, устремленные поверх моей головы, его спокойный, ровный, уверенный взгляд.

Теперь тишина.

Затем я слышу, как за моей спиной хлопает дверь. Это Настя. Она стояла за дверью и слышала разговор. Я вскакиваю и бегу за ней.

- Настя!

Ей некуда деться, она заходит в мой кабинет, я за ней.

- Настя...

- Оставьте меня все!..

Она падает на диван и, уткнув лицо в плюшевую подушечку, плачет, трясясь всем тельцем.

Я подхожу.

- Уйди. Я ненавижу тебя, ненавижу...

- Настенька...

- Не прикасайся ко мне...

Милые плечи, шелковые волосы.

- Я просила, просила тебя не приводить в дом этого... этого...

Она не находит подходящего слова.

- А теперь - все! Убирайся!

Она вскакивает и со своими кулачками набрасывается на меня, лупит меня, ненавистно сверкая глазами.

- Вон!

Я виновато молчу, понурив голову. Но в чем, собственно, я виноват? Всем нам нужно осознать происшедшее, с чем-то смириться, что-то предпринять.

Я хочу успокоить ее.

- Не трогай меня, вон!

Она увертывается из-под моей руки и выскакивает из кабинета. Через минуту она влетает с ружьем наизготовку. Я оторопело смотрю на нее.

- Уходи, иначе...

- Настя...

Я делаю еще одну попытку пробиться в ее сознание. Это - истерика, ей нужно дать возможность прийти в себя. Я вижу, как она своим пальчиком взводит курок, чего-то ждет секунду-другую и вдруг, закрыв глаза, нажимает спусковой крючок.

Щелк.

А у меня млеют ноги, холодеет сердце. Ни единой мысли не приходит в голову, только страх.

Ружье не заряжено, потому-то я и жив. Выстрел прогремел лишь в моем воображении.

Это конец, край.

Настенька опускает ружье на пол, присаживается на краешек дивана и, обняв голову руками, только покачивается, как полоумная. Как мне быть? Что делать?

Разве нет ответа на эти вопросы? Этим беззвучным выстрелом Настя разнесла вдребезги наше “мы”.

Мы оба теперь мертвы.

Я ухожу, да, ухожу. Прощай, прошлое...

Я выхожу из подъезда и, не зная куда себя девать, некоторое время стою в раздумье.

Кто-то окликает меня, но у меня нет никакого желания ни с кем встречаться, мне не хочется вступать в разговор, отвечать на ничего не значащие вопросы. Куда теперь? - вот единственный вопрос, который я задаю сам себе.

В кафе, где я впервые повстречал Семена, ничего не изменилось. Не успеваю я сесть за свой столик, подлетает мой старый приятель - официант, который запросто говорит мне “ты”:

- Батюшки-ба! Кто пришел! Где ты пропадал?..

Мы сидим и толкуем о жизни, как сто лет назад, и уже через час-полтора его беспокоит, как я доберусь в таком виде домой.

- Тебя отвезти?

- Я сам...

Земля под ногами, конечно, качается, но дорогу домой я помню превосходно, дорогу к дому, где живет моя Настенька. Она будет мной недовольна: “Опять нализался...” А я выпил-то всего-ничего...

Когда я, наконец, переступаю порог и вхожу в квартиру, я не верю собственным глазам... Нет, этого не может быть... Надо же так напиться. Но у меня хватает сил поднять трубку и набрать номер:

- Приезжайте немедленно...

- Итак, Андрей Петрович, вы утверждаете, что выстрелили в потерпевшего с близкого расстояния?

- Я отвечал на этот вопрос трижды.

- Примерно с какого расстояния?

- Ружье оказалось заряженным.

- Вы это сделали из ревности?

- А как бы вы поступили?

- Вы поняли мой вопрос?

- Да. Примерно метров с трех-четырех.

- Расскажите еще раз, как это произошло.

Вторую неделю эта жаба выуживает из меня сведения об убийстве Семена. Его дурацкие вопросы (“Вы это сделали из ревности?”) просто бесят меня. Ему, вероятно, неведомо чувство ревности, вот он и спрашивает. Женщины наверняка не баловали его своим вниманием. Я думаю, что нет такой дуры, которая желала бы только взглянуть на этого головоногого моллюска.

Господи, какой урод!

- Вы все-таки утверждаете...

- Да что вы заладили свое “утверждаете”? Да, утверждаю!

- Зачем потерпевший пришел к вам?

- Я уже говорил: я лечил его.

- Вы утверждаете, что между потерпевшим и вашей женой это произошло?

- Да, она спала с ним.

- Как это случилось?

- Вы считаете, я мог держать им свечку?

- Вы убили ее ударом кулака?..

- Я уже рассказывал.

- Я говорил вам, что в случае признания вины вас ждет высшая мера наказания.

- Я сам ее жду.

- Почему вы ее не застрелили?

Он, болван, считает, что я могу стрелять на каждом шагу, в кого попало. Застрелить Настеньку было бы не в моих силах. Кто осмелился поднять на нее руку? Не мог же Семен убить Настеньку, а затем застрелиться сам.

- Этот Илья тоже жил у вас?

Семен не прикасался к ружью: на нем обнаружены только мои и Настенькины отпечатки пальцев.

- Расскажите еще раз, что вы обнаружили, войдя в квартиру?

Господи, он сведет меня с ума. Но я не отступлюсь от своего решения. Еще чего! И я рассказываю еще раз, как все произошло: "Это случилось в пятницу. На работе у меня неприятности, и я с радостью мчался домой, хотя там меня ждал только Семен с этим придурком..."

- С Ильей?

- С кем же еще? Вы не могли бы распорядиться принести мне пива? Знаете, десять дней без спиртного в вашей камере... Или вина, крепкого вина...

- Пива?..

- Или вина...

У него такая рожа, будто я прошу милостыню.

- Здесь распивать спиртные напитки запрещено. Продолжайте.

- А что не запрещено?

- Продолжайте.

Мысленно я уже много раз рассказывал себе эту историю. Собственно, здесь нечего рассказывать: выстрелив в упор, я убил Семена наповал. Настя бросилась на меня, ухватилась за ружье, и я ударил ее кулаком по голове, сам того не ожидая. Этого оказалось достаточно, чтобы она, не приходя в себя, скончалась. Причиной смерти стало, как оказалось на вскрытии, кровоизлияние в мозг. Рассказывая обо всем, что случилось, я не забываю сжимать пальцы и размахивать кулаком, вот, мол, как все произошло.

Вероятно, в моем повторном рассказе есть неточности, иначе зачем бы ему заставлять меня пересказывать одно и то же столько раз. Но, в конце концов, я устраняю все эти неточности, не такой уж я дурак, чтобы меня запутал этот бешеный бесшеий упырь.

- Где в это время был Илья?

- Я за ним не слежу.

- В чем Настя была одета?

Эту деталь я усвоил твердо:

- Кажется, в халатике...

- В синем или голубом?

- В белом... В белом!

Мне нужно делать вид, что я раздражен его назойливостью. Но я ведь действительно раздражен. Похоже, что он не верит мне, и впечатление такое, будто этот упырь хочет меня оправдать. Я не нуждаюсь в его оправданиях.

- Когда вы ее ударили...

Да я к ней пальцем не прикоснулся!

- ... она сразу же потеряла сознание?

- Она рухнула, как срубленная березка.

- И вы не пытались привести ее в чувство?

- Я обезумел и замер в ступоре, как пень. Как бревно.

- Вы полагаете, ее можно было спасти?

Ударом повреждено турецкое седло. Это практически несовместимо с жизнью. Нужно обладать огромной силой и известной ловкостью, чтобы повредить внутренние кости черепа, не изменив внешности.

- Вы ее любили?

Дурак!

Я смотрю на него так, что он и сам понимает: дурацкий вопрос.

- Что было потом?

У него совершенно нет шеи. Галстук на нем как удавка. Руки так и чешутся ухватиться за него и тянуть до тех пор... А эти выпученные и увеличенные стеклами очков глаза, а оттопыренные уши... И эти бородавки на щеках, на висках... Сказано же - жаба.

- Что вы на меня так смотрите, вы слышали мой вопрос?

- Вы мне становитесь отвратительны.

- Хорошо, закончим сегодня на этом...

Я возвращаюсь в камеру, ложусь на нары и закрываю глаза.

"Вы давно знакомы с Семеном?" - слышу я голос следователя.

О, Господи, не дай мне сойти с ума.

От сумасшествия спасают шахматы, небольшой-карманный квадратный коробок.

Рука уже автоматически следует в карман. Достаешь его, открываешь крышку, и когда открываешь глаза, поле рябит мелкими черными и белыми клеточками с дырочками в центре. Нужно высыпать пластиковые фигурки на ладонь и тут же ничего другого не остается, как выискивать по одной, сначала белые... Втыкаешь их ножками в эти самые дырочки и радуешься, как славно они организуют ряды, готовятся к бою.

Затем черные...

И когда вражеские станы встали наизготовку друг против друга, берешь на себя смелость сделать первый выстрел: e2 - e4! И теперь уже никакие следователи, ни прокуроры, ни защитники не способны повлиять на стратегию сражения. Трудность состоит только в том, чтобы своими огромными пальцами вытащить за головку белую пешку из своего гнезда, не нарушив порядок соседних. С пешками, этой мелюзгой, у меня всегда были проблемы. Как в жизни, так и в шахматах.

Сделаешь первый ход, повернешь доску так, чтобы стать противником белых, и думаешь над ответным ходом. Сразу же все голоса исчезают. Вдруг скрежет засова, заходит стражник.

- Что же дальше было? - этот вопрос я слышу вместо приветствия. Ему, как самому близкому, я рассказываю как было дело со всеми подробностями.

- Сыграем? - предлагаю я.

Игрок он некудышний, зато прекрасный слушатель.

- Вот, - говорит он, - твое пиво.

И усаживается рядом на нары.

- Ходи, - говорю я, - твои черные.

- Снова черные? Мне все равно.

Он берет шахматы.

- Что же было дальше?

- А на чем я остановился?

- Ну, тебя связали...

- Ах, да...

Я рассказываю ему историю путешествия по Индонезии. Я никогда не подозревал в себе такого фантазера.

- Лежу я, связанный, совсем голый, во рту кляп...
- Ходи, - говорит Федор, - на.
И сует мне шахматы.
- Пиво открыть? - спрашивает он и, не дождавшись ответа, открывает бутылку зубами.
- Во рту, значит, кляп, - продолжаю я, - от которого они меня освобождают и, усадив спиной к пальме, дают мне выпить из кокосового ореха.
- Сколько же их было?
Я рассказываю ему эту историю уже в третий раз, ему нравится слушать, он в восторге от проделок островитянок.
- Штук семь, - говорю я.
- Восемь, - уточняет он, - смуглянки?
- Да, мулатки...
- Молодые, голые...
Глаза у Федора сверкают, в правой руке у него бутылка с пивом, а левой он копается в паху.
- Или креолки, - говорю я.
- Ну и...
- И я чувствую, как через несколько минут меня наполняет зверское желание, у меня просто кожа лопается на этом...
- Правда?
- Ага. Меня укладывают на пальмовые ветви.
- Связанного.
- Ну да. И поочередно...
- Все восемь?..
- Семь, - говорю я, - без продыху...
Федор сидит, как статуя, только глаза широко открыты и, как у придурка, полуоткрыт рот.
- Слушай, - говорит он, вдруг заерзав на нарах и яро орудуя в паху рукой, - и девочки тоже?
- Ага, две или три... Со слезами на глазах. Совсем девочки.
- Три, - утверждает Федор.
- Кажется... Это было такое, такой ужас... Тебя когда-нибудь насиловали женщины?
- Не-а, - с явной досадой мотает он головой, затем, дернув кадыком и сглотнув слюну, прикладывается к горлышку бутылки и долго пьет.
- Ну и?.. - наконец произносит он.
- Ну и потом... ты все знаешь.
- Узел на руках ослабел...
- Да, я освободился от пут и почувствовал в руках такую силу, сознание помутилось, я обнял ее и душил до тех пор, пока ее тело не обмякло на мне.
- И они тебя не убили?
- Нет, ничего. Смеялись и вскрикивали, танцевали вокруг меня...
Федор верит, что все это было на самом деле. Он верит, что выстрелить в Семена или убить кулаком Настеньку - для меня пустяк.
Пусть верит...
Для него у меня есть еще несколько историй с убийством. Я их, так сказать, пробую на нем, чтобы самому поверить. Я их готовлю и для следователя, и для прокурора, и для защитника. Нужны мелкие, совсем незначительные подробности, которые придают моим историям правдоподобность.
- Чему же они так радовались?
- Наверное тому, что им достался белокожий. Ну и зелье на кокосовом молоке сыграло свою роль: они оседлали меня, как жеребца...
Жаль, что Федор не может просиживать у меня часами. Как бы привлекательны ни были мои рассказы, ему приходится идти в другие камеры. Тогда я снова втыкаю фигурки в гнезда доски и играю сам с собой. Эта игра доставляет мне огромное удовольствие, ведь никто другой не заменит соперника, которого ты носишь в самом себе. Попробуй его переиграть. Начну-ка я на этот раз вот как: g2 - g4. Что он на это ответит?
- Да, мне ясны мотивы вашего преступления, но вы ведь не убивали. Зачем вы берете на себя этот грех?
- Я - преступник...
- Вы не могли убить...
- Я убил.
- Ну хорошо. В котором часу вы вышли из дома?
- Было еще светло.
- В начале седьмого вас видела соседка, ребенка которой вы лечили.
- Может быть...
- А выстрел слышали около семи...
- Я не сидел и не выжидал, когда пробьет роковая минута...
- Перед самым вашим возвращением из кафе...
- Из кафе?
- Да вы ведь напились в кафе, а не дома, как вы утверждаете.
- Да.
- Как же вы могли убить около шести, если...
- Мог...
- ... если выстрел прозвучал около семи?
- Мог...
У черных тоже есть преимущество, когда играешь сам с собой, и состоит оно в том, что наперед знаешь задумку белых. Как ни крути, ни верти, как ни юли - сам себя не обманешь.
- Тогда зачем вы принесли это ружье?
- Я и сам себя об этом спрашиваю.
Через две недели вся эта катавасия с игрой в кошки-мышки наскучила. Ясно, что они берут меня на измор и хотят, чтобы я признал свою непричастность к убийству.
Зачем? Зачем мне эта непричастность? Я виновен. Видит Бог, как я виновен во всей этой истории со своим романом, с главным его героем, с Настенькой...
Только одному Богу известно, как я старался, сколько истратил сил, чтобы мы с Настенькой... И что же? Чего я добился?
Видимо, такие честолюбивые рвения не всегда оправданы Божьей милостью и оказываются по силам лишь немногим. Бог ведь не по силам не дает....
Освобожден за недостаточностью улик, и теперь я спешу свести счеты с жизнью: она без Настеньки превратится в муку...

Рустам Карапетьян

* * *

Шаг – и ты на сцену яркую.
Сотни глаз следят придирчиво.
Выдох-вдох, стоишь под аркою.
Влево шаг. Поклон улыбчивый.
В темноте не видишь лиц их,
Нервы на кулак намотаны.
С губ горящих вольной птицею,
Громко, гордо: «Кушать подано!»

Елена Лео

Глубокая осень

Листы кружились и опали,
На водной глади - крепдешин.
Казалось небо цвета стали
Линялым, мертвенным, большим.
В миноре травных увяданий
Был удручающий покой,
И лишь дожди слезу пускали
По ниве сонной и нагой.

Марина Дубровицкая

Осень

Хмельнее самого вина,
Простоволосая, босая,
Твои проказы, Осень, знаю.
Ведь я такая же сама.
Одежды золотые сбросив,
Шокируешь ты наготой
И недоступной, и простой.
Заманивая, оставляешь с носом.
Смеясь лучом любви последним
И плача проливным дождем,
Не сожалеешь ни о чем,
Не замечаешь, что стареешь.
Зима уж саван свой готовит.
И бог с ней! Тоже мне гроза!
Ей усмехается в глаза,
Минуты жизни Осень ловит.

E-mail: mmmarinee@rambler.ru

Рустам Карапетьян

***

В рассыпающейся
тиши,
Словно бы сквозь
плёнку
Желто-красный
асфальт шуршит,
Лужи хрустят
тонко.
Зябко ёжатся
фонари,
За ночь спалив
свечи.
Не осталось
огня внутри,
Да и разжечь
нечем.
Дождик, сумрачный
пианист,
Как нам с тобой
спеться?
Ляжет под ноги
мокрый лист -
Чьё-то ещё
сердце.

Евгений Гинзбург

Листком по ветру

Вновь парить листком свободным
В странном танце в вышине,
В бесконечности бездонной
С вольным ветром наравне!
Пролетать над городами
Мимо серых крыш домов!
Парусами-облаками
Чередой волшебных снов!
Ничего не замечая,
Не жалея ни о чём,
Появляясь, исчезая,
Став оторванным листом.
Если ты летишь по ветру -
Не смотри с тоскою вниз!
Не считай последних метров!
Лишь кружись,
кружись,
кружись!
Отрывайся от земного!
К солнцу, к звёздам в небесах!
К жизни,
к смерти,
к жизни снова!
К жизни... пусть в иных мирах!

Евгений Гинзбург

Сделай шаг

Если утром в глазах не сияют рассветы,
Если вечер рисует мрачной кистью закат,
Если снежной зимой нет в душе твоей лета,
Если птицы-года слишком быстро летят,
Если дни перепачканы серой тоскою,
Если ночи пусты, встречи так коротки,
Если песни ветров не зовут за собою,
Значит, стоит начать что-то с новой строки!
Алым крась паруса
Поднимись в небеса!
Закрывая глаза,
Лети!
Горизонта струна,
Вечных звёзд голоса,
Будут с тем, кто всегда
В пути!
Пусть надежда живёт за далёкой чертою!
Пусть дороги к заветной мечте не легки!
Пусть сомненья и страх камнем тянут в былое!
Всё равно сделай шаг, словно с новой строки!
Алым крась паруса,
Поднимись в небеса!
Закрывая глаза,
Лети!
Горизонта струна,
Вечных звёзд голоса,
Будут с тем, кто всегда
В пути!

Эсфирь Козлова

Бабье лето

Бабье лето, бабье лето!
Отчего же так назвали?
Оттого, что это лето
Не надежды, а печали.

Оттого, что солнце светит,
А тепла уж не осталось,
Оттого, что холод метит
Листья в желтую усталость.

Оттого, что это – осень,
Пауки уж ткут тенета.
Оттого что эта осень
Отголосок только лета.

***

Листья
падают, падают, падают,
И пожухла кругом трава.
Осень хмурая солнцем
не радует,
И морозом грозит зима.

Я люблю эту хмурую осень,
Я люблю перелетных птиц,
В небесах эту
светлую просинь,
Отблеск редкий
прощальных зарниц.

Виктор Плиев

Памяти детям Беслана

Вы - дети! Вы – Ангелы, умные дети!
Но в мире так много ненужного зла.
Оно не дремало в то знойное лето,
Чтоб выжечь сердца осетинам дотла.

Известны мы верой своей православной.
Она как святыня в кольце мусульман.
И доблесть – удел наш, таков наш путь славный,
И с нами казаки и их атаман.

В войну доказали свой доблестный выбор,
Когда наступал на Отчизну фашист.
Командовал нами талантливый Плиев,
Такой же великий, как в музыке Лист.

Наш выбор известен: с тобой мы – Россия!
Ты нас обогрела под братским крылом.
Но есть на Кавказе и темные силы,
Их стражи с опасным играют огнем.

Хочу я сорвать пред тобой покрывало,
Чтоб видеть детально порядок вещей.
Давайте помянем героев сначала,
От этого станет на сердце теплей.

Памятник «Детям Беслана»

Помянем спецназовцев русских как братьев:
Они заслоняли детишек от пуль.
Их женам вручили посмертно награды,
В Осетии помнит их каждый аул.

Затем вспомним каждое детское имя,
И чтобы молитва до Бога дошла.
Чтоб сердце унять появилась причина,
Иконка пусть смотрит на вас из угла.

Но видит насквозь материнское сердце
Того, кто отнял у неё сыновей.
Хоть ради детей, мать готова на жертвы,
Но мертвый не может запеть соловей.

Зло зрело в гареме богатом кавказском,
Точил свой кинжал кровожадный ингуш,
На жен он глядел вожделенно по-царски,
Коврами обвешан и скользкий, как уж.

Они появились в Беслане в День знаний
И каждый держал автомат при себе,
Чтоб детям Осетии много страданий
И ран нанести в перекрёстной стрельбе.

А солнце сияло на небе лучистом.
На школу упала рогатая тень,
Рука указала на детские лица,
И смех оборвался мгновенно в тот день.

Детей окружили вдруг черные маски,
Сломали руками в перчатках цветы.
К их лицам пошли бы фашистские каски,
Позор им теперь очень долго нести.

И поняли лучшие дети Беслана,
Как им одолеть кровожадных врагов,
Припомнили ловкого нарта Сослана,
И стойкость их крепла на зависть Богов.

Они поразили кавказцев суровых
Уменьем нести тяжкий крест до конца,
Не плакать от жажды, не плакать от крови,
Звеном став молитвы святого отца.

Затем взрыв раздался в захваченной школе,
Что стало сигналом к спасенью детей.
Они побежали сквозь бреши на волю,
Им в спины стреляли враги из щелей.

Убийства знакомы Седому Кавказу:
Они совершались в ущелье не раз.
Но то, что случилось в Беслане в День знаний –
Не знал злодеянья такого Кавказ.

08.09.2008 г., Санкт-Петербург

Плиев Виктор Владимирович

Я написал стихотворение памяти детям Беслана, находясь под впечатлением траурной панихиды у памятника «Детям Беслана», расположенного на территории белокаменной церкви «Успения Пресвятой богородицы». Это скорбное мероприятие состоялось 3 сентября. А 8 сентября это стихотворение было написано.

Ритм стихотворения я выбрал случайно, даже не задумываясь о нём. И только по прошествии нескольких дней обнаружил, что размер стиха полностью совпадает с Гимном России, написанным знаменитым писателем Сергеем Михалковым. Такое совпадение не может быть случайным. И, конечно, если бы я сразу же выбрал ритм Гимна, у меня бы ничего не получилось. Иначе такое явление называется Озарением. И меня не может не радовать это невероятное совпадение, что ещё раз подтверждает наше нерушимое единство с великой Россией.

Виктор Плиев

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

(Отрывок из романа в стихах)

Санкт-Петербург-2008

«Великий характер, явление, делающее честь человеческой природе в русском имени»
Виссарион Белинский о Ломоносове

Вступление

1 В эпохи наивысшего расцвета
Дала науке каждая страна
Механиков, философов, поэтов,
Являющихся светочью ума.
Они раскрыли многие секреты,
Себя лишая сладостного сна.
И мысль звучала их парадоксально,
Но их судьба, как правило, печальна.

2 Коперник, написав великий труд,
Стал славным сыном польского народа.
Чтоб избежать религиозных пут,
Он в лапы не спешил попасть Синода.
Когда же он пошел в последний путь,
Его творенье вышло на свободу
И разнеслось мгновенно средь толпы,
Всем доказав движение Земли.

3 Блистал Декарт идеями в Европе,
Иезуитов в глупости виня.
И церковь пребывала в вечной злобе,
Его идеи смелые кляня.
Его монахи вырастили, чтобы
Меж ним и церковью выросла стена:
Язык его их жалил, как рапира,
И между ними не могло быть мира.

4 А в Англии сверкал умом Ньютон,
Живя в глуши в деревне поэтической.
Когда упало яблоко, то он
Увидел в этом случай методический
И шишку потирая рукавом,
Открыл закон по физике классической.
Всегда деревня двигала прогресс,
И к ней сейчас повышен интерес.

5 В эпоху Возрождения в Италии
Писал трактаты тайные да Винчи.
Держа красоток ветреных за талию,
В легенду он вошел еще при жизни.
Кто из титанов выше был, не знаю я.
Осмыслить Ломоносова сквозь призму
Деяний этих гениев пора,
Чтоб радовалась даже детвора.

6 Михайло Ломоносов так огромен
Среди ученых славных всех времен,
Что замысел мой кажется нескромен,
Но перешел уж свой я Рубикон
И рад, что сверхзадачей я не сломлен,
И что душа моя горит огнем,
Что после колебаний, как и прежде,
Ко мне вернулись светлые надежды.

Глава первая

«Человеку на море первое испытание»

Василий Ломоносов

1 Забыта итальянская октава!
Глаголы в ней идут за строем строй
И рифмами становятся по праву;
У Байрона они полны игрой.
Я воспевал тенистые дубравы
Четверостишьем, но сюжет иной
Меня пуститься в сложности заставил,
И наступило время высших правил.

2 Октаве подарил досуг свой Пушкин
И доказал, что всем владеет он.
В своей поэме, высмеяв простушку,
Великим стал он, как Наполеон.
Октава эта - славная игрушка:
Ей можно написать чудесный том
О наших нравах, о делах прослойки,
В стихах коснувшись важной Перестройки.

3 На Северной Двине есть острова,
Которые синеют на просторе.
К их красоте не подобрать слова,
А рядом Белое сверкает море,
Игривое, как говорит молва.
Давным-давно суровые поморы
Открыли там богатый рыбой край,
Но жизнь помора - далеко не рай.

4 Родился Ломоносов на Курострове,
Лежащем, как пята у Холмогор.
И с детства полюбил народ свой он,
Торговлей рыбой живший – не в укор.
Как сын Петра вдали поднялся ростом он,
Чтоб потрясти талантом царский двор.
Но перед тем, как он попал в столицу,
Ему пришлось немало потрудиться.

5 Михайлу опекала в детстве мать –
Мадонною была под стать крестьянка.
Она его пускала поиграть
Со сверстниками в городки и бабки,
Где собиралась из мальчишек рать.
Но он спешил к отцу за мудрой байкой
И летом проводил дни на воде,
Где лодьи драил, как отец и дед.

6 Он в раннем детстве полюбил природу,
Зверей повадки знал и разных птиц;
Трепещущую рыбу брал охотно
Он на руки, чем веселил девиц.
Он на снегу читал следы свободно
Волков, медведей, зайцев и лисиц,
А косачей и глухарей порою
Пугал, идя таежною тропою.

7 Охотники и птицеловы в дом
К ним заходили в гости то и дело.
И выбегал к гостям веселым он,
Чтоб мех потрогать золотистый белок,
Смеясь и важно слушая о том,
Как выдру бьют на Пинеге умело.
Средь разговоров памятных и грез
Он незаметно рос среди берез.

8 Любил бродить по острову Михайло:
То в Ельник знаменитый заходил,
То на угор с ребятами взбирался,
То по лугам один совсем бродил,
То к речке Холмогорке вдруг спускался,
То к Курополке с удочкой спешил –
Так протекали средь просторов двинских
Его деньки не хуже, чем у принцев.

9 Василий Ломоносов был хозяин!
Новоманерный он завел гукор,
Когда свод вышел царских указаний
Не строить лодьи прежние. С тех пор
Он следовал указам предписаний,
На дело он был тароват и скор,
Хоть грамоты не знал со дня рожденья,
Зато удачу знал он и везенье.

10 Он сына начал брать лет десяти
На промыслы опасные морские,
Надеясь в нем опору обрести.
И ветры изучив береговые,
Сын возмужал, как аргонавт в пути.
Я домыслы вам не пишу пустые:
Об этом и легенды говорят,
Которым может каждый доверять.

11 Какой мальчишка не мечтал зуйком
Пойти на море Баренцево,чтобы
Участвовать вновь в плаванье крутом,
Харибды не боясь и Циклопа.
Они вносили счастье в каждый дом
И обладали смелостью особой:
За мачту не касаяся рукой,
Как флюгеры, вращались над водой.

12 На Севере дышало все Петром,
Что позволяло верить в счастье людям.
А как умело управлял рулем
Помор лихой, который правил судном.
Вы не узнали бы Михайлу в нем.
А парус ветер надувал попутный,
И их гукор стремительно летел
К Архангельску, как благодушный шмель.

13 Но не прошло и года, как Михайло
В Архангельске вновь верфи посетил,
Но шума в них веселого не стало,
Не слышно стало топоров и пил.
На верфях жизнь навечно замирала,
Которою Архангельск вольный жил:
Ветшали и чернели мастерские,
Настали для рабочих дни лихие.

14 Но стоило верст двадцать по Двине
Еще проплыть вдоль чахлых берегов,
И снова, как легенда, о войне
Напоминала крепость, цепь и ров.
Поморы не забыли о том дне,
На цепь глядели, вспоминая вновь
Восторженно о подвиге высоком,
Который спас Архангельск наш далекий.

15 Прошло почти три века с той весны,
Но как не вспомнить Дмитрия Борисова
И Рябова. Вам снились может сны,
Как гениально Германом описано
Сраженье то на берегах Двины.
Как много фактов в книге той нанизано,
Вплетаясь в интригующий сюжет,
Ему бы позавидовал поэт.

16 Конечно, пишем тоже мы занятно,
Хоть никому не удается стать
Великими, как Пушкин, что понятно:
Пусть Лермонтов один ему под стать.
Себя поэту каждому приятно
К плеяде этой робко причислять.
Но где же грандиозные поэмы,
Чтоб в них решались смелые проблемы?

17 Но я вам обещал вернуться к драме,
О ней готов писать и день, и ночь.
Клянусь правдивым быть, как на Коране,
Правдивость очень может мне помочь,
Чтоб тема зазвучала, как в романе,
Чтоб чувствовалась вражеская мощь.
Так наступали, пушки спрятав, шведы,
Стремясь перечеркнуть Петра победы.

18 Укрыв солдат и пушки на фрегате,
Подняв на флагмане английский флаг,
Пытались шведы ночью, как пираты,
Войти в Двину, взяв лоцманов на бак.
Хоть шведы обошли почти преграды,
Не смог войти к нам незаметно враг,
Благодаря отваге русских лоцманов.
Они хитрее оказались боцманов.

19 И стали шведы русским объяснять,
Которые вели их корабли,
Что до рассвета им нельзя стоять.
Они уже до крепости дошли
И обмануть хотели всех подряд.
Они примеров много привели,
Как бойко развивается торговля
Мануфактурой или рыбной ловлей.

20 Но лоцман русский понял, в чем тут дело,
Повел фрегат, чтоб посадить на мель,
Вслед за фрегатом яхта тоже села,
А лоцман только этого хотел.
Душа победой и отвагой пела.
Но был печален Рябова удел:
Он был расстрелян шведами на месте
С Борисовым, герои пали вместе.

21 На крепости взвился сигнал тревоги,
И пушки били дружно без помех,
И флагман скоро принял вид убогий,
Как будто простоял там целый век.
Уберегли так царские чертоги
Солдаты двинские. Такой успех
Порадовал Петра в его столице:
Им поклониться царь хотел с царицей.

22 А что же Рябов, опытнейший лоцман?
Он жив остался в схватке роковой,
Восход встречая огненного солнца:
В грудь ранен был он пулею шальной.
И разорвались вековые кольца,
Мешавшие вести нам торг морской.
И стало чистым ласковое небо,
А море гладким, как краюха хлеба.

23 Свидетелем Михайло был тех лет.
Они пересеклись с моим кумиром.
И подвиг этот видел он как свет,
Связавший Русь со всем культурным миром.
Гукор же, совершая дальний рейд,
Шептал волне, как шепчет нежно лира,
Спеша с товаром ценным в Соловки,
Где всем поморам с Богом быть с руки.

24 Михайло ускользал всегда с вечерни,
Чтоб в сладостной печали побродить,
Сверяя мир с открытой мыслью верной,
Чтоб лабиринты снова посетить.
Три лабиринта щекотали нервы:
Причудлив был их строгий вещий вид,
Таинственный, как их предназначенье,
Сокрытое с начала исчисленья.

25 Сложили их из гладких валунов
Давным-давно - их авторы забыты.
Они не выше стриженых кустов
И вереском причудливым покрыты,
Кто в них войдет, тот выйдет вскоре вновь,
Идя вперед без путеводной нити:
Ведь человек построил древний их,
Чтоб в них искать присутствие святых.

26 Напоминал подкову лабиринт,
Он был других значительно крупнее,
И по нему шел смелый следопыт,
Под тяжестью веков чуть-чуть робея;
Второй - имел совсем округлый вид,
Имел и тупики и был сложнее,
А третий на улитку был похож,
Иль на спираль, когда в нее войдешь.

27 Бродил Михайло долго по дорожкам,
Понять пытаясь странный их секрет,
То приближаясь к центру осторожно,
Встречая в нем малиновый рассвет.
Но угадать культ веры было сложно,
Не очень веря в Бога с юных лет.
Хоть вера вносит в жизнь разнообразие,
Когда вдруг притупляется фантазия.

28 Но заходил не только в Соловки
Отец на перегруженном гукоре.
Он достигал Мизени вдоль реки,
Когда бывал на Баренцевом море,
Где в бурных волнах гибли моряки,
Где, как у мыса Гори, шумели штормы.
Когда ж они вошли в Двину опять,
Нашел в горячке сын родную мать.

29 Она скончалась через девять дней,
Остался дом помора без хозяйки.
Михайло лишь печалился по ней.
Хоть под рукою было все в достатке,
Не стало слышно ласковых речей.
Отец женился вскоре на крестьянке,
Но мачеха недолго прожила
И от простуды тоже померла.

30 Когда вернулся с промыслов отец,
То подыскал себе вдову другую.
Сосватали проворно, под венец
Пошла вдова бедовая, ликуя.
Михайло был расстроен тем в конец:
Не мог забыть, конечно, мать родную.
Такая забрала его печаль,
Что всем соседям стало парня жаль.

31 Неграмотным ходил Михайло в море,
Но вот проснулась тяга к книгам в нем,
Которых не хватало, как на горе,
В безграмотной России тех времен.
С самим собой любил Михайло спорить,
Пытливый ум забил в душе ключом,
Но нужно было грамоте учиться,
Чтоб к сочиненьям мудрым приобщиться.

32 Сперва учил его Иван Шубной,
Затем дьячок в архиерейском доме.
Учился он с охотою большой,
И пал дьячок ему смиренно в ноги,
Ученика заверив всей душой,
Что знает он псалтырь, а также кроме
Читает баз ошибок часослов,
А больше знать нельзя - и был таков.

33 Но знаний тех, конечно, было мало,
Хоть стал он и заправский грамотей:
Односельчане обращаться стали
За помощью к нему и без затей
Бумаги сочинял им славный малый.
Но страсть к познанью ум жгла все сильней.
И он к старообрядцам потянулся
И в мир их незаметно окунулся.

34 Культура их достигла высоты,
Но оставаясь в рамках схоластических,
Она была бедна до тошноты,
Хоть на людей влияла так магически.
Под переплетом, полным красоты,
Михайло не нашел идей логических.
Как будто ни Коперник, ни Ньютон
Попам не говорили ни о чем.

35 Читая книги в тех монастырях,
Все больше убеждался Ломоносов,
Что смысл их лишь в путанных словах.
Живая мысль полна была вопросов,
Она искала выхода, но крах
Его святых исканий выбил грезы.
Бунтарский дух возник из ничего,
И ум великий Богом стал всего.

36 Михайло знал легенду о Петре,
Он посещал его места родные,
Что жил в простой избе, а не в шатре,
Вопросы задавая непростые.
Что люд живой поднялся при царе:
Ценились ум и руки золотые.
Царь приближал людей не по чинам,
А бороды боярам резал сам.

37 Казалось, так недавно Петр I
С Бажениным здесь сладко пировал
На острове, где посадил он кедры
В честь кораблей, которые встречал.
И Петр стал разумности примером:
Народ простой к себе он приближал,
Ему дорогу открывая к званиям,
И за границу посылал за знанием.

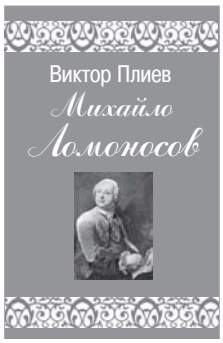
38 Не мог такой великий человек
Не пробудить на Севере таланта
И чтоб тому сопутствовал успех.
Экзамен царский повышал тем шансы,
Кто знанием владел в петровский век,
Надменного оставив с носом франта.
Михайло знал: давно ему пора
Отправиться в великий град Петра.

39 Но Ломоносов долго колебался,
И рыбный проводил с тоской обоз,
А ночью незаметно вдруг собрался;
Была метель, снег жалил роем ос.
К Фоме Шубному быстро он добрался,
Его давно Михайло перерос.
Не ждал его Фома, но в этом ль дело?
Стояли холода и жгли метели!

40 Лик юноши сиял величьем Феба:
Решился, невзирая на мороз.
Полукафтанье, три рубля и хлеба
Фома вручил Михайле, как Христос.
Обоз ушел, метель сверлила небо,
Но у Фомы он счастлив был до слез.
Прощаясь, прослезился не на шутку
И путь пошел далекий, тяжкий, жуткий.

41 Шагал Михайло с песнею в душе,
Он знал давно свое предназначенье.
Кружился снег, мороз трещал уже,
А он шагал, как богатырь, в сраженье.
На дальнем волки выли рубеже,
Но не было в душе его смятенья:
Свободою дышала жадно грудь
И не казался страшен дальний путь.

Готовится к выпуску



Михайло Ломоносов.
Роман в стихах. Виктор Плиев, 2009. - Нордмедиздат: С.-Петербург. - 160 с.

«Мой покоя дух не знает»
М.В.Ломоносов

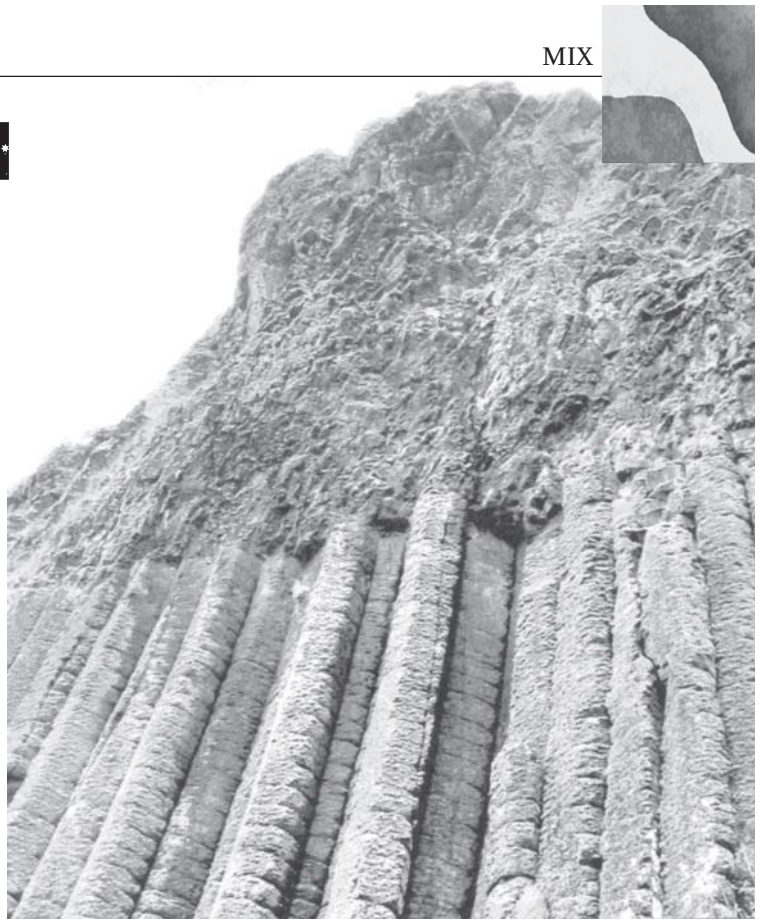
Посвящается
300-летию со дня рождения
величайшего русского гения
Михаила Васильевича
Ломоносова

Виктор Плиев:
«Ощущение легкости, молодости и вдохновения не покидало меня до тех пор, пока я не закончил работу над романом. Хотелось бы, чтобы состояние легкости плюс успеха как можно дольше нас с вами не покидало, мой дорогой читатель».

Заказ книги: 516-11-69
medizdat@mail.wplus.net

Место рождения
Михайла Ломоносова

МОСТОВАЯ ГИГАНТОВ



Главная достопримечательность Ирландии находится на ее северном побережье в графстве Антрим. К морю спускаются огромные скалы, состоящие из вертикальных шестигранных колонн. Каждая колонна имеет поперечный размер около полуметра. Их точная геометрическая форма и строго вертикальное положение ставят в тупик ученых, пытающихся выяснить происхождение этого природного феномена, а также привлекают тысячи любознательных туристов со всего света. Места, где высота колонн приблизительно одинакова, очень похожи на мостовую гигантских размеров. Это обстоятельство и дало название Мостовой гигантов.

Легенда гласит, что мостовая была построена ирландским гигантом Финном МакКулом. Он построил ее, чтобы перейти море и сразиться со своим соперником - Финном Галлом. МакКул вгонял колонны по одной в морское дно и, закончив работу, решил передохнуть. Тем временем Финн Галл сам пришел в Ирландию, чтобы посмотреть на своего соперника. Он был поражен и напуган размерами спящего гиганта. К тому же жена МакКула сказала ему, что это всего лишь ее сын. Финн Галл представил себе, как велик отец этого ребенка и, испугавшись за свою жизнь, поспешно вернулся в Шотландию. Чтобы МакКул не смог его догнать, он разрушил за собой мостовую.

К Мостовой Гигантов ведут дороги из Белфаста (около 80 км) и из Лондондерри (около 56 км).

Источник информации:
Все о чудесах природы.
Удивительные места мира. -
СПб: СЗКЭО, 2008. - 208 с.

Валентин Лядащев

КАЛОШИН

Рассказ

Сегодня у Игоря Борисовича было некое событие. Его пригласил по старой памяти Максим Витольдович. Они устроились в новомодном кафе. Всё здесь для Игоря Борисовича было необычным: текила, гамбургеры, хрустящий порционный картофель, лимонад с незнакомым вкусом. Кафе было дорогое, и народу много.

Игорь Борисович руководил низшим звеном – производством, а Максим Витольдович, когда-то работавший у них, работал в тресте.

- Как дела? – спросил Максим Витольдович. – Кого взял вместо ханыги?

До этого начальником охраны был Резвухин, которого иначе как Трезвухин не звали, потому, что он не просыхал. Пропивал всё, что было возможно. Пришлось от него избавиться.

- Взял тут одного бывшего военного, – ответил Игорь Борисович. – Фамилия Калошин. Не пьёт. Но у этого другая крайность. Он развил такую деятельность, наплодил столько бумаг. По каждому случаю у него инструкция, а без случая – письменное указание.

- А! Он у тебя штабист.

- Да, действительно, был начальником штаба батальона. Как ты догадался?

- Знаю я эту породу. Они создают иллюзию работы, а на самом деле – работы никакой. Строевые офицеры их за это и любят. Гони его в шею!

- За что же я его выгоню? Внешне прицепиться не к чему.

- Знаешь что... Давай переведём его ко мне. Повышение – не откажется. У меня вакантно место заместителя начальника охраны. А месяца через два планируется сокращение штатов. Вот мы его и урежем.

- Мудро! Согласен.

Через месяц Калошин был уже в главке. Приятели снова встретились в том же кафе. Игорь Борисович уже был не в восторге от импортной пищи. Он с грустью думал: «Опять эта химия. Поесть бы наших щец покислее!»

А Максим Витольдович спросил:

- Ну, что, не тошнит от ценных указаний?

- Слушай, задолбал совсем! Циркуляры строчит с неимоверной скоростью.

- Твоя инициацива выдвинуть его.

- Да кто же знал? Я его с начальником главка оставил всего на пять минут. Как он его за пять минут так охомутал, что тот взял его в главк? Не понимаю!

Тут на днях замминистра в главк приезжает. Ведь он может и ему без масла в задницу залезть...

- Так надо молиться, чтобы так случилось!

- Если он ещё из министерства начнёт бумаги гнать – хана! Хотя там такая псарня, его быстро сожрут.

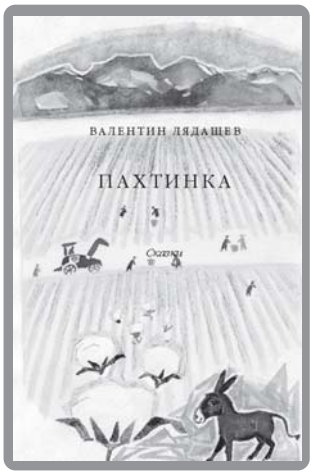
- А если нет?

- Да, сели мы в галошу с этим Калошиным!

Валентин Лядащев

О себе: родился и вырос в Ленинграде. Пишу более 30 лет. Участвовал в четырёх конференциях молодых писателей Северо-Запада. Выпустил вторую книжку. Печатался в десятке журналов и сборников. Член-корреспондент академии им. Г.Р. Державина. Член межрегионального союза писателей.

Художник - Павел Шакурин



Пахтинка. Сказки.
Лядащев Валентин, 2008. - Нордмедиздат: С.-Петербург. - 20 с.

ПРО ХИТРУЮ РЫБКУ

Сказка (из сборника)

Было это ни далеко ни близко. В прозрачной речушке царствовала старая Щука.

И такая она была прожорливая, что каждый день съедала десять молоденьких рыбок.

Не было совсем от неё житья, никто не играл в догонялки, а все прятались в камышах и сидели тихо. Но и это не помогало. Наступал новый день, и снова десять рыбок пропадали в её зубастой пасти.

В один из дней Щука бросилась на маленькую рыбку, но рыбка увернулась и произнесла:

- Царица Щука, у Тихого омута есть рыбка – загляденье! Раз в сто меня красивее. И вся она на солнце блестит и играет. Увидишь – плавники немеют. А вкусна наверно? И главное хвастается: «Кто для меня Щука? Я её не боюсь и подчиняться не буду!»

- Что? – Щука сначала внимательно слушала, а потом пришла в бешенство. – Не боится?! – и рванулась к Тихому омуту.

Рыбка появилась неожиданно перед самым носом. Она и правда нахально блестела своими украшениями и не останавливалась, когда Щука приказала остановиться.

- Ах ты так! – царица схватила её зубами и была вытащена на берег. Рыбка оказалась блесной.

Так хитрая рыбка спасла речушку от Щуки.

ВОРОБЬИШКО ПРИПРЫЖКА

Сказка (Из сборника)

Воробьишко Припрыжка прыгал, прыгал в дверях стоявшего на кольце трамвая, пока двери не закрылись. Целую остановку он носился в ужасе по вагону; когда двери распахнулись, вырвался на свободу и заорал от радости. Его окружили местные воробьи.

- Ты откуда?

- Ты чей?

Припрыжка сначала испугался. Вдруг будут бить? Видя, что окружившие его воробьи миролюбивы, приободрился. Его стали угощать:

- Хочешь муху?

- Хочешь семечко?

Припрыжка съел и то и другое, от семечка только шелушки полетели в разные стороны.

- Нет, у нас и город больше вашего, и мухи жирнее, и семечки крупнее. Ему стали носить мух и семечки.

- Попробуй эту.

- Попробуй это.

Припрыжка важно устроился на ветке и на вопросы: «Ну как?» - нагибал голову к корму, склёвывал, после этого скособочивал клюв и чирикал:

- Не, ребята, в нашем городе всё крупнее!

Андрей Минеев

ВАНЯ

Из трубы столбом вился дым. Была непроглядная темная ночь. На небе мерцали редкие звезды.

В окне горел свет. Возле новогодней елки сидел маленький серьезный мальчик Ваня. Отложив книгу с картинками удивительных заморских зверей, он посмотрел в черное окно.

Бескрайне лежит холодная снежная равнина. На холме стоит одинокое дерево. Воет ветер, кружит метель.

Отвернувшись, Ваня равнодушно взглянул на подарки и задумался. Сегодня была самая необыкновенная ночь в году, когда происходят чудеса, а с ним за всю его жизнь ни разу ничего волшебного не произошло.

...За маленьким узким оконцем падает снег. На грязном полу в навозе и помоях лежит жирная неповоротливая серая туша. Толстая кожа покрыта щетиной. Клинообразная голова с обвислыми ушами. Хрящеватый пятак с ноздрями, шумно втягивающими вонючий воздух. Короткие торчащие по бокам ноги, свернутый колечком тонкий хвост. Внезапно проснувшись, свинья хрюкнула. Открыла маленькие заплывшие глазки. Лениво попробовала оторваться от пола. Взбрыкнула, глухо стукнув по дощатому полу тяжелыми раздвоенными копытами.

В конуре лежит старый ласковый пес Дружок. Ему не спится. Воет ветер, холодно. В соседских дворах пролаяли собаки. Вскочив, Дружок хотел было тоже залаять, но потоптался, потянул носом морозный воздух и снова лег. Грустно положил голову на лапы. Он тоскует. Валяется пустая миска. Болтается на крючке консервная банка. Он грустно смотрит на светлое окно, в котором серьезно читает книгу Ваня. Как бы ему хотелось сейчас, как раньше, кинуться в его объятия. Но теперь Ваня мало играет с ним. Грустно моргнув, Дружок сунул нос под лапу и закрыл глаза.

Скрипнула дверь, зажегся фонарь над крыльцом. Вырвался, клубясь, теплый пахнущий кухней воздух. Выскочив из конуры, Дружок радостно бросился к мальчику. Ваня грубо спихнул его ногой со ступенек и подумал: «Разве у нас животные? Свиньи, собаки какие-то... Вот там настоящие животные!»

Виляя хвостом, Дружок стал ждать, когда Ваня пойдет обратно. Нетерпеливо вертелся на месте. А потом неожиданно замер. Донеслись странные звуки и запахи. Дружок поджал хвост, проскулил и спрятался в конуре.

Скоро Ваня прошел обратно, поднялся на крыльцо, дернул дверь и вошел. Услышал сверху писк и удивленно поднял голову.

Весь потолок был плотно увешан большими сложенными черными зонтами. Иногда они пошевеливались, раскрывались, пищали. Под раскрывающимися зонтами виден был мягкий каштановый мех амазонского вампира.

Медленно неуклюже вылез броненосец на толстых ногах в складках грубой кожи, в пластинчатом панцире, с волочащимся по земле мясистым треугольным хвостом.

На кухне прыгали собакоголовые бабуины и павианы, хватали ложки и чашки, кусали их и разбрасывали. Ругались и толкались, резко крича и оскаливаясь.

Над ними на шкафу пронзительно раздраженно кричал, скоро переступая с ноги на ногу и часто кивая хищноклювой головой, ярко раскрашенный тропический попугай.

Отовсюду стали показываться морды. Высунулось ухмыляющееся желтое мурло хульмана в черном капюшоне. Показалась черная морда с белыми бакенбардами свирепого красношерстного гусара. Усатая пятнистая морда ирбиса. Пугливый взгляд и высокий морщинистый лоб капуцина. Злые индийские сатиры с лишенными мимики, словно маски, человеческими лицами. Покрытый наростами и бородавками, с вывернутой носовой пластиной, сверкнул черными глазами гвианский упырь.

В кресле разлеглась огромная черная горилла. Задумчиво угрюмо глядя вокруг, потянулся, открыл шкаф, медленно задумчиво перебирал и разбрасывал вещи, белье. Взял альбом, из него высыпалась стопка фотографий. Переворачивая картонные листы, стал равнодушно разглядывать свадьбы, рождения детей, похороны.

У его ног села злая раздражительная руконожка. Гримасничая, брала рассыпанные фотографии, вертела перед своим носом, фыркала и бросала или рвала.

Рядом сидел фавн, флегматично перебиравший колоду карт. Его все толкали, но он лишь тихо рычал и отодвигался подальше.

Везде витала мучная пыль. Поднимался тяжелый удушливый смрад испражнений.

Весь в грубой свалявшейся шерсти, с невероятно длинными серповидными когтями, развалившийся в глубокой перине на бабушкиной кровати, грязный ленивец медленно повернул маленькую голову на длинной толстой шее. У него была недоуменная заспанная рожа с мутными глазами.

Под кроватью улыбнулось внимательно наблюдавшее за всеми подковоносое зубастое рыло с обвислыми свиными ушами.

...Резкий переменчивый ветер, липкий снег. Вертится флюгер, растет сугроб над собачьей будкой.

Давясь слезами, Ваня выскочил из дома и, поскользнувшись, упал на ступеньках. Дружок проснулся и бросился к нему. Ваня вытащил из-за пазухи последний вырванный у жадной руконожки кусок праздничного бабушкиного пирога. Дергая головой, Дружок жевал и глотал. Радостно размахивая хвостом, лизал лицо и руки. Обнимая его, Ваня плакал:

-Дружок! Только ты меня любишь. А они все... Прости меня, пожалуйста! Я тебя никогда больше... Они все плохие. Дружок, знаешь...

Раздался резкий свист, визг и хохот. Зазвенела игрушками и упала елка. В окне метались тени. Там кипела драка.

Перевод с английского, выполненный Киревичевой Л.В.

Макс Шульман

ЛЮБОВЬ

— это логическая ошибка

Я долго домогался Полли Эспай. Позвольте уточнить, что моё желание этой молодой женщины по природе не было эмоциональным. Конечно, она была девушкой, способной возбудить чувства, но я не таков был, чтобы позволить своему сердцу управлять моей головой. Полли была нужна мне по дальновидно рассчитанной, целиком умозрительной причине.

Я был первокурсником юридического факультета. Через несколько лет я должен был стать практикующим юристом и был хорошо осведомлён о важности правильного выбора жены для будущей карьеры юриста. Успешные юристы, как я заметил, были почти без исключения женаты на красивых, грациозных, умных женщинах. Полли, за одним исключением, прекрасно соответствовала этим характеристикам.

Она была красива. Она ещё не достигла своих очаровательных пропорций, но я был уверен, что время пополнит их недостаток. Задатки этого уже имелись.

Она была грациозна. Грациозной я называю существо, полное изящества. У неё была прямая осанка, лёгкость походки, самообладание, что ясно указывало на породистость. Её поведение за столом было безупречно.

А вот умной она не была. Скорее, она была противоположной направленности. Но я верил, что под моим руководством она поумнеет. В любом случае, стоило попытаться.

В конце концов, легче красивую глупую девицу сделать умной, чем уродливую умную —красивой.

Моё первое свидание с Полли было по своей природе наблюдением; я хотел выяснить, как много работы мне предстоит, чтобы подтянуть её к требуемым мной стандартам. Прежде всего, я пригласил её на обед.

«Классно, замечательный обед», — сказала она, когда мы вышли из ресторана. Затем я пригласил её в кино. «Клёво, чудо, а не кино», — сказала она, когда мы вышли из кинотеатра. А затем я пригласил её домой. «Улёт! Я провела сенсационнейшее время», — сказала она, когда желала мне доброй ночи.

Я вернулся в свою комнату с тяжестью на сердце. Я глубоко недооценил сложность своей задачи. Недостаток знаний у этой девушки был ужасающим. Прежде всего её надо было научить *думать*. Это выливалось в проект немалых размеров, и сначала я попытался вернуть её Пете*. Но потом я поразмыслил о её явном физическом шарме и о том, как она входит в комнату, как управляется с ножом и вилкой, и решил предпринять усилие.

Я подошёл к этому, как мне это свойственно во всём, системно. Я преподнёс ей курс логики. Так случилось, что я как студент юридического факультета сам в это время проходил курс логики, поэтому мог касаться фактов «кончиками пальцев». «Полли,— сказал я ей, когда встретил её на нашем следующем свидании,— сегодня мы пойдём в бар и поговорим».

«О-о, клёво», — ответила она. Одно скажу я об этой девушке: едва ли вы найдёте другую столь покладистую.

Мы пришли в бар, университетское место свиданий, и сели под старым дубом; она выжидающе посмотрела на меня и спросила: «Так о чём мы будем говорить?».

«О логике».

Она подумала с минуту и решила, что это её устраивает. «Шик», — сказала она.

«Логика, — прокашлявшись заявил я, — это наука о мышлении. Перед тем как суметь правильно мыслить, мы должны сначала научиться узнавать частые логические ошибки. Эти ошибки мы и рассмотрим сегодня».

«Вау-вау», — вскрикнула она, радостно хлопнув в ладоши.

Я вздрогнул, но храбро продолжил. «Прежде всего давай рассмотрим логическую ошибку, называемую ***Dicto Simpliciter***».

«Тип-топ!», — подстегнула она, усиленно хлопая ресницами.

«*Dicto Simpliciter* означает аргумент, основанный на ничем не ограниченном обобщении. Например: физические упражнения полезны. Следовательно, все должны заниматься зарядкой».

«Я согласна,— сказала Полли серьёзно. Я считаю зарядку замечательной. Я думаю, она формирует тело и всё прочее».

«Полли», — мягко возразил я, — аргумент является ошибкой. *Физические упражнения полезны —*

* Петя Белов — парень, который искал расположения Полли

это неограниченное обобщение. Например, если у вас больное сердце, физические упражнения могут оказаться вредными, а не полезными. Многим людям доктора предписывают не делать физических упражнений. Вы должны *уточнить* обобщение. Следует сказать, что *обычно* физические упражнения полезны, или что физические упражнения полезны *для большинства людей*. Иначе совершается ложный вывод *Dicto Simpliciter*. Понятно?»

«Нет, — призналась она, — но это кайфово. Продолжай! Продолжай!»

«Будет лучше, если ты перестанешь тянуть меня за рукав», — заявил я ей, и когда она успокоилась, продолжил: «Следующий ложный вывод, который мы рассмотрим, называется ***Поспешное обобщение (Hasty Generalisation)***. Слушай внимательно: ты не умеешь говорить по-французски; я не умею говорить по-французски; Петя Белов не умеет говорить по-французски. Следовательно, можно сделать вывод, что никто в университете Миннесоты не умеет говорить по-французски».

«Правда?, — удивилась Полли. — *Никто*?»

Я подавил своё отчаяние. «Полли, это ложный вывод, логическая ошибка. Обобщение делается слишком поспешно. Слишком мало примеров для подтверждения такого вывода».

«Называй ещё логические ошибки! — с волнением попросила Полли. — Это даже интереснее, чем дискотека».

Я поборол вновь нахлынувшее отчаяние. Я ничего не добился с этой девицей, абсолютно ничего. Видимо, я не умею быть настойчивым. И я продолжил: «Следующим будет ***Post Hoc*** *sed Propter Hoc (После этого, но не вследствие этого) (лат.)*. Послушай: давай не возьмём Билла на наш пикник. Каждый раз, как мы берём его с собой, идёт дождь».

«Я знаю ещё таких! — воскликнула Полли. — девушку из моего городка, её зовут Эула Беккер. Это всегда срабатывает. Стоит взять её на пикник ...»

«Полли! — прервал я резко. — Это ложный вывод. Эула Беккер — не *причина* дождя. У неё нет связи с дождём. Ты виновата в ***Post Hoc***, если порицаешь Эулу Беккер в связи с дождём».

«Я никогда больше не буду, — пообещала она покаянно. — Ты злишься на меня?»

Я вздохнул. «Нет, Полли, я не злюсь».

Тогда расскажи мне ещё о логических ошибках».

«Хорошо. Давай рассмотрим ***Противоречивые предпосылки (Contradictory Premises)***.

«Да, давай», — чирикнула она, радостно моргнув.

Я нахмурился, но двинулся вперёд. «Вот пример противоречивых предпосылок: если Бог может всё, может ли он создать такой тяжёлый камень, что сам будет не в состоянии поднять его?»

«Конечно!» — мигом ответила она.

«Но, если он может всё, он может поднять камень», — отметил я.

«Да-а, — произнесла она задумчиво. — Догадываюсь, он не может создать такой камень».

«Но он может всё», — напомнил я ей.

Полли почесала свою хорошенькую пустую головку. «Я совершенно запуталась», — признала она.

«Ещё бы. Потому что, когда предпосылки аргумента противоречат одна другой, нет и аргумента. Если имеется непреодолимая сила, не может быть не сдвигаемого объекта. Если есть не сдвигаемый объект, нет непреодолимой силы. Ясно?»

«Расскажи мне побольше о таких необычных вещах», — горячо попросила она.

Я взглянул на часы. «Думаю, на сегодня хватит. Сейчас я провожу тебя домой, и ты ещё раз вспомнишь всё, что узнала сегодня. Завтра вечером позанимаемся ещё».

Я доставил её в женское общежитие, и она заверила меня, что провела потрясающий вечер, а я мрачно пошагал в своё жилище. Казалось очевидным, что мой проект близок к провалу. Девушка имеет голову, не проницаемую для логики.

Но потом я передумал. Раз уж я потерял один вечер, я могу потерять и ещё один. Кто знает? Может быть, в потухшем кратере её сознания ещё тлеют горячие угольки. Может быть, я смогу каким-то образом раздуть из них пламя. Признаться, эта перспектива внушала мало надежды, но я решил сделать ещё одну попытку.

Сидя под дубом следующим вечером, я объявил: «Сегодня перед нами следующая логическая ошибка, называемая ***Из сострадания (Ad Misericordiam)*** (лат.).

Полли вздрогнула от восторга.

«Слушай внимательно, — сказал я. — Человек хочет устроиться на работу. Когда начальник спрашивает его об имеющейся квалификации, он отвечает, что дома у него жена и шестеро детей, жена безнадёжно тяжело больна, детям нечего есть, нечего носить, нет ни башмаков у них, ни постельного белья в доме, ни угля в подвале для топки печи, а на носу зима».

По слезе скатилось с каждой из розовых щёчек Полли. «О, это ужасно, ужасно», — расплакалась она.

«Да, это ужасно, — согласился я, — но это не аргумент. Мужчина совсем не ответил на вопрос начальника о его умениях, квалификации. Вместо этого он апеллировал к симпатии начальника. Он совершил логическую ошибку *Ad Misericordiam*. Понятно?

«Есть у тебя носовой платок?» — всплакнув, спросила она.

Я вручил ей носовой платок и попытался отвлечь её от всхлипываний, пока она вытирала глаза. «Дальше, — сказал я тщательно контролируемым тоном, — мы обсудим ***Ложную аналогию (False Analogy)*** (лат.). Вот пример: во время экзаменов нужно позволять студентам заглядывать в учебники. В конце концов, хирурги используют рентгеновские лучи для помощи им во время операции, у юристов есть записи с кратким изложением дела во время суда, у строителей есть синьки чертежей, чтобы руководствоваться ими при постройке дома. Почему же студенты не могут смотреть в учебники во время экзамена?»

«Вот самая клёвая идея, — воскликнула она с энтузиазмом, — что я услышала за столько лет!»

«Полли, — сказал я раздражённо, —это совершенно ложный аргумент . Доктора, юристы и строители не проходят испытание, чтобы проверить, многому ли они научились, а студенты проходят испытание. Это разные ситуации, и нельзя проводить аналогию между ними».

«И всё-таки я считаю, это хорошая идея», — заявила Полли.

«Чушь», — пробормотал я И продолжил упрямо: «Теперь мы рассмотрим ***Гипотезу, противоречащую факту***.

«Звучит забавно», — отреагировала Полли.

«Слушай: если бы мадам Кюри не случилось оставить фотографическую пластину в комоде с куском уранинита, сегодня мир не знал бы о радии».

«Правда, правда, — сказала Полли, кивая головой, — ты видел кино? О, оно потрясло меня. Вальтер Пиджен такой сказочный. Я имею в виду, он поражает меня».

«Если бы ты могла забыть мистера Пиджена на некоторое время, — произнёс я холодно, — я мог бы показать, что это утверждение ложное. Может быть, кто-то другой открыл бы радий. Могло произойти множество событий. Нельзя начинать с гипотезы, которая не является правдивой, а затем выводить из неё любые приемлемые выводы».

«Следовало бы вводить Вальтера Пиджена в кинофильмы почаще, — заявила Полли. — Едва ли я видела его ещё».

Ещё один шанс, решил я. Но только один. Это предел того, что человек может вынести. "Следующая логическая ошибка называется ***Отравление колодца"***.

«Круто!» — прожурчала она.

«Два человека участвовали в дебатах. Первый встаёт и говорит: "Мой оппонент — известный лжец. Нельзя верить ни одному его слову", ...Теперь, Полли, подумай. Подумай серьёзно. Что здесь неправильно?"

Я внимательно наблюдал за ней, когда она сосредоточенно нахмурила густые брови. Внезапно проблеск разума — я увидел это впервые — появился в её глазах. «Это несправедливо, — сказала она с возмущением, — совсем не справедливо. Какие шансы у второго человека, если первый называет его лжецом до того, как он начал говорить?»

«Правильно! — воскликнул я. На сто процентов правильно. Это несправедливо. Первый человек *отравил колодец* перед тем, как кто-либо мог выпить из него. Он подставил подножку своему оппоненту до того, как тот смог даже начать... Полли, я горжусь тобой».

«Подумаешь», — пробормотала она, вспыхнув от удовольствия.

«Видишь, моя дорогая, эти вещи не так трудны. Всё, что требуется — это сконцентрироваться. Думай — наблюдай — оценивай. Теперь соберись, давай переберём всё, что узнали».

«Начинай», — сказала она, взмахнув рукой.

Смягчённый осознанием того, что Полли оказалась не полной кретинкой, я начал длинный терпеливый пересказ того, что рассказал ей. Снова и снова я приводил примеры, показывал изъяны, продолжал долбёжку без остановки. Это походило на рытьё тоннеля. Прежде всего это была работа, пот и тьма. Я не имел представления, когда доберусь до света и доберусь ли. Но упорствовал. Я долбил и скрёбся, и прорывался, и наконец был вознаграждён. Я увидел проблеск света. Затем проблеск стал больше, и проникло солнце, и всё стало ярким.

Это заняло пять изнуряющих ночей, но оно того стоило. Я сделал из Полли логика; я научил её мыслить. Моя работа была завершена. Наконец она стала достойной меня. Она была подходящей женой для такого, как я, надлежащей хозяйкой моих владений, подходящей матерью для моих благовоспитанных детей.

Не надо думать, что я относился к этой девушке без любви. Напротив. Как Пигмалион полюбил прекрасную женщину, которую он сформировал, так я полюбил свою. Я решил открыть ей свои чувства во время нашей следующей скорой встречи. Пришло время изменить наши отношения от академических на романтические.

«Полли, сказал я, когда в следующий раз мы уселись под нашим дубом, — сегодня мы не будем говорить о логических ошибках».

«А, вот как», — произнесла она разочарованно.

«Моя дорогая, — сказал я, одаряя её улыбкой, — мы провели вместе пять вечеров. Мы блестяще продвинулись вперёд. Ясно, что мы хорошо подходим друг другу».

«*Поспешное обобщение*», — отчётливо произнесла Полли

«Прошу прощения», — сказал я.

«*Поспешное обобщение*, — повторила она. — Как можешь ты заявлять, что мы хорошо подходим друг другу, на основе только пяти свиданий?»

Я хмыкнул с изумлением. Дорогое дитя хорошо усвоило свои уроки. «Дорогая, — сказал я, — успокоительно похлопывая её по руке, — пять свиданий — это много. В конце концов, ни к чему съедать целый пирог, чтобы убедиться в том, как он вкусен».

«*Ложная аналогия,* — быстро ответила Полли. Я — не пирог. Я — девушка».

Я хмыкнул с несколько меньшим изумлением. Возможно, дорогое дитя *слишком* хорошо усвоило свои уроки. Я решил изменить тактику. Ясно, что лучшим подходом было простое, сильное, прямое признание в любви. Я помедлил минуту, пока мой массивный мозг подобрал подходящие слова. Затем я начал:

«Полли, я люблю тебя. Ты для меня целый мир, и Луна, и звёзды и созвездия космического пространства. Пожалуйста, дорогая, скажи, что ты предана мне, ибо, если это не так, жизнь для меня не имеет смысла. Я буду томиться, перестану есть. Буду ходить, глядя в землю, еле волоча ноги, с ввалившимися глазами».

Теперь, подумал я, сложив руки, это должно сработать.

«*Ad Misericordiam*», — сказала Полли.

Я стиснул зубы. Я не был Пигмалионом; я был Франкенштейном, и мой монстр впился мне в горло. Откровенно говоря, я боролся с приливом паники, поднимающейся во мне. Но любой ценой мне пришлось сохранить самообладание.

«Хорошо, Полли, — сказал я, натужно улыбнувшись, — ты, конечно, выучила логические ошибки».

«Ты абсолютно прав», — подтвердила она с энергичным кивком.

«А кто ознакомил тебя с ними, Полли?

«Ты».

«Правильно. Значит, ты в долгу у меня, не так ли, дорогая? Если бы не я, ты бы и не узнала никогда о логических ошибках».

«*Гипотеза, противоречащая факту»,* — мгновенно откликнулась она.

Я стёр испарину со своих бровей. «Полли, — проворчал я, нельзя же воспринимать всё это так буквально. Я имею в виду, что это просто учебный материал. Ты же знаешь, что всё, выученное в школе, не имеет ничего общего с жизнью».

Dicto Simpliciter, — сообщила она, шутливо показывая на меня пальцем.

Это было слишком. Я вскочил, взревев по-бычьи. «Будешь ты или не будешь моей?»

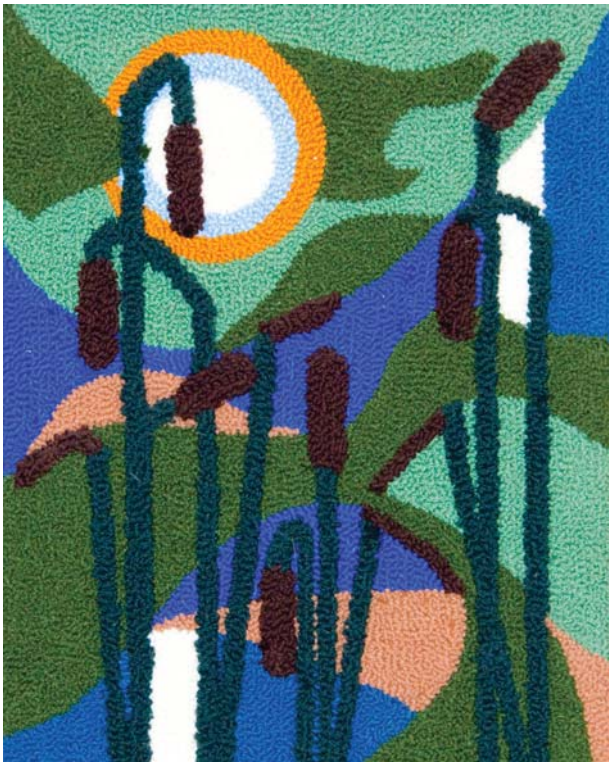
«Не буду», — ответила она.

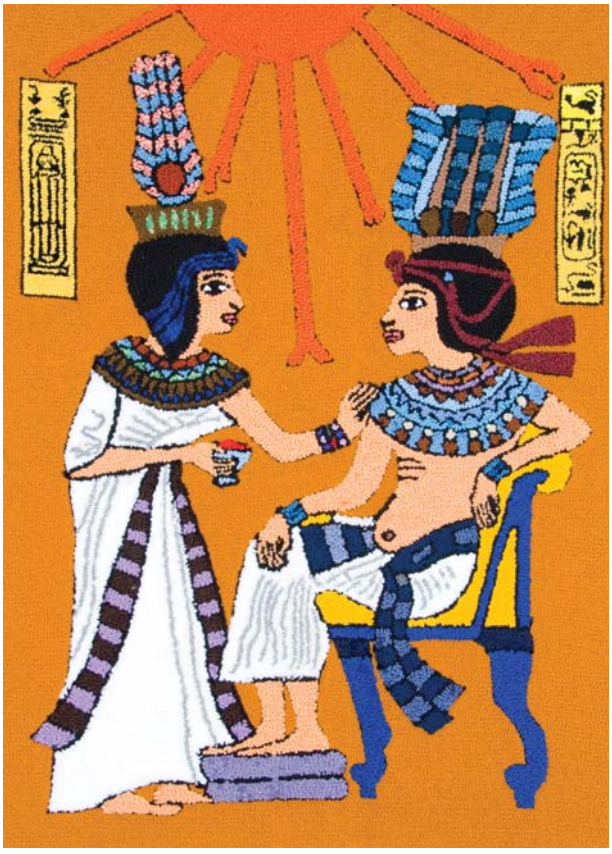
«Почему?» — спросил я.

«Потому что сегодня я обещала Пете Белову, что буду его девушкой».

Сергей Князев:

Мне 51 год. Занимаюсь ковроткачеством с 1986 года. Каждый стежок моих картин сделан из шерсти вручную. Люблю крепкий кофе, тепло и уют в доме. Друзья, знакомые давно знают о моем увлечении и очень часто покупают мои работы в качестве подарка для своих близких. ☎ **379-45-73**





издательство

«НОРДМЕДИЗДАТ» *От рукописи до тиража*

компьютерный набор
корректура, редактирование
верстка оригинал-макетов
сканирование иллюстраций
тиражирование цветных листовок
вывод на пленки, фотовывод
печать медицинских и художественных изданий
размещение заказа в типографии
организация доставки книг
реализация литературы
создание электронных архивов
работа с рекламодателями

(812) 764-79-31

medizdat@mail.wplus.net

Модный клуб "Дети"

От рисунка до создания костюма

Приглашаются дети от 7 до 11 лет ☎ **927-83-92**

Ксения Лаврова:

Я художник-декоратор. Профессионально занимаюсь графикой в интерьере. Традиционно работаю с такими материалами, как акрил, тушь, перо, бумага. Но также с удовольствием делаю настенные росписи небольшого размера. Главное, чтобы в результате совместной работы Ваш интерьер был не только красив и удобен, но и сугубо индивидуален. Мною хорошо освоены такие этнические культуры, как Африка, Мезоамерика (инки, ацтеки, майя), Япония, Древний Египет. Ориентироваться в Европейском интерьере мне помогает знание истории костюма и окончание факультета «Интерьер и оборудование» по специальности «мебельно-декоративные ткани» в ЛВХПУ им. В.И.Мухиной (Академия Барона Штиглица).

Обращайтесь, если Вам захочется изысканно украсить свой интерьер:

☎ **735-91-93, 8-904-633-51-31**

Елена Телегина:

Приглашаю в ателье!

Красивая, удобная одежда может помочь исполнить Ваши мечты.

А профессионал-портной осуществит Ваши идеи из ткани!

Люби себя зимой - блестящей!

Весной - цветущей!

Летом - изящной!

Осенью - волнующей!

☎ **8-911-274-04-59**

Петр Артемьев

Месть Серафимы

Правитель Гренадерска Рикс Великий
Сидел в огромном, полутемном зале
На троне золотом. По стенам блики
Горящих факелов гранит лизали.
Рикс был в плаще, цилиндре и при шпаге,
И темные очки носил (он был незряч),
А на руках его - ни дать ни взять палач! -
Кроваво-красные надеты были краги.
Стоял от трона золотого в шаге
Дел внутренних министр, проныра Келлер:
Перед своим патроном лебезил -
Он реверансы делал, егозил,
Как будто сзади встроен был в него пропеллер,
И трепетал как кролик перед коброй,
И в стекла черные глядел как под гипнозом,
Читая знаки мысли в них недоброй,
Улавливая скрытую угрозу.
Тем временем из уст слетела босса
Формулировка нового вопроса.

Рикс Скажи-ка, Келлер, честно, не тая,
Что думает народ: кто я.
Суждения мне интересны граждан.

Келлер
О мой патрон, боготворит вас каждый,
Пусть даже самый он отъявленный бандит,
Дебил, подонок, трижды идиот -
А в вас души не чает, его ***прет***,
И он авторитет ваш свято чтит.
Возьмите вы любого, хоть урода, -
Он в вашу честь легко напишет оду.
Персона ваша людям дорога,
И Келлер среди них, ваш преданный слуга.

Рикс Велел я про меня вещать, осел,
А ты вдруг на себя вниманье перевел.

Келлер
Как с вами я сравнюсь, мой господин?!
Ведь я - пигмей, а вы - такой колосс.
Я просто Келлер, преданный ваш пес.
Мы, слуги, доброго словца хотим
От вашей милости...

Рикс Ты за свое, кретин?!
Скромнее будь

Келлер
Ой, ой, простите, босс.

Рикс Так что, смотри, давай без панибратства,
Не то укорочу тебя в момент.

Келлер
Какой прикажете сказать мне комплимент?

Рикс
(после раздумья) Хочу услышать о своем богатстве.

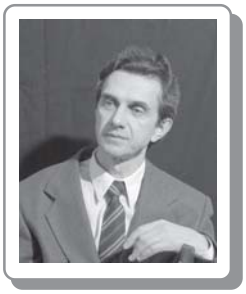
Келлер
Ах, эта тема ждет давно поэта:
Богатству оду написать пора
И в музыке звон выразить монеты.
Богатство ваше, монсиньор, несметно,
И все растет из золота гора.
О золото, таинственная штука!
Но Рикс Великий - настоящий мэтр:
Постиг он накопления науку...
И к верным подданным своим бывает щедр,
Конечно, если в духе он, в ударе...
И Келлера одарит...

Рикс Ах ты харя!
Тебя предупреждал ведь я, урод,
Каналья, плут, пройдоха, идиот,
Обманщик, лжец, корыстолюбец мерзкий.

Келлер
Ай, ай, простите, босс...

Рикс Твой рот
Когда-нибудь заштопаю я дерзкий.
(После паузы.)
Ну ладно, расскажи о Гренадерске.

Келлер
О Гренадерск, мечта! Валом валит народ
Со всех концов земли сюда издалека.
Растет число мигрантов с каждым годом.
Неиссякаема, людей течет река,
Как будто стены наши вымазаны медом.
Влюбляются они с какой-то силой страшной
В наш Город Камня: в небоскребы, башни,
В его идеологию, режим -
Вошел раз в Гренадерск, уйти нет права.



Артемьев
Петр Вадимович
Сочиняет с 1996 года.
Попробовал себя в поэзии,
драматургии, прозе.
Контактный телефон:
905-287-86-68

Рикс
Но некоторым это не по нраву:
Своей свободы видят здесь зажим.

Келлер
Таких уж нет, статистика не врет:
Мы недовольным перекрыли кислород.
И это факт.

Рикс
Или не факт, узнаю вскоре,
Ведь правду истинную скажет мне оракул.
Ты прихвастнул, что каждый мне покорен.
Проверю все, что ты мне накалякал.

Рикс с трона встал в большом неудовольствии
И выхватил с железным свистом шпагу,
Чуть Келлера не зарубив беднягу.
Ощупывая ею, словно тростью,
Пошел небыстрым, осторожным шагом
К оракулу, где было углубленье,
В полу отверстие под кровлей-сенью,
Держащейся на четырех столбах.
Столбы нащупал Рикс и на колени - бах!
Подполз к отверстию и начал исступленно
Над ним молиться, бить поклоны,
Приблизился к нему вплотную ртом -
И звать стал, чтоб откликнулся фантом.

Рикс
На зов откликнись мой, оракул Гренадерска!
Хочу знать факты я: что истинно, реально -
Услышать голос твой нельстивый, резкий
О нравах граждан, облике моральном.
Они верны мне, или это - фикция?
Живут ли все по одному уставу,
Все под одной единой юрисдикцией?
Ведь по-иному жить ни у кого нет права.

Слова ушли в подземную трубу.
Через мгновение оттуда: бу-бу-бу...

Оракул
В твоих владениях есть крошечная точка:
Там Сад расцвел, живут в нем трое -
Супруг с женой, и с ними дочка.
Они не чтут в тебе великого героя,
Политики и Власти корифея.
Эфалия - жена, его зовут Анфир,
А младшей имя легкое - Анфея.
В семье счастливой их Любовь, Согласье, Мир.
Для них твой Гренадерск одна обуза.
И жить им мука в монотонной карусели.
В саду их алтари запретным Музам.
От повседневного труда свободны груза,
Танцуют и поют: всегда у них Веселье
И отношения полны взаимной ласки.
Кайфуют наяву, и безмятежны сны,
И не кончается в Саду расцвет Весны,
И дни проходят, словно в доброй сказке.

И от оракула тогда отпрянул Рикс.
Вставая с пола, словно зверь рыча
И, в ярости ногами топоча,
Нечеловеческий он испускает крик,
И шпагой рубит наугад сплеча,
Вслепую колет воздух, и, как бык,
За Келлером гоняется. Коррида!
Под трон забрался тот.

Рикс
Убью тебя я, гнида!
Ты главный в Государстве полицай -
И должен обеспечивать порядок.
Несешь ответственность за гренадерский край.
Как в нем возникнуть этот Сад мог!
Он у тебя под носом рос.

Келлер
Я все исправлю, правда, босс!
Я кровью искуплю...

Рикс
Прохвост!
Ведь ты министр, а не кухарка.
Я с должности тебя уволю.

Келлер
Клянусь держать все под контролем.

Рикс
Да где тебе! Зови мне Марко.

Келлер
Я оправдаю.

Рикс
Малахольный!
Зови мне Марко. Он солдат
Универсальный, а не цаца.

Келлер
Я уничтожу этот Сад!

Рикс
Ты, Келлер?! Хватит издеваться.
Ты уничтожишь?

Келлер
Да, поверьте,
Я все поправлю очень скоро.

Рикс
От смеха должен умереть я...
Чтоб никому про Сад! В секрете
Храни факт этот. Я позора
Не оберусь. Какой скандал,
Что я такое проморгал!
Беги за Марко... Было б благо -
Тебе по заднице дать шпагой.

И Келлер тихо вылез из-под трона.
Косясь на страшного слепца, бежит
На цыпочках и скачет, как ворона:
А вдруг его Рикс шпагой искрошит!
Пот катится с лица: ему, бедняге, жарко.
Из зала выбежал. А после входит Марко
Походкой робота, как человек железный,
Одетый, словно рыцарь, в латы.
Холодный взгляд, пустой как бездна,
Универсального солдата.
Подходит к Риксу (тот взошел на трон)
И голосом, похожим на металл,
Он рапортует.

Марко
Я пришел, патрон,
Приказ любой исполнить.

Рикс
Час настал.
Хочу обрисовать тебе картину;
Отправишься ты в населенный пункт,
Где вырос Сад. Безмозглые кретины
Ушами хлопали - и проморгали бунт.
В Саду живут супруги, с ними дочка:
Не чтут меня и общества законы,
Не исполняют долг и к сибаритству склонны.
Их арестуй, а Сад сожги без проволочки,
И выполнить все нужно в одиночку:
Я не хочу огласки, слухов, звона.
Но всех заставлю уважать Закон.
Найди их, Марко.

Марко
Слушаюсь, патрон.

Рикс
Удачи! С нетерпеньем жду доклада.
Смутьянов жажду видеть в кандалах.

Марко
Мой босс, все сделаю как надо:
В оковы их, а Сад повергну в прах.

***

Рикс остается, ожиданием томимый,
А Марко отправляется в поход.
Но раньше, чем солдат туда придет,
Появится в местах тех Серафима.
Она красива, молода и пышет
Энергией, и полон чувства взор,
А локоны пылают как костер,
И девственная грудь неровно дышит.
Она приходит в Сад из-за Анфира.
Любовь к нему ее жестоко жгла.
И эта нежная, но хищная ***багира***
Ревнует и отнюдь не ищет мира -
Семью разрушила бы, если бы могла.
Она и он наедине в Саду...

Серафима
Тебя я у супруги украду.

Анфир
Не укради.

Серафима
Переживет она.
Не ожидала, что в тебе найду я труса.

Анфир
Душа твоя старьем захламлена,
И притащила ты из Гренадерска ***мусор***.

Серафима
Тебе, Анфир. пришлась я не по вкусу?
Ты благородный, звезды ловишь в небе,
А я, выходит, что - отребье?

Анфир
Не ты, а убеждений твоих сорт:
Ты любишь Власть, Богатство и Комфорт.

Серафима
Еще тебя, Анфир.

Анфир
Прости, тебе не верю.

Серафима
Уйдем со мной. От моего отца
Осталось мне наследство. Двери
Перед тобой распахнуты дворца.

Анфир
На что он мне! Страшна потеря
Семьи любимой: дочки и жены.
С меня довольно, что украли сына...
Нечистым помыслом глаза твои полны.
Я не люблю тебя. С тобой я стыну.

Серафима
Как ты жесток!

Анфир
Не надо, Серафима!
Я хитрость женскую в уме твоем прочел.
Прошу, не называй меня любимым,
Не надо слез, признаний...

Серафима
Как ты зол!
Не веришь ты в любовь мою, мой милый,
Но это так - она меня сожгла.
Зачем я чашу горькую испила!
Уж лучше бы теперь я в гроб легла,
В глубокую, холодную могилу.
Во мне ты Женщины не разглядел, эх ты!
Ни жалости в тебе, ни доброты.
Отшельником ты спрятался в Саду,
Забрался словно в ракушку улитка.
Ушел от жизни.

Анфир
Аргумент твой жидкий.
Я все равно отсюда не уйду.
И золота не предлагай мне слитки.

Серафима
Да где понять тебе, Анфир, мои печали!

Анфир и Серафима помолчали.

Серафима
Уйду одна я, тяжко пусть
С тобою будет расставанье,
Но выполни последнее желанье
Больного сердца, чтоб не так терзала грусть.
Мне нужно о тебе воспоминанье,
Живая память, дар. Любя,
Я буду видеть в нем тебя.

Анфир
Намек довольно тонок.

Серафима
Мне нужен от тебя ребенок.
Хоть в этом не откажешь ты?

Анфир
Твои несбыточны мечты.

Серафима
Ты отказал мне?

Анфир

Да, мосты
Навеки сжег я...

Серафима
Ты - подонок
Тупой, бесчеловечный, мерзкий..

Анфир

Я связи новой с Гренадерском
(А ведь ребенок - это связь!)
Иметь не стану.

Серафима
Падаль, мразь!
А я мечтала, я любила.
Никто тебя мне не был ближе.
С какою, если б знал ты, силой
Теперь тебя я ненавижу.
Пусть сгинет Сад, твоя семья
И ты. Проклятье шлю всем я.
Искала нежности - нашла врага я, -

Кричит красавица, из Сада убегая.

Анфир встревожился от слов ее серьезно:
Проклятие звучало очень грозно,
Тяжелое предчувствие навея.
И в это время появляется Анфея,
Свидетельница тайная скандала.
Издалека всю сцену наблюдала
Между своим отцом и Серафимой.
К нему подходит, обняла:

Анфея
Любимый!
Я слышала ваш с Серафимой разговор:
Какая женщина, какая гадость!
Она пришла, чтоб сеять здесь раздор,
Чтоб отравить Родник, в котором жизни радость.
К тебе она пристала - банный лист! -
Чтоб оплести своей любовью липкой
И приторной, а взор ее нечист,
И похотлива мерзкая улыбка.
После нее в наш Сад проникла скверна,
Как будто черви поселились в хлебе...

Анфир

Но если б грязи не было и терний,
Тогда б мы не летали в чистом небе.
От отвращения у нас возникли крылья -
Иначе бы, как птицы, не парили.

Анфея
А если Сад наш разорит отребье?!
Угроза Серафимы не пустяшна.
Она несчастье принесет - мне страшно!
Известна тайна ей, секретный в сад маршрут.
Она гвардейцев Рикса наведет -
И кончится свободный наш полет,
А дальше что? Позор, тюрьма и кнут.

Взволнованный Анфеи бурной речью,
Анфир утешить хочет свою дочь:
Он с нежностью берет ее за плечи,
Чтоб словом добрым девушке помочь.

Анфир

Любимая, не думай о дурном
И разорви тревогу свою в клочья.
Своим я поделюсь с тобою сном,
Пригрезился который этой ночью...
А мама где? Ее мы не позвали.

Анфея
С Эфалией недавно мы сплетали
Наряд из листьев и цветов душистых.

И тут поблизости раздался голос чистый -
И вышла женщина красивая - Эфалия.

Эфалия
Ах вот вы где! А я без вас в печали.
Накидку из цветов несу и три венка...
Заныло сердце вдруг и стало так тревожно,
А объяснить причину страха сложно.
Боль колющей была и, как игла, тонка...
Случилось что? Скажи, Анфир любимый.

Анфир

К нам приходила снова Серафима.

Эфалия
Я знаю, что стрелой она амурной
Подстрелена. Того, кто ей уколот,
Порыв любви могу представить бурный,
Неразделенного желанья голод.

Анфея

Она забрать у нас хотела папу в Город.
А он сказал, что не уйдет из Сада
И нас не бросит ни за что.

Эфалия
Я рада,
Что неразлучны мы...

Анфир

И не хотим другой
Судьбы. Нам дорог наш покой.
Какое счастье, что мы вырвались из ***ада***!

Анфея

И что бы ни было, туда мы ни ногой.
Ах если бы Анфей, близнец, мой бедный брат,
Когда-нибудь вернулся к нам оттуда,
Он полюбил бы этот дивный Сад...

Эфалия
Ах доченька, тогда б случилось чудо.
Я день тот страшный не забуду,
Когда нас разлучили с ним,
Когда попал он к людям злым.
Как вспомню, так мне станет худо.
Его насильно взяли, как налог,
На службу к Риксу, в янычары.
Пожизненный Анфей отбудет срок.
За что ему такая кара!

Анфир

Вред самый страшный и большой -
Что им внушают нрав жестокий.
Завладевают их душой
Тогда ужасные пороки.

И если кто-то отступил
От гренадерских идеалов,
То янычар его б убил
И не раскаялся нимало.

Анфея
А мы как раз и отступили
От гренадерской жизни всей
И Сад прекрасный полюбили...
И мог бы нас убить Анфей.

Эфалия
Нельзя себе представить хуже,
Но кровь прольет родную он,
Раз, словно робот, Риксу служит...

Анфея
А папа видел добрый сон.

Анфир
А сон такой: пустыня снится,
Четыре дерева растут,
Из них два маленьких. Приют
Нашли в ветвях зеленых птицы.
Ручей журчит, питает корни
Своей живительной водой,
И дни проходят чередой.
Вдруг смерч к деревьям мчится черный,
На них повеял духом мертвым,
Своею мрачной, гиблой силой -
Три выжили, беда с четвертым:
Стихия жизнь в нем загасила,
В одном из маленьких древес.
Оно не выдержало пресс...
Но время шло, бежали годы -
И вот взяла свое Природа,
И повзрослело деревцо,
Росло что рядом с мертвецом:
Живою ветвью дотянулось
До чахлых веток и ствола -
Как будто Духа часть дала,
И в мертвом теле жизнь проснулась,
И под его корой потек
Древесной крови сладкий сок,
И вышли, чтоб увидеть свет,
Зеленые листочки,
И следом дали белый цвет
Душистые цветочки...

Анфея
Послушайте, ведь это вещий сон.
Деревья - мы, и поняла теперь я:
Анфей вернется, будет с нами он.
Любимые, я в это твердо верю!

И тут внезапно в небе голубом
Сверкнула молния над Садом ярко,
И в тот же миг вверху взорвался гром,
И вырос как из-под земли ***фантом*** *-*
Солдат универсальный Марко.
Сказать все трое не успели "ах!",
А он им голосом железным:

Марко
Всем оставаться на местах -
Сопротивленье бесполезно.
Я под арест всех трех возьму
И в гренадерскую тюрьму
Доставлю просто, непомпезно.
Вам до суда там быть в неволе,
А суд решит, так и до казни.
К ней отнеситесь без боязни:
Ручаюсь вам - не будет боли.
А если есть здесь человек,
Кто вдруг решится на побег,
Мое предупрежденье -
Огонь на пораженье.
И чтоб никто не смел дерзать,
Не думал бы дать драпа,
Придется крепко всех связать -
Давайте ваши лапы.

К Анфее Марко протянул
Свои стальные руки,
Но, лишь коснулся, громыхнул
Раскат, пошел треск гулкий.
Блеснул под аккомпанемент
Могучего раската
Огонь с Небес, в один момент
Прошив насквозь солдата.
Остался без одежды он -
Красавец, юный Аполлон.
Стоит весь обнаженный
И ***громом пораженный.***
Растерян: что случилось с ним,
Он силится понять,
Вопросом мучится одним -
В чем дело? - хочет знать.
Вот что наделала гроза!
Отец, и мать, и дочь
На юношу во все глаза
Глядят, а он точь-в-точь -
Анфея, на нее похож.
Они как капли две,
Анфея шепчет:

Анфея
Сон не ложь:
Ведь это брат - Анфей!

Эфалия
Не сложно сходство их поймать -
Ошибка невозможна. *(Анфиру)*
Ему отец ты.

Анфир
А ты - мать.
Видение не ложно. *(Эфалии.)*
Не плачь родная - радость ведь!

Эфалия
Но приступ ее острый.
От счастья можно умереть.

Анфея
Во что бы нам его одеть?

Эфалия
Сплела наряд я пестрый
Из листьев разных и цветов,
И ароматный их покров
Как раз ему по росту.

Анфея
Смотрите, словно в трансе он -
Глаза таращит дико.

Анфир
Он переменой потрясен.

Анфея
Молчит, как безъязыкий.

Берут наряд они втроем,
Анфея окружают
И с ловкостью, в один прием,
Красавца наряжают.
Но потерял он речи дар.
И глух, и нем Анфей,
И хмурится разлет бровей:
Он был под властью чар.

Бегут часы, проходит день,
И наступает вечер -
Анфей по-прежнему как пень,
Как будто мыслям его лень
Родится в звуках речи.
Сидел он при луне всю ночь
С открытыми глазами.
Никто не мог ему помочь.
Горючими слезами
Его оплакивала мать.
Как им с него проклятье снять?

И как его растормошить,
Чтобы сильнейший шок
Прошел, чтоб снова начал жить
Анфей. Огонь прожег
Ему всю душу, чтоб чиста
Она была навек.
Наутро говорить он стал -
Открылись вдруг его уста,
Проснулся ***человек.***

Анфей
Как в эти я забрел края,
Забвение кто снимет?
В чаду живу угара я.
Кто скажет мое имя?

Эфалия
Анфей.

Анфей
Я вспомнил, наконец. *(Эфалии.)*
А ты кто?

Эфалия
Твоя мама.

Анфей *(указывая на Анфира)*
А он?

Эфалия
Анфир.

Анфей
Он - мой отец.
Теперь узнал и сам я.

Анфир *(указывая на Анфею)*
А это кто? Ну, погляди.

Анфея
Узнал черты сестренки?

Анфей
Анфея ты. Мы близнецы,
Из одного гнезда птенцы.
Как чист твой голос звонкий!
Но объясните, почему
Забыл я вас - я не пойму:
Как будто между нами была бездна.

Эфалия
Ты просто в сонном был бреду
И в летаргическом аду,
Но к черту прошлое: оно нам бесполезно.

Анфей вдруг просиял лицом
Родных он вспомнил всех:
С сестрою, матерью, отцом
Обнялся. Дружный смех
Сад огласил. С души упал
Последний горя камень.
Теперь никто не горевал -
Не жала боль тисками.

Анфир
Со щек следы сотрите слез:
Прошли года разлук и гроз -
Нерасторжимы будут наши узы.

Анфея
Эй, становитесь в хоровод:
Душа танцует и поет.
Нас ждут Веселье, Дионис и Музы!

И, взявшись за руки, они,
Задора юного полны,
Пустились в зажигательную пляску,
Совсем забыв про Серафиму,
Поверя, что неуязвимы,
Что жизнь их - нескончаемая сказка!

***

На троне золотом сидит Великий Рикс,
И мучает его идея-фикс:
Ему от Марко подтвержденья надо,
Что нет мятежного на свете больше Сада,
Что жизнь в нем кончилась и вместо нее - тлен,
А обитатели, все трое, взяты в плен.
Ох, он посадит отщепенцев на кол!
По подлокотникам он барабанит нервно:
В тревоге он - солдат где, Марко верный?
Но правду скажет лишь один оракул.
И Рикс встает, идет по залу снова
Узнать, его исполнено ли слово.
На четвереньки он становится опять,
К дыре в полу вплотную наклонясь.
С оракулом выходит он на связь
И начинает громко его звать:

Рикс
На зов откликнись мой, оракул Гренадерска!
Нашел ли к Саду мой солдат дорогу?
Я начал беспокоиться немного.
Мое волнение оправданно и веско -
Ведь Марко делает все быстро, резко.

Ему нет равных - лучший он солдат
И служит вовсе не из-за наград,
Его не купишь золотом, дарами:
Он действует сугубо по Программе.
Так где же он? -

Слова ушли в трубу,
Через мгновение оттуда: бу-бу-бу...

Оракул
Я вижу Сад, людей: на счастья крыльях,
Они ликуют, веселятся, славят Муз
И Диониса. Благовонья воскурили,
Свои сердца друг другу отворили -
И крепок душ любовный их союз.
Их четверо, а раньше было трое:
Среди них Марко, а теперь Анфей.
Ни йоты в нем от прежнего героя
И лучшего из Гренадерска сыновей.
Стоял он раньше за тебя горою -
Теперь же в новой укрепился вере
И даже в новое оделся платье...

Услышав это, превратился в зверя
Великий Рикс. Воскликнул он:

Рикс
Проклятье!
Бунтовщиков обязан покарать я,
И в том числе отступника. В дугу
Я всех согну. Поверить не могу:
Изменник - самый преданный и верный.
Печаль моя поистине безмерна.

И Рикс рукой, одетой в крагу
Кроваво-красную, клинок
Из ножен выхватил и шпагой
В припадке ярости рассек
Три раза воздух. На пороге
Явился Келлер в ту минуту
И видит: Рикс настроен люто.
И затряслись в коленках ноги.
Рикс Келлера учуял быстро
(Был у него звериный нюх
И обостренный также слух)
И обернулся он к министру,
И тот от ужаса потух,
Проговорил он, заикаясь:

Келлер
Зашел не вовремя я, каюсь.

Рикс
Какие вести ты принес?

Келлер
Пришла к вам женщина, мой босс.

Рикс
Чего ей надо?

Келлер
Информатор
Она. Ума у ней палата.
Красавица на загляденье...

Рикс
На загляденье для слепого?

Келлер
Ой, извините, ляпнул снова.

Рикс
Что дальше?

Келлер
Местонахожденье
Известно ей и в Сад маршрут,
Смутьяны эти где живут.

Рикс
Мне по душе ее раденье.
Ее как имя?

Келлер
Серафима.
Босс, это дело поправимо.

Рикс
Еще б его ты не поправил!
Тебя бы я туда отправил,
Где и Иван телят не пас.
Зови.

Келлер
Исполнить ваш приказ
Спешу.

Рикс
Ты не болтай, спеши.

Келлер
Умна, красива, просто шик!

Включив тем временем ***пропеллер****,*
За Серафимой мчится Келлер,
А Рикс Великий занял трон
И торжествует втайне он.
И вот заходит Серафима:
Рыжеволосая, костер
Горит кудрей неугасимо.
Краса ее неотразима,
Но перед Риксом гордый взор
Она смирила. Разговор
Рикс начал с женщиной незримой.

Рикс
Ты Серафима?

Серафима
Да.

Рикс
Зачем пришла ко мне?

Серафима
Чтобы спасти тебя, мой повелитель.

Рикс
Разбойников ты видела во сне?

Серафима
Нет, наяву, и свет должна пролить я,
Чтоб хорошенько ты их разглядел.

Рикс
Мне это сделать будет нелегко.

Серафима

Я думала, что ты очки надел,
Чтоб видеть в перспективе, далеко.

Рикс

А ты стервозная, смотрю я, шельма,
И твой язык напитан ядом зла.

Рикс снял очки - и обнажились бельма,
И женщина была потрясена.

Серафима

Прости, мой повелитель, я не знала.

Рикс

Ни в чем не виновата ты нимало.
Сказали мне, что преданный ты друг.
Но твои страхи не пустой ли звук?
В моих владеньях все прекрасно.

Серафима

Ты, Рикс, так думаешь напрасно.
Мятеж, крамолу выявила я.

Рикс

Да где такое?

Серафима

Есть семья:
Их трое - мать, отец и дочка.
Они в Саду тайком живут,
Известен мне туда маршрут.
Их надо истребить, и точка,
Чтоб не развилась смуты лента.

Рикс

Представь скорее аргументы.

Серафима

Им наши ценности, сокровища
Не что иное, как чудовища,
И государство гренадерское,
И власть твоя - явленье мерзкое.
В устройстве нашем видят ложь,
Все будто ею с толку сбиты.
В террариуме ядовитом
Живем, мол, Рикс им не хорош.
Для граждан, дескать, он кумир -
Кровавый, в сущности, вампир
И мрачный деспот, фанфаронит,
Чужую кровь пьет, паразит!
Мол, восседает ***грязь*** на троне,
А трон поганый - на ***грязи***.
Везде, во всем для них - изъяны,
А люди наши - обезьяны.
И служат лишь из-за корысти,
Которая должна изгрызть их...
Мне не нужна, поверь, награда,
Но, чтобы не случилось впредь
Такое, кончить стоит гадов.

Рикс

Да, ты права, убить всех надо,
И должен Сад дотла сгореть.
Нашлю на этот Сад я рать.
Веди гвардейцев, Серафима.
Ты как огонь неугасимый -
Должна смутьянов покарать!

***

И вострубили в Гренадерске трубы,
И начался карательный поход,
И Серафима воинов ведет -
Людей и Сад они безжалостно погубят.
Она шагает в черном одеянье,
Горящие скрестила факела,
Чтобы спалить цветущий Сад дотла
И совершить кровавое деянье,
Чтобы сбылось, что прежде прокляла.
И час настал - от ужаса кровь стынет:
Сад выжжен весь, и места нет мертвей.
Эфалия, Анфир, Анфея и Анфей
Убитые лежат. Кругом одна пустыня,
А Серафима созерцает свой трофей
С величественным видом, как богиня.
Горда сознанием, что проучила дерзких
Отступников от правил гренадерских...

Конец

Рустам Карапетьян

* * *

Пусть земля тебе пухом,
Небеса тебе ветром,
За разорванным кругом,
Под раскидистым кедром,
В расплескавшейся песне,
Где такое простое.
Здесь тебе было тесно
Меж бетонных построек.
Здесь тебе было глухо.
И последним ответом -
Пусть земля тебе пухом,
Небеса тебе ветром.

Вилиор Иванов

В конуре

Собаке стало скучно в конуре:
Ее манил сверкающий простор...
Зачем же находиться во дворе,
Коль дом стеречь
Поставлен здесь забор?
Она сказала: выходи!
И по-пластунски выскользнула вон.
Но несколько прыжков - и позади
Послышался глухой бренчащий звон.
Лишь миг назад
Казался мир светлей!
Нет, не бежать ей берегом Колпи,
Когда ее свобода не длинней
Бездушно громыхающей цепи.

Александр Мадисон

По корявым российским колдобинам
Словно пьяный, икая, бреду...
Растудыть тебя, мать твою, Родина,
Я с утра на работу иду.
Грязью вздулись тропинки осенние,
Горе тем, кто покинул порог.
Тихим матом слагаю я реквием
Светлой памяти русских дорог.
Стылый воздух собаками лается,
Под забором лежит теребень[1],
И со скуки на лай откликается
Безразличная Русская Лень.

Вилиор Иванов

Сергею Чухину

Сдаем посуду из-под водки,
Чтобы купить и хлеб, и квас...
А мимо шествуют молодки
И задевают:
- Ну и глотки!
Они луженые у вас!
Какое дело им, вальяжным,
До наших горестей и бед!
Они считают делом важным
Отвелечь мужей своих от жажды,
И больше им заботы нет.
А мы, назло купив бутылки,
От магазина держим путь...
Чуть-чуть хмелеем от горилки
И усмехаемся, что вилки
Нам будет не во что воткнуть.

Рустам Карапетьян

* * *

Посиделки под водку на кухне
Оборвались единомоментно.
Форум, чат, новостная лента...
Остальное - в таком же духе.
Виртуальные бабки и тётки.
Бег за рейтингом - кто тут крайний?
Вдарить с лучшим бы другом водки...
Только он, как всегда, в оффлайне.

* * *

Тают звёзды в ночной пропасти,
Где-то тёмно кричат вóроны.
На границе стою молодости,
Чемоданы уже собраны.
На глазах тает грусть инеем
По тому, что вдали брошено.
Лишь осталось шагнуть за линию,
И захлопнется дверь в прошлое.
А душа пролилась дождиком,
Чуть скулит: погодить мне б ещё.
Но торопит уже таможенник.
В душу штамп. Проходи. Следующий.

[1] Теребень – завсегдатай кабака.

Анатолий Домашев

***

Когда у вас была эпоха,
У нас был точно выходной
И все мы, кажется, неплохо
Толпой гудели на Сенной,
Потом бутылками гремели
На пункте тары, матерясь,
Ценя соборность, дух артели,
Презрев правителей и власть,
Дымком затягиваясь всласть,
И вовсе не переживая,
Что где-то жизнь течет иная.

***

- Это что там пролетело?
- Это жизнь твоя летит,
Ни души в ней нет, ни тела,
Слышно лишь: в ушах свистит.
Бестелесна и раздета, пролетает в вышине,
Ни со светом, ни без света жизнь, не видимая мне.
Раньше с нею был я цельный,
Кокон я теперь, футляр,
Я стою пустой, отдельный,
Без ее волшебных чар.
Нету даже тени рядом
От летящей вверх и ввысь,
И не знаешь, долго ль надо
Горевать еще за жизнь?
Ничего нигде не вижу:
Ни примет, ни следа,
Нет ее родней и ближе,
Но уходит навсегда.

Баллада о безысходности

Валерий Стар

В своём теле я залётный:
Поживу и снова – в путь.
Старый мастер переплётный
Подновит меня чуть-чуть.
И снова кудри золотые упадут на чистый лоб,
А, может, груди налитые
Будут рвать короткий топ.
Или жвалы из хитина
Наконец приобрету
И соседа – вот скотина! –
В зад ужалю на лету.
И совсем не важно дело, как оденет меня Бог,
И какое ещё тело
Для меня Он приберёг:
Мотылька иль землеройки,
Или старого козла,
И как умру я – на попойке,
Иль в борьбе с Оплотом Зла.
Удивительно, однако – ты найдёшь меня везде,
И вот нам уж вместе квакать
Славу Утренней Звезде.
Мы всегда в одном подвиде, генетически близки,
Если ж пол один нам выйдет,
Эх, запьём мы от тоски!
График Вечности мой плотный:
Постигаю твою суть...
И, глядишь, одною плотью
Станем мы когда-нибудь.

Обрубок

Я обрубок.
Я крабом ползу по вагону метро.
Дай хоть рубль.
У тебя ж их - ведро.
Вас - полста,
Значит, двое дадут.
Вот один уж достал.
А на мне, как хомут,
Драной барсетки кривой рот.
Он туда и кладёт.
Синюшний обрубок,
Продетый в такой же костыль,
Мне к сердцу прижать нетрудно
И, глядя в глаза,
благодарно застыть:
- Спасибо.
Нетрудно идти и сквозь взгляды.
Ибо
Они разбегаются в панике.
Ноте:
Если на врага выйдут коляды,
Враги убегут, как ботаники.
Роты!
Но. Трудно тащить за собой икры -
Обрубки, что позади колен.
Когда-то подковками
высекал искры,
А теперь холодно без пелен.
Мне по утрам пеленают
икры газетами,
А поверх уже - пищевая плёнка.
На наш профсоюз
не приходится сетовать,
Разве что - платят "палёнкой".
... А вот и второй на мостик встал:
В джинсовый лезет карман.
Мне не давали за раз ещё ста.
Прикол? Издёвка? Обман?
Я по сердцу обрубком скребу,
Взгляд пытаюсь поймать,
А он соседке: бу-бу, бу-бу, -
Даже не взглянул, б--дь!
Как в урну плюнул,
Отправление совершив...
И она, юная,
Не видит меня,
будто и не жив.
Я бы вытряхнул урну -
Костыль не дал.
Я "благодарствую" бы ввернул -
Да почти зарыдал.
Знал бы ты, как
Всё тогда получилось...
В попыхах...
Не по силам...
Мне бы тогда - этот же камуфляж,
Мне бы чуть раньше крикнули -
ляжь!
Я бы умнее был.
Всё как надо бы сделал.
Ты бы видел мой пыл...
Мои руки белые...
Но обрезки мои
Чьей-то пищей стали.
А обрубки мои
Пищевой обмотали.
И - нищий, рыщу
За пищей нищей,
Хлеб насущный ищу,
Хозяину в барсетке тащу...
А тебя, чистоплюй,
я б схватил за ворот,
Я зрачки бы поймал в прицел,
Я тебе объяснил бы
всё очень коротко -
У тебя ведь не ДЦП.
Я б тебе выложил
Всё, что таил.
Я б тебя...
Напоил.

Я - обрубок.
Я крабом ползу по вагону метро.
Дай мне рубль
И пожалей.
На спор -
я помещусь в ведро!
Правда, без костылей.

Люди-лошади

Ой, подковы жмут,
Тесен мне хомут!
Но развязать супонь
Не умеет конь!
Хоть и силы в нём -
Не сдержать втроём,
Да без пальцев, знать,
Ой, не ловко врать!
А не умеешь врать -
Не рассупонишься,
За свободой, чать,
Не угонишься!
Хоть и травка есть,
Ан не денежка,
В ярмо снова лезть -
Куда денешься!
Куда денешься -
Не разленишься:
Запрягают уж
В окаянный гуж.
Шею сбруей гнут:
- Что не нравица?! -
И на спину кнут
Опускается!
И двуногих власть
Рвёт железом пасть!
И беги опять,
Куда велено,
А кругом степя
Понастелены!
В них травиночки изузорены,
Да глаза-то мои, ой, зашорены!
А уж в стойло введут -
В ясли мордою,
Коль овса и дадут -
За рысь бодрую.
Нет, не мёртвый я,
Но и не живой,
Жжёт тоска-змея,
Что я гужевой...

...А слыхал - есть конь,
Ходит с плейером,
За спиной - гармонь,
Пальцы - веером!
Он разводит людей,
Мстит за всех лошадей,
Ведь умеет врать,
Он двуногим подстать!
Носит он сапоги
Из копыт с подковками,
А в сапогах - и-го-ги-и-и -
Пальцы ловкие:
Хоть в карман залезть,
Хоть узду расплесть,
Хоть аркан кидать,
Прикурить ли дать,
А уж обсчитать -
Так он - первый тать!
И в картишки, бывало,
раскатывал!
А коль схватят - что ж -
Он булатный нож
Враз выхватывал!
Враз выхватывал
Он любой из ног,
А то и всеми мог -
Резал, втаптывал!
А пожилых лошадей
Кормит с рук, чародей...
Уж придёт тот конь -
Всех хозяев - в супонь!
И достанет гармонь,
И расправит мехи,
Будут танцы лихи.
Кобылицы мной
Залюбуются!

Тут хозяин с облучка
Закричал на дурочка:

- Балуй, мерин кривоногий!
Что ль, не видишь ты дороги?!
Будя задницей крутить!
Иль тебе...
ишшо налить?

Информация для читателей

Евгений Гинзбург
«Затмение»

Стихи, проза, поэзия

Елена Мошко
«Павлины в моем саду»

Повесть

Эсфирь Козлова
«Жизнь человеческая»

Воспоминания

Вячеслав Качурин
«Сегодняшняя молитва»

Стихи, песни

журнал

приобрести

- ***Книжный магазин-клуб «Дом на Жуковского»,*** СПб, ул.Жуковского, д.41 ☎ 579-92-30
- ***в издательстве «Нордмедиздат»,*** СПб, Лиговский пр., 56/Г, оф.100 ☎ (812) 764-79-31 E-mail: medizdat@mail.wplus.net
- ***на выставке «Книжный салон»,*** СПб, Ленэкспо, 23-26 апреля 2009 г.
- ***в магазинах: «Лас-Книгас»*** (Санкт-Петербург, Москва), СПб, Большой пр., В.о., 18А СПб, пр.Стачек, 9А. Химки, Ленинградское шоссе, владение 5. Москва, ТЦ "БУМ", ул. Перерва, д.43, корп., Москва, Рязанский проспект, д. 32/3 Москва, Ореховый б-р д.15
- ***«Университетский книжный салон»*** СПб, Университетская наб., д.11, ☎ 328-95-11; ***«Классное чтение»,*** СПб, В.о., 6-я линия, д.15 ☎ 328-62-13

Журнал «Литературный MIX» — **«Литературный MIX»** - это отражение новой литературы, приглашение в новфое измерение, в новое время!

тексты с подтекстом 3D BOOK

Предлагаем читателям и библиотекам книги серии «3D BOOK»

Мы выпускаем литературный журнал и книги в рамках серии «3D BOOK», написанные объемно, выходящие за рамки плоского повествования, представляющие собой «тексты с подтекстом». Мы открываем имена новых авторов, наших современников, чье творчество наполнено внутренней энергией, выходит за рамки повседневности и вправе диктовать моду.

В продаже - 7 выпусков

июль-2006	ноябрь-2006	март-2007	июль-2007	ноябрь-2007	март-2008	ноябрь-2008
❶	❷	❸	❹	❺	❻	❼

Заявка на получение "Книга-почтой"

☑ ***«Литературный MIX»***

☑ ***Книги серии «3D BOOK»***

Ваш адрес:

Кому:

Адрес для заявок: 198206, Санкт-Петербург, ул. Пионерстроя, д. 21/3, кв. 81. Мошко Е.В. (812) 764-79-31. medizdat@mail.wplus.net

«Литературный MIX». Периодичность - 3 раза в год. © Коллектив авторов.
Все права защищены. © Верстка и редактура: Елена Мошко.
Корректура: Лада Киревичева. ISBN 978-5-98306-056-2.
Подписано в печать 27.10.08 г. Заказ № 12905. Тираж 1000 экз.
Издательство «Нордмедиздат», С.-Петербург, Лиговский пр., д. 56/Г., оф. 100
Тел. (812) 764-79-31. E-mail: medizdat@mail.wplus.net
Отпечатано в типографии «Турусел». С.-Петербург, Миллионная ул., д.1.
Тел. (812) 571-54-74.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

МIX

2008 ГОД НОЯБРЬ

СЕДЬМОЙ ВЫПУСК

3D BOOK

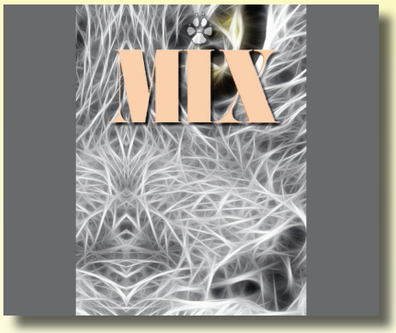
Я играла в кайфа

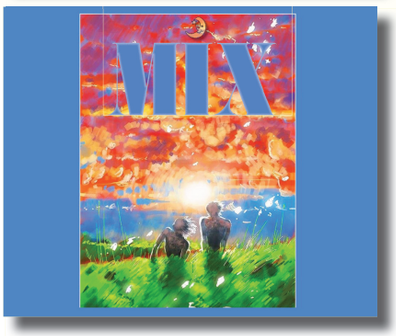
Вязин

Московая гигантов

Приглашаем авторов, рекламодателей, распространителей!

«Литературный Микс»: главное – задать точку отсчёта





Когда мы готовим очередной выпуск в печать, мы стараемся применять новые технологии. Например, первые номера журнала у нас были на пружине, что позволяло делать у издания две обложки. Подобно тому, как мы перелистываем блокнот, под первой обложкой можно было найти подборку произведений авторов из Петербурга, а под второй обложкой – авторов из Москвы. В издании другого номера мы использовали новую полиграфическую технологию – печать выборочным лаком, получилось очень красиво, так как лак был с блестками. Еще в одном из журналов мы предложили читателям закладку – в виде рисунка на ленточке.
Но самое главное – это то, что внутри журнала. Ведь мы объединяем творческих людей – писатели не могут оформить рукопись без художников, а художникам нужен текст, чтобы их картины тоже читались. Материалы публикуются в разных жанрах, отсюда название – MIX (микс - смесь).
Мы стараемся сделать так, чтобы журнал было приятно взять в руки, а обложка была яркой, индивидуальной и привлекательной у каждого выпуска. В качестве иллюстративного материала для блока всегда – книжная графика, авторские фотографии, иногда даже детские рисунки.

Литература, книги – это всегда модно, это вечно и это интересно!!! Любая нация в первую очередь гордится тем, что привнесла в мировую копилку цивилизации. И, если бы страны, планируя бюджет, под номером один писали слово “Литература”, то все остальные сферы поднялись бы на уровень выше – и образование, и здравоохранение. Люди без духовной пищи болеют.

Так будем здоровыми!

www.artlitmix.ru

Информацию о мероприятиях литцентра можно узнать на сайте

www.litcenterspb.com

и через группы в соцсетях

litcenterspb cslik

Дамы и господа!

Приглашаем прогуляться

по нашему интернет-магазину!

www.artlitmix.com